

КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А.Л. КОРМИЛЬЦЕВА, Ф.Х. ТАРАСОВА

**ЛЕКСИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ЖЕНСКИЙ ИНТЕЛЛЕКТ»
В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ
(НА ПРИМЕРЕ УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ)**

**КАЗАНЬ
2020**

УДК 81'373
ББК 81.2-3
К66

Научный редактор

доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии ИФМК КФУ (Высшая школа русской и зарубежной филологии им. Льва Толстого) **Е.Ф. Арсентьева**

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии
ЕИ КФУ **Е.М. Шастина**;
доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков
ФГБОУ ВО КГЭУ **Г.Ф. Лутфуллина**

Кормильцева А.Л.

К66 Лексическое поле «женский интеллект» в русском и английском языках (на примере устойчивых выражений) / А.Л. Кормильцева, Ф.Х. Тарасова. – Казань: Издательство Казанского университета, 2020. – 186 с.

ISBN 978-5-00130-256-8

Тематика монографии находится на стыке важнейших дисциплин современной лингвистической науки (этнолингвистики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии) и рассматривает вербализованные в устойчивых выражениях представления об интеллектуальном уровне лиц женского пола в русской и английской языковой картине мира. В работе осуществлены лексико-семантическое описание и интерпретация способов выражения представлений о женском уме и глупости в русской и английской ментальности, заключающиеся в анализе лексико-семантической структуры устойчивых выражений, выделении ядерных лексем, семантических соотношений, ментальных признаков и категории оценки. Выявлен гендерный потенциал выражений, попадающих в поле анализа. Особой значимостью обладает приведенная в монографии семантическая классификация устойчивых выражений выбранного поля, что до настоящего времени представлено не было.

Адресуется филологам и широкому кругу исследователей.

УДК 81'373
ББК 81.2-3

ISBN 978-5-00130-256-8

© Кормильцева А.Л., Тарасова Ф.Х., 2020
© Издательство Казанского университета, 2020

Предисловие

Данная работа посвящена сопоставительному изучению устойчивых выражений, обозначающих женский интеллект, как основных лексико-семантических единиц, отражающих «гендерный» код русского и английского языков и культур. Работа проделана на примере фразеологизмов, паремий (поговорок и пословиц) и афоризмов двух разноструктурных языков.

Неразрешенность вопросов, связанных с соотношением языка и сознания народа, национального мышления и культуры, издавна волновали ученых, исследователей разного рода высот и направлений. Данный вопрос рассматривался на различных научных уровнях, и базовую разработку он получил в трудах таких ученых, как В. Гумбольдт, А.А. Потебня, Б. де Куртенэ, Э. Сепир, Б. Уорф и др. Исследователи когнитивного направления в лингвистике (XX век) Е.С. Кубрякова, В.Н. Телия, Д.С. Лихачев, З.Д. Попова, Д.О. Добровольский, А. Вежбицкая, Д. Лакофф, И.А. Стернин, З.Е. Фомина и др. во многом продолжили развитие этих идей.

Литературные источники, посвященные изучению устойчивых выражений (в частности паремий, фразеологизмов, афоризмов), весьма обширны и разнообразны. Интерес филологов и языковедов к таким выражениям можно объяснить тем, что малые фольклорные жанры составляют существенный элемент культуры, они несут в себе семантическую уникальность языка, демонстрируют миропонимание и менталитет говорящего на этом языке народа. Так, до сих пор паремии, фразеологизмы и афоризмы пользуются пристальным вниманием как отечественных, так и зарубежных ученых. Данный фонд является предметом изучения нескольких научных направлений: фразеологии (А.В. Кунин, О.М. Бабкин, В.П. Жуков и др.), фольклористики (В.П. Аникин, Ф.И. Буслаев, А.В. Марков и др.), паремиологии (Г.Л. Пермяков, З.К. Тарланов и др.), а также исследований лингвострановедческого плана (Ф.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, В.Г. Томахин и др.). Большой интерес представляют работы по сопоставитель-

ной фразеологии ученых Казанской лингвистической школы: Л.К. Байрамовой, Е.Ф. Арсентьевой, М.А. Солнышкиной и др.

Антропоцентрическая направленность лингвистической науки на современном этапе достаточно актуальна, что обуславливает неугасающее внимание широкого круга исследователей к единицам, отражающим человеческий фактор в языке. Человек становится в наше время центром научного познания, привлекает внимание всех гуманитарных наук, в том числе и лингвистики. Об этом свидетельствуют исследования в сфере лингвокультурологии (В.В. Воробьев, В.А. Маслова, В.Н. Телия и др.) и когнитивной лингвистики (Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин). Их большая часть посвящена исследованию лексического и фразеологического языковых корпусов (Л.Е. Вильмс, Е.Е. Каштанова, М.Л. Ковшова, А.А. Уфимцева, Н.Ю. Шведова и др.). Тем не менее такие аспекты, как семантика паремий, фразеологизмов и афоризмов, их культурно-национальная детерминированность, по настоящий момент недостаточно освещены. Образ женщины вызывает повышенный интерес к изучению. Так, исследованы концепт «Женщина», фразеологизмы с женской семантикой (В.А. Ефремов 2010, А.С. Быкова 2006, О.Ю. Шишигина 2003, А.В. Артемова 2000, А.В. Кирилина 1999, О.Ю. Леонтьева и А.П. Мартынюк 1989 и др.). Широкому анализу подвергнута и интеллектуальная сфера человека (О.Н. Волобуева 2011, Н.М. Кравцова 2008, С.Н. Тровати 2007, М.Д. Самедов 2006, А.В. Крюков 2005, Алдаибани Ареф Али Салах 2003, Т.В. Леонтьева 2003 и др.). В устойчивых выражениях, обозначающих женский интеллект, проявляются общекультурные и этнокультурные ценности, характеризующие личность человека.

Представляется актуальным изучение паремиологического и фразеологического фонда, обозначающего женский интеллект, и его воплощения в двух разноструктурных языках. Структурирование устойчивых выражений в лексико-семантическом плане обладает значительной теоретической значимостью, так как выявление соответствий и различий в устойчивых выражениях двух разноструктур-

ных языков раскрывает новые данные, которые могут быть полезны как при объяснении языковых тождеств, так и при решении некоторых трудностей перевода. Кроме того, в эпоху расцвета гендерных исследований очень важным является изучение феномена «женский интеллект» и его вербализации в языковые знаки на трехплановом уровне – паремии (пословицы и поговорки), фразеологизмы, афоризмы, что позволяет достаточно точно сформулировать полученные лингвокогнитивные данные об изучаемом предмете. Устойчивые выражения в целом широко демонстрируют мыслительную деятельность отдельно взятого лингвокультурного образования, а через сравнение и сопоставление можно обстоятельно постигнуть внутренний мир человека и общества.

Монография вносит вклад в общую теорию когнитивной лингвистики, способствует дальнейшему пониманию и изучению положений, связанных с вопросами взаимоотношения языка и мышления, языка и культуры, менталитета различных наций, роли языка в процессе познания. Материалы могут быть использованы в дальнейших исследованиях по языкознанию; при разработке курсов спецдисциплин по изучению паремиологии, фразеологии, афористики, фольклористики; в когнитивной лингвистике в русскоязычной и англоязычной аудиториях; а также для преподавания русского и английского языков в России и за рубежом. Результаты исследования могут найти применение при составлении учебников, учебных пособий и справочников по паремиологии, фразеологии, афористике, могут быть полезны для практики перевода.

Появление данной монографии диктуется необходимостью сопоставительного изучения лексико-семантических особенностей устойчивых выражений, обозначающих женский интеллект, в русском и английском языках. Ведь наиболее полное познание специфики определенного этноса возможно только при сопоставительном исследовании.

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

1.1. Устойчивые выражения как часть языковой картины мира

В современной науке, когда происходит выдвижение новых методологических принципов в изучении особенностей постижения мира человеческим сознанием, исследователи выделяют различные картины мира (физическую, научную, философскую, концептуальную). Среди них особый интерес для нас представляет языковая картина мира.

Ю.Д. Апресян определяет языковую картину мира как *«субъективно-объективный образ реального мира»* [Апресян, 1995: 42]. Она является как бы результатом когнитивной деятельности языка, вербализует и концептуализирует полученный опыт. Именно через ее формирование в языковом фонде находит свое выражение своеобразие национальной мысли и культуры. В монографии Ж.Н. Масловой говорится, что *«языковая картина мира отражает не только объективную реальность, но и множество новых образов мира, созданных сознанием человека»* [Маслова 2012: 18], что указывает на значительную сложность и многогранность взаимоотношений языка и сознания.

Исследование языковой картины мира диктует проблемы, связанные с вопросами взаимосвязи языка и культуры, ведь большинство ученых считает, что язык представляет собой часть культуры. С точки зрения актуального на сегодняшний день антропоцентрического подхода изучается человек, его внутренний мир, окружающая среда, сфера существования. Впервые опыт исследования данного направления был представлен в трудах В. Гумбольдта (*«Избранные труды по языкознанию»* 1984, *«Язык и философия культуры»* 1985). Основные заключения ученого по данному вопросу В.А. Маслова ви-

дит в следующем: «1) материальная и духовная культура воплощаются в языке; 2) всякая культура национальна, ее национальный характер выражен в языке посредством особого видения мира; языку присуща специфическая для каждого народа внутренняя форма (ВФ); 3) ВФ языка – это выражение «народного духа», его культуры; 4) язык есть опосредующее звено между человеком и окружающим его миром» [цит. по Маслова 2001: 59]. Ученый писал, что «язык всегда воплощает в себе своеобразие целого народа» [Гумбольдт 1985: 349]. Дальнейшее развитие эти идеи приобретают в трудах А.А. Потебни, Ш. Балли, Л. Вайсгербера, И.А. Бодуэна де Куртэне и других ученых. И.А. Бодуэн де Куртэне замечал, что «в языке или речи человеческой отражаются различные мировоззрения и настроения как отдельных индивидов, так и целых групп человеческих» [Бодуэн де Куртэне 1963: с. 18].

Далее, в связи с разработкой проблемы взаимодействия языка и культуры формируется такое современное направление, как лингвокультурология. По мнению В.Н. Телия, данное направление возникает на стыке таких наук, как языкознание и культурология [Телия 1996: 222]. Исследователи лингвокультурологического направления (В.Н. Телия, Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, В.А. Маслова и др.) считают, что восприятие мира носителями различных языков преломляется зеркалом родного языка, язык рассматривается как составная часть культуры, переходящая из поколения в поколение, посредством языка культура воспринимается индивидом. Именно поэтому язык способен отражать культурно-национальное своеобразие его носителей. Исследователи отмечают, что в этом аспекте представляет интерес лингвокультурная сторона национального фольклора, так как через фразеологические единицы, пословицы, поговорки и характер их составляющих компонентов можно изучить историю и культуру народа. Это приобретает особую значимость в связи с тем, что фразеологический корпус представляет собой часть языковой картины мира.

Усиление интереса к лингвокультурологическому аспекту исследования языков приводит, по мнению В.А. Масловой, к «разворо-

ту собственно лингвистической проблематики в сторону человека и его места в культуре» [Маслова 2001: 5], что отображается в лингвистической литературе.

Язык – важнейший способ формирования знаний человека об окружающем мире. Результаты человеческих познаний фиксируются в слове. Таким образом, представляется справедливым рассматривать язык как *«фактор формирования культурных кодов»* [Маслова 2001: 6], как универсальный инструмент познания и интерпретации культуры, ментальности того или иного этноса, ведь связь лингвистики с общечеловеческой и национальной культурами неизменна. А выявление национальных особенностей характера, знание их, размышление над историческими обстоятельствами, способствовавшими их созданию, помогают нам понять другие народы [Лихачев 1981: 72].

В целом, языковая картина мира так или иначе была рассмотрена в трудах Л. Вайсгербера, А. Мартине, Б. Уорфа, Й. Триера и др. Из отечественных лингвистов данным вопросом занимались Г.А. Брутян, Ю.Н. Караулов, Ю.Д. Апресян, Е.С. Кубрякова и др. В настоящее время многими учеными проводится связь лингвистики, лингвокультурологии, языкознания с таким направлением, как когнитивная лингвистика (В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова, Н.Ф. Алефиренко и др.). Предметом изучения данной области является *«язык как общий механизм приобретения, использования, хранения, передачи и выработки знаний»* [Алефиренко 2005: 179]. Главной задачей когнитивной лингвистики является *«системное описание и объяснение механизмов человеческого усвоения языка и принципы структурирования этих механизмов»* [Демьянков 1994: 17].

В монографии Ф.Х. Тарасовой упоминается, что *«языковая картина мира формируется на основе всех языковых средств, таких, как слово, фразеологизм, паремия, текст, в которых содержатся фоновые знания и способы отражения этих значений в национальной картине мира»* [Тарасова 2012: 10].

То, что индивид воспринимает через языковое отображение, и составляет языковую картину мира. Это совокупность семантиче-

ских, синтаксических, грамматических категорий, служащих для интерпретации воспринимаемых явлений. По мнению Е. Бартминьского, данные категории сочетаются с конкретными характеристиками предметов, *«в которых устойчивые представления сочетаются с оценками и образцами поведения»* [Бартминьский 2005: 171].

По Н.Ф. Алефиренко, *«эмотивно-оценочное содержание ЯКМ генетически связано с представлениями» и «вербализовано знаками вторичной и косвенно-производной номинации (метафорами, фразеологизмами, паремиями)»* [Алефиренко 2008: 202], то есть находит свое вербальное отображение в изучаемом феномене.

Таким образом, фразеологизмы, паремии, афоризмы делают нашу речь более эффектной и выразительной, поэтому столь широко используются в языке. При изучении языка чрезвычайно важно значение паремиологии и фразеологии, так как это придает языку красочность и экспрессивность, делает мысль автора более доходчивой, состоятельной.

В монографии рассматриваются устойчивые выражения, в состав которых входят паремиологические, фразеологические и афористические единицы. Устойчивые выражения понимаются нами в широком плане, то есть они включаются во фразеологический фонд языка. Здесь мы солидарны с мнением Н.М. Шанского, который считает, что к фразеологическим оборотам относятся как устойчивые сочетания слов, семантически эквивалентные слову, так и единства, в структурном и семантическом плане представляющие собой предложения, т. е. буквально все воспроизводимые в готовом виде единицы [Шанский 1996: 3]. Н.Ф. Алефиренко и Н.Н. Семененко в своем учебном пособии «Фразеология и паремиология» заключают, что *«устойчивые сочетания слов имеют несколько названий: фразеологизм, фразеологическая единица, фразема, идиома, устойчивое словосочетание. Такие единицы обладают одной самой примечательной для составных образований чертой – постоянством»* [Алефиренко, Семененко 2009: 17]. Из части работы Н.Н. Семененко следует, что *«фольклорные афоризмы (то есть пословицы, поговорки) наряду*

с афоризмами нефольклорного происхождения образуют целый пласт языковых выражений, который входит во фразеологический фонд русского языка (в широком его понимании)» [Алефиренко, Семенов 2009: 240].

Также стоит заметить, что в зарубежной лингвистике на современном этапе чаще наблюдается использование термина “set-expression” (устойчивое выражение) взамен “phraseological unit” (фразеологическая единица). Также довольно частотным является термин “idiom” (идиома). Все представленные термины, в принципе, могут обозначать сходные явления.

Интересующие нас выражения устойчивого характера Г.Л. Пермяков называет *«разного рода языковыми клише»*. К данной группе ученый относит различные по типу, характеру построения, функциям, стилистическим, а также синтаксическим конструкциям выражения [Пермяков 1988: 79–80].

Вообще исследователи фразеологического корпуса сопоставляемых языков имеют много различных мнений о том, что такое фразеологизм, паремия, афоризм и т. п. Зачастую наблюдается расхождение во взглядах ученых на то, каков состав таких выражений в различных языках. Имеют место теоретические разногласия в представлениях об объеме фразеологии и характере языковых явлений, именуемых фразеологизмами. Многие ученые, наряду с афоризмами нефольклорного происхождения, не относят к области фразеологии и пословицы. Например, В.М. Мокиенко («Славянская фразеология» 1989, «Загадки русской фразеологии» 1990) и В.П. Жуков («Русская фразеология» 1986) приводят некоторые аргументы, что позволяет выделить паремиологию в отдельную науку. Во-первых, это то, что паремия отличается от фразеологизма синтаксической структурой, во-вторых, то, что пословица рассматривается как источник фразеологии.

Популярны классификации фразеологических единиц, предложенные В.В. Виноградовым, И.И. Чернышевой, Н.М. Шанским. Взгляды ученых разнятся по поводу принадлежности к фразеологиз-

мам различных групп словосочетаний и степени устойчивости словосочетаний. Так, например, в состав фразеологизмов, по мнению Н.М. Шанского, входят пословицы, поговорки, присловья, крылатые слова, афоризмы [Шанский 1996: 3]. К тому же не наблюдается четкого дефинирования пословицы, что является широко распространенным жанром фольклора. В.В. Виноградов, например, не включает их в состав фразеологии, а некоторые ученые (А.М. Бабкин, В.П. Жуков, М.М. Копыленко, З.Д. Попова и др.) признают фразеологизмами лишь некоторую часть пословиц.

Мы обратим внимание на фразеологизмы, паремии (куда включим пословицы и поговорки), а также афоризмы нефольклорного происхождения, которые объединим в одну группу для анализа – в устойчивые выражения. Мы понимаем последние как любые устойчивые и воспроизводимые в речи в готовом виде сочетания слов, имеющие форму предложения или словосочетания. Объединяющий признак для всех перечисленных единиц – устойчивость. Здесь мы можем опереться на мнение Н.Н. Семененко, из которого следует, что *«фразеологизмы, паремии и афоризмы – это разновидности устойчивых выражений, каждая из которых характеризуется своим набором структурных, семантических и функциональных особенностей»* [Алефиренко, Семененко 2009: 243]. То есть в традиционном, с нашей точки зрения, понимании устойчивость выражения проявляется в том, что оно фиксируется в словаре, а не создается каждый раз заново по грамматическим правилам. Ниже рассмотрим каждую группу в отдельности.

1.1.1. Паремии и паремиологическая картина мира

В паремиях воплощается культурно-национальная самобытность определенной языковой общности, вербализуются ее ментальность, специфические черты мышления и самовыражения говорящего на данном языке народа. Паремии являются зеркалом людских воззре-

ний на устройство мира, жизненные идеалы, берущие начало еще в древности.

По мнению З.К. Тарланова, *«паремии как замкнутые устойчивые фразы совмещают свойства фразеологизмов со свойствами предложений и свободных сочетаний»* [Тарланов 1999: 36]. Таким образом, под термином *«паремия»* некоторые ученые понимают афоризмы народного происхождения, то есть пословицы и поговорки.

Паремиология как раздел филологии изучает паремии, в состав которых по некоторым данным могут входить пословицы, поговорки, афоризмы и другие изречения. Паремии возникают как результат наблюдения и обобщения полученного опыта, в краткой образной форме выражают общепринятые взгляды и традиции, основанные на познании жизни народом. Зачастую содержат нравоучение, обладают назидательным смыслом и выражаются в форме устойчивого выражения, обычно со структурой предложения.

Паремиологические единицы в языке, в частности такие, как пословицы и поговорки, изучаются как лингвистикой, так и фольклористикой, часто анализируются в тесной связи с фразеологизмами. В таком случае, если придерживаться широкого понимания фразеологии, можно говорить о том, что паремии наряду с фразеологизмами формируют фразеологическую картину мира.

Обычно паремии различных этносов содержат схожие типичные обстоятельства и ситуации, зачастую являются типовыми с точки зрения логического содержания. Только для передачи этого логического содержания могут использоваться различные реалии, или образы, свойственные каждому отдельному народу в силу его самобытности. С точки зрения нашего исследования, интересным направлением является сравнительная или компаративная паремиология, которая занимается изучением паремий в разных языках и культурах.

Паремиологическая картина мира является, на наш взгляд, частью языковой картины мира, так как последняя посредством различных языковых средств фиксирует всю совокупность воззрений чело-

века на окружающую действительность, а паремиологическая картина мира формируется из паремий – зеркала народного мировидения.

Паремиологическая картина мира представляет собой стандартные представления народа о мире. Паремии являют собой сочетание обобщенного опыта народа, несут в себе оценку событий, данную социумом. Паремиологическая картина мира отражает менталитет конкретного этноса, поэтому может содержать и уникальные черты.

На наш взгляд, паремиологический корпус любого языка служит довольно важным посредником в понимании и освоении языковой картины мира. Например, В.Н. Телия считает пословицу *«прескрипцией-стереотипом народного самосознания, дающим достаточно широкий простор для выбора с целью самоидентификации»* [Телия 1996: 240].

Одним из определений паремии В.И. Даль является *«нравоучительное слово»* [Даль 1998, Т. 1: 18].

Исследуя русский паремиологический фонд на предмет гендерности, А.В. Кирилина отмечает, что *«паремиология показательна с точки зрения культурных стереотипов, зафиксированных в языке. Наличие разных возможностей для самоидентификации неоспоримо, однако анализ большого количества единиц позволяет все же сделать вывод о доминирующих тенденциях и оценках»* [Кирилина 1999: 105–162].

По словам И.В. Кирилловой, *«паремии обобщают народный опыт и представляют возможным лингвистам выявить отношение каждого этноса к миру в целом»* [Кириллова 2010: 67]. То есть именно через паремиологическую картину мира можно постигнуть всю специфику национального менталитета отдельно взятого языкового общества.

«Пословица – коротенькая притча. Это суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности» [Даль 1996: 29]. Такое определение данному языковому явлению дает составитель широко известного словаря пословиц русского народа В.И. Даль, который также указывает на просторечно-

народное происхождения пословиц и отрицает возможность их возникновения в светском, образованном обществе: *«Что за пословицами и поговорками надо идти в народ, об этом никто спорить не станет, в образованном и просвещенном обществе пословицы нет... Готовых пословиц высшее общество не принимает, потому что это картины чуждого ему быта, да и не его язык; а своих не слагает, может быть из вежливости и светского приличия: пословица колет не в бровь, а прямо в глаз»* [Даль 1996: 10]. Данное суждение позволяет сделать вывод о том, что пословица вобрала в себя в некоторой степени наивные, основанные на первичном восприятии факты действительности.

Рассмотрим различные определения пословицы, предложенные лексикографическими источниками:

краткое народное изречение с назидательным содержанием, народный афоризм [Ожегов 2010: 568];

меткое, образное изречение, обобщающее различные явления жизни и имеющее обычно назидательный смысл [Большой толковый словарь русского языка 2000: 934];

меткое образное изречение, обычно ритмичное по форме, обобщающее, типизирующее различные явления жизни и имеющее назидательный смысл [Ефремова 2000];

краткое изречение, поученье, более в виде притчи, иносказания, или в виде житейского приговора; пословица есть собь языка, народной речи, не сочиняется, а рождается сама; это ходячий ум народа; она переходит в поговорку или простой оборот речи, а сама о себе говорит [Даль 1998, Т. 3: 334];

краткое образное законченное изречение, обычно ритмичное по форме, с назидательным смыслом [Ушаков].

Рассмотрим также определения пословицы, данные зарубежными лингвистами:

a proverb is a short, generally known sentence of the folk which contains wisdom, truth, morals, and traditional views in a metaphorical, fixed and memorizable form and which is handed down from generation to gen-

eration (пословица – короткое, общеизвестное народное изречение, содержащее мудрость, истинность, нравы и традиционные взгляды в метафорической, фиксированной и воспроизводимой форме, передающееся из поколения в поколение) [Mieder 2004: 3];

proverbs are brief (sentence-length) entextualized utterances which derive a sense of wisdom, wit and authority... (пословицы это краткие (длиной в предложение) текстовые высказывания, содержащие мудрость, остроумие и назидательный смысл...) [Mieder 2004: 5];

a proverb can be regarded as a discourse deviant, relatively concrete, present (nonpast) tense statement (пословица может быть определена как производное дискурса, относительно конкретное, современное (не устаревшее) твердое заявление) [Honeck 1997: 18];

proverbs are short and witty traditional expressions that arise as part of everyday discourse... Each proverb is a full statement of an approach to a recurrent problem (пословицы – короткие и остроумные традиционные выражения, которые возникают как часть повседневной жизни... Каждая пословица – полное высказывание по какой-либо проблеме) [Abrahams 1982: 119].

Как видим, российские и зарубежные лингвисты во многом солидарны. По мнению Дандеса [1994: 45], большинство пословичных дефиниций построено на обобщающей ситуации и содержат в себе побуждение к действию. Такой же точки зрения придерживается Кови: “*all proverbs are idiomatic because in their figurative meaning they refer to a different state of affairs; most of them have an educative function*” (все пословицы идиоматичны, так как в их переносном значении они обращаются к различному положению дел; большинство из них обладают нравоучительной функцией) [Cowie 1998: 127]. Также учеными часто ставится под сомнение вопрос истинности пословичных выражений.

Отметим, что разделение паремиологического материала на пословицы и поговорки – удел отечественных лингвистов. Зарубежные ученые не проводят разграничений между этими жанрами устного

народного творчества и определяют их как “*proverbs*». Так, поговорка, по мнению отечественных исследователей, это:

краткое устойчивое выражение, преимущ. образное, не составляющее, в отличие от пословицы, законченного высказывания [Ожегов 2010: 530];

краткое устойчивое выражение, обычно образное, рифмованное и не составляющее, в отличие от пословицы, законченного высказывания [большой толковый словарь русского языка 2000: 856];

распространенное меткое, образное выражение, не являющееся – в отличие от пословицы – цельной фразой, предложением [Ефремова 2000].

В нашей работе в поле анализа попадают русские и английские паремии о женском интеллекте (уме, разуме, рассудке, глупости): *добрая кума живет и без ума; женский ум лучше всяких дум; меж бабьим «да» и «нет» не проденешь иголки* [Даль, Т. 1: 64]; *when an ass climbs a ladder, we may find wisdom in a woman* (когда осел вскарабкается наверх по лестнице, мы можем встретить мудрость в женщине) [Christy 1998: 497]; *a woman's mind and wind change oft* (ум женщины и ветер часто меняются) [Browning 1952: 444]; *a woman's advice is no great thing, but he who won't take it is a fool* (женский совет – невеликая вещь, но тот, кто им не воспользуется – дурак) [Grammar matters 2006: 4].

1.1.2. Фразеологизмы (идиомы)

Фразеология является бесценной, хранит в себе всю самобытность любого языка и различных культур. По мнению Н.Ф. Алефиренко, «*фразеология (или фраземика) изучает устойчивые сочетания слов с полностью или частично переосмысленным значением (осложненной семантикой)*» [Алефиренко, Семененко 2009: 6]. Фразеология является одной из интереснейших лингвистических дисциплин, которая вызывает интерес не только филологов, но и всех тех, кто интересуется историей, культурой определенного этноса.

Это просматривается и во взглядах зарубежных ученых на данную область: *“Phraseology is a domain of linguistic study which to a high degree illustrates the correlation between language and culture”* (Фразеология – область лингвистического исследования, в высокой степени иллюстрирующая соотношение языка и культуры) [Cowie 1998: 55].

Во фразеологизмах обычно заключены *«все виды модальности, характерные для пропозициональных знаков, и поэтому выступающие как текст в тексте, а кроме того – они, как общее правило, имеют референцию к предметной области культуры»* [Телия 2004: 677]. Фразеология всегда ярче и богаче по своему образному состоянию, чем лексика, она обладает экспрессивностью, выражается в своего рода микротекстах.

Лингвисты по сей день не пришли к единому мнению о том, что же включает в себя понятие *«фразеологизм»*, да и, в сущности, и о том, какую именно область нарекать фразеологией, включать или не включать в ее состав. Эта проблема изначально возникла в связи с появлением, или вычленением, фразеологии в отдельную лингвистическую дисциплину и определением ее границ. Хотя фразеология русского языка привлекает исследователей уже достаточно долгое время, опубликовано множество работ, в том числе и специальных по вопросам русской фразеологии, данный вопрос все еще остается открытым. А ведь еще до начала XX века такая проблема не ставилась вообще, не проводилось четких границ между пословицами, поговорками, афоризмами и собственно фразеологическими единицами. Стоит отметить, что фразеология как отдельное явление существует только в русском языкознании, зарубежные лингвисты не ставят такой вопрос до сих пор. Можно встретить некоторые упоминания о данной проблеме, но она не муссируется столь активно: *“While the notion of phraseology is very widespread, just as with other linguistic concepts, different authors have defined it differently, sometimes not providing a clear-cut definition, or conflating several terms that many scholars prefer to distinguish”* (в то время как понятие фразеологии так же, как и другие лингвистические понятия, распространено очень широко, раз-

личные авторы определяют его по-разному, не предлагая ясного значения или объединяя несколько условий, которые многие ученые предпочитают различать) [Phraseology 2008 Stefan Th. Gries: 4]. По традиционной точке зрения, идущей от В.В. Виноградова, некоторые лингвисты полагают, что фразеологизм грамматически не превосходит словосочетание, другие не ограничиваются только словосочетаниями и включают во фразеологию и устойчивые предложения (Н.М. Шанский).

Итак, в современном русском языке фразеологизм получает следующие определения:

в языкознании: устойчивое выражение с самостоятельным значением, близким к идиоматическому [Ожегов 2010: 859];

устойчивый оборот речи, не переводимый дословно на другой язык; идиома [Большой толковый словарь русского языка 2000: 1433];

устойчивый оборот речи, свойственный определенному языку и потому дословно не переводимый на другие языки, имеющий самостоятельное значение, которое в целом не является суммой значений входящих в него слов [Ефремова 2000].

А.В. Кунин к фразеологизмам относит «устойчивые сочетания слов с полнотью или частично переосмысленным значением» [Кунин 2005: 31].

Рассмотрим и суждения некоторых зарубежных лингвистов по данному вопросу. Так, Штефан фон Грис заключает следующее: *“I will consider an expression a phraseologism if its observed frequency of occurrence is larger than its expected one”* (я буду считать выражение фразеологизмом в том случае, если его фактическая частота использования будет превосходить ожидаемую) [Phraseology 2008 Stefan Th. Gries: 5]. Как видим, в определениях, данных отечественными лингвистами, о частоте использования подобных выражений в речи не сказано.

Также не сказано и о компонентном составе, или элементах, входящих во фразеологизм, его синтаксическом образе. Зарубежные

обозреватели говорят о том, что *“the elements of a phraseologism – however they are distributed across a clause or sentence – are usually assumed to function as a semantic unit, i. e. to have a sense just like a single morpheme or word”* (элементы фразеологизма – в форме словосочетания, или предложения – как обычно предполагается, функционируют как семантическая единица, т.е. имеют значение, как отдельная морфема или слово) [Phraseology 2008 Stefan Th. Gries: 6]. Это определение говорит о наличии у фразеологизма (слова или словосочетания) переносного значения, а не значения входящих в его состав отдельных слов.

Так, суммируя вышеизложенное, Штефан фон Грис дает такое определение фразеологизму – *“the co-occurrence of a form or a lemma of a lexical item and one or more additional linguistic elements of various kinds which functions as one semantic unit in a clause or sentence and whose frequency of co –occurrence is larger than expected on the basis of chance”* (совпадение формы или лексического состава и одного или более дополнительных лингвистических элементов различных видов, которые функционируют как одна семантическая единица в словосочетании или предложении и возникают в речи чаще, чем ожидается) [Phraseology 2008 Stefan Th. Gries: 6].

Следуя определениям отечественных лингвистов, понятие фразеологизма и идиомы являются синонимичными. Зарубежные лингвисты выделяют следующие критерии идиом: *“idioms are multi-word expressions with the following three properties: formal frozenness, syntactic frozenness, semantic frozenness”* (идиомы – выражения, состоящие из нескольких слов, обладающие следующими тремя свойствами: формальной устойчивостью, синтаксической устойчивостью, семантической устойчивостью) [Phraseology 2008 Priscilla Ishida: 276]. При этом под формальной устойчивостью понимается невозможность перемещения или исключения элементов фразы либо изменения ее структуры, иными словами формальная устойчивость представляет собой структурную целостность. Синтаксическая устойчивость объясняется как устойчивость к грамматическим изменениям, что харак-

терно для обычных словосочетаний, это грамматическая целостность. Ну и говоря о третьем свойстве идиом, автор замечает, что значение идиомы не является суммарным значением ее компонентных составляющих. Это означает, что данная языковая единица обладает целостностью значения.

Итак, вслед за определениями отечественных и зарубежных лингвистов, заключим следующее: фразеологизмы и идиомы являются собой синонимичные феномены, которым свойственны структурная, грамматическая целостность, устойчивость, а также целостность самостоятельного значения, не являющегося суммой значений входящих в их состав элементов. Они часто не переводятся дословно на другой язык.

1.1.3. Афоризмы

Лингвистическая история афоризма, увы, не может похвастаться большим объемом работ исследователей, посвященных анализу понятия «афоризм» и его сущности. Для лингвистов, интересующихся данной областью, остается по-прежнему актуальным вопрос разграничения термина «афоризм» и всего, что с ним связано. Разноречия по данному вопросу не только не уменьшились, но и скорее углубились со временем во множестве мнений ученых. Определение статуса афоризма неизбежно ведет к проблеме уточнения понятийной характеристики данного феномена. Так, по мнению А.В. Бондарко, *«имеющаяся недостаточность теоретических воззрений и неопределенность в понимании термина «афоризм» как соответствующего текста и как единицы языка/речи, препятствует развитию общетеоретических представлений в терминах лингвистики общелингвистической теории афоризма»* [Бондарко 2001: 34]. Справочная литература также неоднозначно представляет дифференциацию понятия «афоризм». Носителями русского языка термин «афоризм» понимается в основном как *«изречение, выражающее в лаконичной форме обобщенную законченную мысль»* [РЭС 2001: 105]. Именно такого пони-

мания афоризма придерживаются большинство исследователей современного языкознания. Базируясь на различных источниках, можно констатировать, что различные интерпретации понятия «афоризм» во многом схожи. Лингвисты, исследующие афористику, в основном сходятся во мнении, что афоризм является мыслью известного (определенного) автора, выражается в четкой форме, имеет поучительный характер, используется в речи в готовом виде. Среди свойств афоризма В.С. Калашник видит «явную неожиданность суждения» и «оригинальную формулировку» [Калашник 1994: 64–72.], что служит для выражения мысли или взглядов, суждений определенного автора.

Рассмотрим некоторые определения афоризма, найденные нами в различной справочной литературе:

краткое выразительное изречение, содержащее обобщающее умозаключение [Ожегов 2010: 32];

краткое выразительное изречение, содержащее обобщение; крылатая фраза [Большой толковый словарь русского языка 2000: 52];

краткое изречение, с предельной лаконичностью и точностью выражающее какую-либо мысль [Ефремова 2000];

короткое и ясное изречение, правило, основанное на опыте и рассуждении; отрывочное, но полное по себе положение [Даль, Т. 1: 30].

Из вышеуказанного следует, что афоризмы стоят в одном ряду с крылатыми выражениями, которые, в свою очередь, определяются как «устойчивые выражения, соотносимые с конкретным автором или фольклорным произведением» [Мокиенко, Сидоренко 2005: 6], «устойчивые выражения образного или афористического характера, имеющие исторические или литературные источники и ставшие распространенными благодаря своей выразительности» [Ларионова 2014: 463].

Происхождение понятия «афоризм» многие исследователи связывают с именем греческого ученого Гиппократ, который около 400 лет до нашей эры употребил данный термин впервые в своем трактате по медицине. Но и энциклопедические статьи, освещающие

понятие афоризма, определяют, что примечательно, данный термин неоднозначно.

Многими лингвистами, в том числе Е.Н. Гавриловой, афоризмы относятся к категории универсальных высказываний, которые *«обладают предельно широкой семантикой, отсутствием непосредственной связи с реальностью, с переходом в область чистой идеи»* [Гаврилова 1986: 56]. Данную связь можно проследить через интерпретацию понятия «афористикон», представленную энциклопедическим словарем-справочником: *«совокупность известных, распространенных высказываний, крылатых выражений, принадлежащих конкретным лицам или народам»* [ЭССЛТП 2014: 29]. Данное определение не ставит границ между собственно афоризмами и, например, пословицами, которые, в свою очередь, тоже могут быть отнесены к категории «универсальных высказываний».

Об «универсальности», правда, в своем собственном понимании, данного языкового явления пишет и Л.В. Успенский, характеризуя афоризм как высказывание, *«позволяющее без доказательств, без сложной аргументации, единственно силой изолированной неожиданности формулировки убеждать чистым утверждением, не столько доказывая, сколько поражая»* [Успенский 1964: 23–24.].

Однако многие исследователи проводят грань между афоризмом и изречением. Одной из таких отличительных черт является наличие авторства у афористических высказываний. Хотя во многих справочниках не указывается определенное авторство афоризмов, они зачастую могут быть представлены наряду с пословицами и поговорками народного происхождения. Также и во многих паремиологических сборниках можно встретить самые различные афористические высказывания.

Некоторые исследования, посвященные фразеологическому корпусу, также могут включать в поле анализа афоризмы наряду с паремиями и собственно афоризмами (напр. Н.С. Соловьева 2014, см. библиографию).

Н.Н. Семененко определяет афоризм как «устойчивое книжное выражение, кратко и оригинально излагающее авторское мнение относительно какого-либо жизненного явления или философского понятия» [Алефиренко, Семененко 2009: 242]. Отсюда следует, что афоризмам все же свойственно наличие автора, что и отличает собственно афоризмы от пословиц – афоризмов (по некоторым мнениям) народного происхождения. Так, выделяются афоризмы фольклорные (пословицы и поговорки) и афоризмы нефольклорного происхождения (собственно афористические высказывания).

Рассмотрим также точку зрения зарубежных ученых на значение данного термина. Словарь Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English определяет "*aphorism*" как "*a short phrase that says something true or wise*" (короткую фразу, выражающую что-либо правдивое или мудрое) [Oxford 2004: 46]. Так, Джеймс Бэйли в справочнике «Literary forms in the new testament» (1992), цитируя Джона Кроссана, приводит такие данные: "*an aphorism represents «personal insight or individual authority»*" (афоризм представляет «личное понимание или индивидуальное авторство») [James L. Bailey: 98]. По мнению ученого, это и является главным отличием афоризма от пословицы, что значит как "*collective wisdom or ancestral authority*" (коллективная мудрость или наследственный источник) [там же].

Системному анализу афоризма посвящены работы Т.Н. Манякиной (1980), Н.Т. Федоренко и Л.И. Сокольской (1990). Исследователи полно и всесторонне изучают природу афоризма и его сущность, отграничение афористического жанра от смежных языковых явлений и др. Основными отличительными чертами рассматриваемой языковой единицы авторы видят афористическую оригинальность, четкость, а также «оригинальную формулировку», «глубокую внутреннюю правду», «всестороннее философское осмысление явления» [Федоренко, Сокольская 1990: 26].

Итак, типология афоризмов достаточно разнообразна. По разнообразным источникам это пословицы и поговорки (фольклорное происхождение), авторские афоризмы, литературные афоризмы без име-

ни автора, максимы. Дифференциальными признаками данного языкового явления многие ученые называют краткость, лаконичность, парадоксальность, оригинальность, отточенность.

Таким образом, афоризмы разных народов вербализуют на уровне различных умозаключений и убеждений, авторские наблюдения за жизнью, окружающим миром и явлениями, обусловленными практическим опытом.

В нашей работе мы определим афоризм как высказывание определенного автора, имеющее характер самостоятельного изречения, обладающее устойчивостью, лаконичной, отточенной формой и глубоким смыслом.

1.2. Аспекты изучения устойчивых выражений в двух разноструктурных языках

В данном параграфе мы постараемся углубиться в такие вопросы, как место в системе устойчивых единиц русских и английских паремий, фразеологизмов и афоризмов, подходы к изучению устойчивых выражений русских и английских исследователей, а также и расхождение взглядов ученых на то, что именно считать устойчивыми выражениями.

Фразеологические единицы исследуются в различных направлениях. Прежде всего, к подобного рода трудам относится разработка проблем фразеологической семантики и связанных с этим вопросов компонентной структуры в составе фразеологических единиц, решение проблемы о степени смысловой целостности фразеологизма, характера образности и экспрессивности и др. Попытки описания русской фразеологии представлены в трудах по общей и русской фразеологии О.С. Ахмановой, В.П. Фелицыной, Т.В. Леонтьевой, В.М. Мокиенко, К.Н. Прокошевой, А.И. Федорова, С.И. Ожегова и др. На английском фразеологическом материале проводятся исследования Н.Н. Амосовой, Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, А.В. Кунина, Н. Шадрина и др. Вопросами фразеологической семан-

тики занимались В.Л. Архангельский, А.М. Бабкин, А.Г. Бакалай, С.Г. Гаврин, Ю.А. Гвоздарев, В.П. Жуков, А.В. Жуков, М.М. Копыленко, Б.А. Ларин, А.М. Мелерович, А.И. Молотков, В.Н. Телия, И.И. Чернышева, Н.М. Шанский и др.

С недавних пор зарубежных лингвистов часто волнуют вопросы, связанные со статусом паремий. Крупные теоретические исследования представили Мидер (Mieder 1996, 2004), Норрик (Norrick 1985), Хонек (Honeck (1997), Профантова (Profantová 1998), Пакцолай (Paczolay 1998).

Зарубежные лингвисты обычно изучают отдельные пословицы и их функционирование в речи в различных аспектах. Лингвокультурологическим характером паремий интересовались В. Даниель (W. Daniel) и М. Барбур (M. Barbour). Типологией устойчивых выражений занимался Генри г. Бон (Henry G. Bohn). Неоднократно появлялись труды по использованию пословичного материала в обучении иностранцев английскому языку: Хирш (E. Hirsch), В. Мидер (W. Mieder). Исследования общего характера пословичных выражений представлены в трудах В. Мидера (W. Mieder), А. Дандеса (A. Dundes).

С каждым днем увеличивается число приверженцев широкого понимания фразеологии и того, что в нее включать или не включать. Такому пониманию объема устойчивых выражений поспособствовало то, что основными критериями фразеологических единиц ученые все чаще стали называть воспроизводимость в готовом виде и устойчивость. Так, Н.М. Шанский считает, что *«основным свойством фразеологического оборота, коренным образом отграничивающего его от свободного сочетания слов, является воспроизводимость»* [Шанский 1996: 14]. Среди сторонников этой точки зрения такие ученые, как В.Л. Архангельский, А.В. Кунин, А.И. Молотков, И.И. Чернышева, З.Д. Попова, А.Д. Райхштейн, В.Н. Телия, М.М. Копыленко и другие исследователи. На современном этапе довольно широкой публике свойственны представления о том, что фразеологизм может включать в себя не только устойчивые словосочетания, но и устойчивые выска-

звания, имеющие форму предложения, среди которых есть пословицы, поговорки, афоризмы. Всем перечисленным жанрам также свойственна воспроизводимость, так как они воспроизводятся из памяти уже в готовом виде, а не создаются каждый раз заново, следовательно, относятся к области фразеологии.

Изначально научный подход к устойчивым выражениям был связан с изучением фольклора. В XIX веке паремии рассматривались исследователями как поэтическое явление, подчеркивалась их практическая значимость и назидательный характер.

Отдельной проблемой является уточнение тех аспектов, по которым происходит дифференциация устойчивых выражений на те или иные жанры фольклора (фразеологизмы, пословицы, афоризмы и т. п.). Данный вопрос неоднократно поднимался в трудах В.В. Виноградова, А.В. Кунина, В.П. Жукова, Г.Л. Пермякова, Н.Ф. Алефиренко и других лингвистов. Из зарубежных исследователей можно назвать У. Чейфа, Ф. Палмера и других. Вместе с тем, окончательного решения по данной проблеме до сих пор не представлено. Например, Ф. Палмер характеризует фразеологизмы, или идиомы, как “*some are more restricted or frozen than others*” [F. Palmer 1976: 64] (единицы, более ограниченные или замороженные, чем другие). Столь расплывчатое определение наталкивает лишь на мысль об их синтаксической устойчивости. По мнению Г.Б. Мильнера, из-за отсутствия четко выведенного определения пословицы, осуществление работ, посвященных сравнению пословичных выражений разных языков, представляет определенные трудности. Автор ставит в пример широкий выбор терминов, обозначающих данное явление: *saw, dictum, saying, maxim, proverb, aphorism* и т. д. [Milner 1969: 380]. Возможно, отличительные черты пословичных выражений могут помочь в этом вопросе. Так, различные исследователи видят в пословице отсутствие четко обозначенного автора (народность), краткую и лаконичную форму, метафоричность, устойчивость, переносное либо неоднозначное значение, поучительный характер, воспроизводимость в готовом виде. Вместе с тем пословицы разных языковых общностей являются куль-

турно окрашенными и могут содержать уникальные компоненты. Принимая во внимание все эти признаки, попытаемся разграничить смежные языковые явления.

В определении лингвистического статуса паремий, фразеологизмов и афоризмов, как смежных языковых явлений, может играть роль их корреляция. В структурно-семантическом плане довольно большой пласт устойчивых выражений, таких как афоризмы, крылатые фразы, максимы и т.п., может быть отнесен к разряду пословиц.

Много споров вызывает разграничение понятий «афоризм» и «пословица». З.К. Тарланов, например, видит пословицу как часть области афористики. Так, в «Литературном энциклопедическом словаре» пословица определяется как *«фольклорный афоризм»* [Литературный энциклопедический словарь 1987: 43]. Само понятие «фольклорный» уже может указывать на обнародование и потерю в ходе развития истории четкого авторства, что свойственно пословичным выражениям. Также и в определении С.И. Ожегова прослеживается некое переплетение пословицы с афоризмом, так как пословица – это *«краткое народное изречение с назидательным содержанием, народный афоризм»* [Ожегов 2010: 568]. Подобное понимание этих смежных языковых единиц можно встретить в трудах многих лингвистов. Например, А.Г. Артемьева в своем исследовании демонстрирует то, как пословицы со временем теряют авторство и переходят в разряд «народных» [Артемьева 2001]. А. Тейлор, наоборот, признает афоризм видом пословицы. Он впервые называет афоризм «литературной пословицей» (literary proverb), а пословицу без определенного авторства – народной. Исследователь подкрепляет свои слова сравнением: *“the literary proverb is obviously more polished, usually less terse, less idiomatic, less earthy than its “popular” counterpart”* (литературная пословица, очевидно, более продуманная, обычно менее краткая, менее идиоматичная, менее приземленная, чем ее «популярный» коллега) [Taylor 1931]. Таким образом, мы видим, что иногда пословицы и афоризмы относят к афористике, иногда к паремиологии, подразделяя их впоследствии на народные афоризмы (пословицы и поговор-

ки) и афоризмы ненародного (литературного) происхождения (имеется автор).

Итак, сходными чертами афоризмов и пословиц в обоих языках можно назвать краткость, законченность, структурированность в виде предложения, философскую глубину, дидактичность, претензию на истинность, многозначность, широкую употребительность.

Обозначим также различия между данными видами устойчивых выражений, к коим относится наличие либо отсутствие автора. Как известно, афоризмы, в отличие от пословиц и поговорок, имеют авторство, что влияет на их восприятие, ассоциирует их с личностью автора. В то же время пословицы и поговорки – результат народного творчества, что подчеркивает их дидактический, назидательный смысл. У пословиц и поговорок обычно краткая синтаксическая структура, что способствует их более легкому усвоению и последующему употреблению в речи, в то время как афоризмы передаются в основном в письменном виде из-за зачастую сложных синтаксических конструкций. Кроме того, пословицы и поговорки, на наш взгляд, более многозначны, чаще, чем афоризмы используют переносное значение, тогда как афоризмы часто мотивированы конкретной ситуацией, имеют, соответственно, конкретное значение. По мнению К. Янка, пословицы, как правило, метафоричны, а неметафорические единицы относятся к максима́м или афоризмам [Yankah 1994: 139].

С другой стороны, многие лингвисты сравнивают пословицы с клише. Например, зарубежный исследователь Норрик утверждает, что пословицы не слишком отличаются, например, от цитат из Библии, работ Шекспира или других авторов соответствующих литературных источников, которые считаются культурным наследием. Эти выражения набрали популярность с течением времени и, соответственно, укрепились в народной мудрости и традициях, заработали статус пословиц [Norrick 1985: 26]. В то же время Мидер считает, что переход выражения в пословицу – процесс постепенный, так как следует пройти несколько уровней социальных взаимоотношений:

сначала выражение используется в кругу семьи и некоторой общности, затем распространяется территориально по региону, стране, а затем и миру [Mieder 2004: 9].

Что касается разграничения таких понятий, как пословица и поговорка, следует отметить, что поговорка не несет в себе какого-либо нравоучения или поучения, а скорее близка к афористическому типу высказывания, содержащему некое умозаключение. Так, пословицы несут в себе *«иллокутивную семантику рекомендации или совета (нравоучения)»* и имеют синтаксическую структуру предложения [Баранов 2008: 69], а поговорки не всегда содержат эту *«рекомендательную силу»* [Хэар 1985: 191].

Еще раз подчеркнем, что нет единого мнения по поводу того, что входит в состав фразеологии на сегодняшний день. Так, очень часто под фразеологизмами понимают устойчивые словосочетания различных типов (идиомы, коллокации, фразеосхемы). Например, одни и те же синтаксические фразеологизмы, по А.Н. Баранову, *«неоднословные выражения, характеризующиеся с содержательной точки зрения идиоматичностью значения, образованные по фиксированной схеме»* [Баранов 2008: 16], различными учеными они рассматриваются как фразеосхемы [Шмелев 1977: 327-330], образования по модели [Чернышева 1970], конструкции [Филмор 1990]. Из этого можем сделать вывод о том, что фразеологизмы и пословицы различаются синтаксической структурой (словосочетание или предложение). Пословица, в отличие от фразеологического оборота, имеет цельнооформленную структуру высказывания.

Вообще, фразеология как отдельный раздел существует только в русском языкознании. Отечественные лингвисты долгое время пытаются обозначить ее границы, в то время как зарубежные исследователи четких разделений не проводят. Еще в начале XX века российскими лингвистами этот вопрос также не ставился, не проводилось границ между пословицами, поговорками, афоризмами, фразеологическими оборотами. Лишь в середине XX века в связи со стремлением фразеологов уточнить границы самостоятельной лингвистической

дисциплины – фразеологии, появляется проблема соотношения различного вида устойчивых фраз.

Лингвистический аспект изучения устойчивых выражений в зарубежном языкознании представлен гораздо скромнее, подходы и тематики исследований значительно уступают широте российских исследований. Паремиология вообще в большинстве доступных зарубежных первоисточников представлена как составляющая фольклора. Исследователи уделяют незначительное внимание вопросу о собственно лингвистическом статусе различного рода устойчивых выражений, их месту в языковой системе и соотношению со смежными языковыми явлениями. Соответственно, зарубежными лингвистами не освещается вообще проблема соотношения и разграничения таких понятий, как, например, «*пословица*» и «*фразеологизм*». Чаще внимание уделяется таким аспектам изучения устойчивых фраз, как их этнокультурная специфика, роль в коммуникации и социальной жизни, постижение через осознание смысла устойчивых выражений особенностей национального мышления, его отражения в данного рода языковых единицах. По словам исследователя английской фразеологии A.P. Cowie, “*phraseology is a fuzzy part of language. Although most of us would agree that it embraces the conventional rather than the productive or rule-governed side of language, involving various kinds of composite units and 'pre-patterned' expressions such as idioms, fixed phrases, and collocations, we find it difficult to delimit the area and classify the different types involved*” (фразеология – нечеткая часть языка. Хотя большинство из нас согласилось бы, что она охватывает стандартную, а не производительную или управляемую правилами часть языка, включая различные виды сложных единиц и «образованных по модели» выражений, таких как идиомы, фиксированные фразы и словосочетания, мы считаем трудным разграничить данную область и классифицировать включенные в нее различные типы выражений) [Cowie 1998: 101].

Так, среди обозначений устойчивых выражений английскими учеными можно встретить термины: *collocations* (коллокации или

словосочетания), set expressions (устойчивые выражения), phraseological units (фразеологические единицы), idioms (идиомы), proverbs (пословицы и поговорки) и др. Например, в работе A.P. Cowie дается такое определение: “*collocations – no matter how one understands them – are a subclass of what are known as set phrases. They are also known under a host of other names: fixed (frozen) phrases, word combinations, idiomatic expressions, idioms, etc.*” (коллокации – независимо от того, кто и как их понимает – являются подклассом того, что известно как клише (устойчивое выражение). Они также известны под массой других имен: устойчивые фразы, словосочетания, идиоматические выражения, идиомы, и т. д.) [Cowie 1998: 23]. Следовательно, нет четких границ между данными понятиями. Ученый также замечает, что “*phraseological units constitute the 'phrasicon' of a language - that is, the whole inventory of idioms and phrases, both word-like and sentence-like set expressions*” (фразеологизмы составляют «фразикон» языка – то есть целый набор идиом и фраз, устойчивых выражений, подобных как слову, так и предложению) [Cowie 1998: 126]. Из данного утверждения можно сделать вывод о том, что зарубежная лингвистическая наука не проводит границ между разного рода устойчивыми выражениями, рассматривая их в неразрывном единстве, отличается лишь структура данных устойчивых выражений, они могут быть семантически эквивалентны слову, словосочетанию или предложению. Отмечается, что устойчивые выражения со структурой предложения включают в себя пословицы и поговорки. Также примечателен тот факт, что полностью отсутствует разграничение этих двух понятий, так как в английском языке для обозначения пословиц и поговорок используется один и тот же термин «*proverb*», реже «*saying*».

Среди характерных черт устойчивых (фразеологических) выражений зарубежными лингвистами указываются: lexicalization (словесная форма), common usage (широкое использование), reproducibility (воспроизводимость), syntactic and semantic stability (синтактико-семантическая стабильность), idiomaticity (идиоматичность), connotations (многозначность), expressive, emphatic, or intensifying functions in

a text (экспрессивная или эмфатическая функция в тексте) [Cowie 1998: 127].

Отечественными лингвистами к числу особенностей пословиц относятся также устойчивость, воспроизводимость и идиоматичность, так как в них присутствует постоянство лексического состава, имеется переносное значение (коннотация), а также в речи они воспроизводятся как готовые клише.

В настоящее время точки зрения о желательности включения пословиц и иногда афористических авторских высказываний в состав фразеологического корпуса придерживаются большинство современных исследователей фразеологии. Так, вслед за Н.М. Шанским, В.В. Виноградовым и другими лингвистами мы считаем, что, как и номинативные фразеологические обороты, пословицы, поговорки и афоризмы не создаются коммуникантами каждый раз в процессе речи, а возникают из памяти *«в готовом виде с закрепленным и строго фиксированным значением, составом, структурой»* [Шанский 1972: 21].

Таким образом, в отечественном и зарубежном языкознании изучение разделов паремиологии и фразеологии обладает некоторыми специфическими чертами, поскольку английских исследователей мало волнует вопрос о разграничении понятий смежных языковых явлений (например *«пословица»* и *«фразеологизм»*), в то время как отечественными лингвистами активно ведется работа по данному направлению, что по сей день вызывает оживленные дискуссии.

1.3. Интеллектуально-ориентированные устойчивые выражения как объект лингвистического исследования

В наши дни яркая антропоцентричность языковой системы прослеживается во внимании к внутреннему миру человека. Исследователи активно занялись изучением вопросов, связанных с интеллектом, разумом.

Изучение так называемого «внутреннего мира» человека прослеживается в работах многих современных российских и зарубежных лингвистов (Урысон 1995, Пименова 1999, Одинцова 2000, Убийко 2004, Кондратьева 2004, Куськина 2003 и др.). Языковые единицы, так или иначе коррелирующие с понятиями об интеллекте человека, неизбежно фигурируют в различного рода лингвистических изысканиях. Еще с далеких времен человек и его психические, умственные, эмоциональные данные привлекают внимание не только ученых, но и простых людей. Вполне естественно, что человеческие представления об устройстве и возможностях собственного организма вербализуются в различных областях народной культуры, среди которых и такие малые фольклорные жанры, как пословицы, поговорки, афоризмы. Яркость, образность, метафоричность, четкость присущи выражениям, характеризующим умственные состояния, как никакой другой области внутреннего мира человека.

Интеллектуальная сфера человека исследуется представителями разных наук: психологии (как отечественные, так и зарубежные психологи: Д.Б. Богоявленская, Дж. Гилфорд, В.Н. Дружинин, Э. Торренс, М.А. Холодная и др.), философии (В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, Н.Н. Бердяев), культурологии и лингвистики (Г.А. Багаутдинова, Е.Л. Березович, Л.А. Борискова, Е.В. Бусурина, С. Георгиева, М.К. Головановская, О.Г. Дубровская, Ю.В. Жевайкина, А.Р. Залялева, В.И. Карасик, И.В. Кириллова, М.Л. Ковшова, О.Н. Кондратьева, А.В. Крюков, Т.В. Леонтьева, Л.Б. Никитина, А.А. Мишин, Р.А. Сафина, Н.М. Сергеева, В.Б. Ширшиков, Е.А. Ярмахова и др.).

Такие концепты, как «ум», «глупость» и др., приобретают всеобщую ценность и вызывают пристальный интерес в лингвистическом плане. Да и вопрос антропологической направленности устойчивых выражений в языке в последнее время остается актуальным.

Вообще человеческий образ в лингвистическом пространстве рассматривается через его биологию, физиологию, социологию, психику и интеллект. Еще в 1995 году Ю.Д. Апресян продемонстрировал оригинальную методику системного описания лексико-

семантической подсистемы «человек», что представляло собой перечень признаков, существенных для характеристики человека [Апресян 1995: 37]. Также различные сферы человеческого существования анализируются в той или иной степени в трудах Е.С. Кубряковой, А.М. Шахнаровича, Л.В. Сахарного, Е.М. Верещагина, Ю.С. Степанова, Е.А. Покровской, Б.А. Серебренникова и др.

Все же наиболее пристальное внимание уделяется выражениям интеллектуальной семантики, то есть интеллектуальным способностям и характеристикам человека, выраженным посредством языковых знаков.

Паремии, фразеологизмы и афоризмы, репрезентирующие понятие о женском интеллекте, стали предметом нашего анализа не случайно. Представляется довольно интересным проанализировать миропонимание, мышление и менталитет русских и англичан с позиции мужского дискурса на материале устойчивых выражений двух языков.

В последние годы научные работы, посвященные интеллекту, строятся в основном на материале лексики, семантики отдельных паремий и фразеологизмов, отобранных на основе общих признаков или объективируемой ими информации. Глаголы интеллектуальной деятельности, например, обозначающие мышление и понимание, начинают интересовать ученых примерно с 80-х годов. Авторы видят своей задачей определить семантику данных глаголов. В 1993 г. появляются труды В.Г. Гака, в которых предпринимается попытка систематизации глаголов ментального поля. Метафоричностью лексики ученый занимался уже с 1988 г., а в 1992 г. представил статью, посвященную дефинированию понятия «голова» и его отражения в русском языке [Гак 1992: 27–33]. И.М. Богуславским была представлена словарная статья «понимать» [Богуславский 1984: 623–633]. Также глаголы мышления и их семантика затронуты в трудах Б.Л. Иомдина (2000, 2002), а А.В. Лазаревым описаны когнитивно-фреймовые особенности глаголов понимания (Лазарев 2009). Вслед за И.М. Кобозевой, исследовавшей понятия «мысль» и «идея», появляются работы Е.В. Урысон, объектом изучения которых являются

лексемы «ум», «разум», «рассудок», «интеллект». Существительные, обозначающие «глупого человека», и их синонимический ряд рассматриваются в статье Л.Е. Кругликовой (2000). Также проводились лингвокультурологические исследования общего плана в отношении пословиц русского и английского языка, выражающих ум и глупость (Дубровская 2000). Часто прослеживается некоторая закономерность в рассмотрении фразеосемантического поля «интеллект человека» в двух противоположных ипостасях «ум» и «глупость».

Материалы для исследования отличаются заметным многообразием. Так, Л.Б. Никитина анализирует в своей работе выражения оценочного плана, касающиеся интеллекта человека с семантической и прагматической стороны, работа ведется на базе русскоязычных примеров (Никитина 1996). Впоследствии автор продолжает свою работу циклом статей и монографией об образе Homo Sapiens в современном мире (Никитина 2003, 2011). Также на русскоязычном материале строится исследование Т.В. Леонтьевой. Автор описывает интеллектуальные характеристики человека, представленные в русскоязычном дискурсе (Леонтьева 2003).

Интеллектуальная семантика фразеологических единиц в сопоставлении приводится в исследовании Алдаибани Ареф Али Салах. Автор рассматривает интеллектуальные способности человека, нашедшие отражение в английских и русских фразеологических единицах, сравнивает их и определяет межъязыковые фразеологические эквиваленты и различия, исследует проявление их в контексте, обращает внимание на их оценочность (Алдаибани 2003). Далее на базе русского и английского языков А.В. Крюков изучает концептуализацию интеллектуальных состояний человека (Крюков 2005). В его работе значится, что глупость, как качество, свойственна мужским персонажам русского фольклора. В качестве примера приводится известный всем образ «Василисы / Елены Премудрой» [Крюков 2005: 55]. Автор замечает, что «*практическая женская мудрость*» данного персонажа сочетается с красотой, и «*этот обобщенный образ мудрой женщины противопоставляется образу глупого мужчи-*

ны» [Крюков 2005: 56]. Также в работе замечено, что женская глупость чаще наблюдается в пословицах, нежели в сказках.

Работа Н.М. Кравцовой посвящена категории оценки интеллектуальных способностей человека в современном английском языке (Кравцова 2008). А.А. Мишин комплексно описывает концепты «ум» и «глупость» в картинах мира немецкого и английского народов (Мишин 2007).

С.Н. Тровати на материале русского и английского языков изучает основные концепты, представляющие интеллектуально-эмоциональную деятельность человека, описывает структурно-семантические особенности фразеологических единиц и их национально-культурную окрашенность (Тровати 2007). Предшествует ей диссертация М.Д. Самедова, посвященная фразеологическим единицам английского и арчинского языков, вербализующим понятия об эмоциональных и интеллектуальных состояниях человека (Самедов 2006).

Русскоязычные фразеологические единицы, обозначающие интеллектуальную деятельность человека, анализируются М.К. Абаевой с точки зрения их когнитивной ценности (Абаева 2008). Е.А. Барашкина исследует ментальную сферу и ее компонентный состав в современном русском языке. Критерием систематизации языкового материала автор избирает метафору (Барашкина 2008).

Из недавних работ, ставящих целью изучение концептуального поля «человек и его интеллект», можно выделить исследование О.Н. Волобуевой (2011). Помимо семантико-когнитивного описания концептуального поля «человек и его интеллект» в английской и русской фразеологии, автор приводит анализ лингвистических способов создания образности и экспрессивности фразеологизмов данного концептуального поля (Волобуева 2011).

Наблюдается и обращение лингвистов к различным граням в изучении концептуальных понятий ума, глупости или их составляющих. За основу в различных исследованиях часто берутся два противоположных полюса: «умный – глупый», которые исследуются

совместно либо по отдельности. Материалы исследований составляют различные отрасли фольклора, литературы и прочие языковые явления. Так, фразеосемантическое поле «безумие» в русском языке подвергается анализу Ю.В. Жевайкиной. Ей подробно описаны характеристика и структура поля, а также представлены различные способы перевода фразеологизмов данного поля (Жевайкина 2004). Данная идея находит продолжение в исследовании М.В. Туриловой, которое посвящено генетическим и мотивационным характеристикам лексико-семантического поля «безумие» в русском языке. Автор описывает этимологические гнезда и словообразовательные модели поля (Турилова 2010). Структура концептов «ум» и «разум» рассмотрены Н.М. Сергеевой на основе различных признаков указанных концептов (Сергеева 2004). Е.В. Бусурина описывает семантический потенциал и прагматическую сторону лексем «дурак» и «дура» в русской культуре (Бусурина 2004). Затем и В.Б. Ширшиков обращается к характеристикам концептов, означающих ограниченные ментальные способности человека. Исследование проводится на материале русского и английского языков, в поле анализа попадают концепты «глупый», «сумасшедший», «идиот» и их лексическая и текстовая репрезентация (Ширшиков 2005). Фразеологические концепты «ум» и «глупость» в русском и чешском языках рассматриваются И.В. Кирилловой (2012). Автор пытается выявить когнитивные признаки концептов в двух языках.

Фразеологические единицы, выражающие интеллект человека либо его ментальную сферу, так или иначе затрагиваются в работах, посвященных человеку вообще, его внутреннему миру, свойствам характера, поведения. Здесь мы можем упомянуть работы по сопоставительному языкознанию Е.Ф. Арсентьевой (1983, 1989). Психолого-лингвистические аспекты способностей личности, среди которых и умственные способности, исследовались А.Л. Рябовой на материале английского языка (Рябова 2007).

Таким образом, можно говорить о том, что исследования, посвященные интеллекту, вербализации интеллектуальных характери-

стик и способностей во фразеологии, паремиологии, афористике, служат более глобальной цели изучения человека вообще и его языковой репрезентации в различных культурах. Сопоставительные исследования неизбежно интересуются всеми сферами антропоцентрической парадигмы, среди которых интеллект составляет значительную часть.

1.4. Степень изученности лексического поля «женщина» в русском и английском языках

Уже достаточно долгое время внимание ученых-лингвистов привлекает женский пол и его описание посредством языковых знаков.

Во фразеологическом пространстве русского языка образ женщины наглядно представлен в разделе научного труда В.Н. Телия (1996). Автор указывает, например, что женский ум не представляет особой ценности, так же как и результаты женской деятельности, что подтверждает рядом примеров: *женская литература, дамский роман* [Телия 1996: 263–268].

Паремиологический, фразеологический и афористический фонды языка ярко репрезентируют образ женщины, представленный в языковом пространстве, поэтому столь часто являются материалом для подобного рода исследований. Именно здесь находят выражение история народа, культурное развитие нации и быт. В. Даль писал, что «за пословицами и поговорками надо идти в народ...» [Даль: 10]. Паремии и фразеологизмы обобщают опыт простых людей, их знания, формировавшиеся веками. Такой точки зрения придерживаются Н.А. Красавский, И.М. Кирносов, В.Н. Телия, Е.А. Картушина, А.Р. Залялеева, А.С. Быкова и др.

Исследовательский интерес к языковой обрисовке лиц по половым признакам (посредством фразеологии, лексики) в отечественной лингвистике возникает примерно в начале XX века. По мнению М.А. Алексеенко, огромное количество «лексических, фразеологических, паремийных, афористических, текстемных наименований»

[Алексееenko 2006: 22] представлено в языке для вербализации понятия «женщина» на современном этапе. В.А. Ефремов, исследуя ядерные номинации женщины, заключает, что по данным «Русского семантического словаря» в современном языке для наиболее общего обозначения женщины используется 31 слово, хотя в эту группу входит весьма неоднородная лексика: от устаревшей (*дева, девица*) до диалектной (*молодайка, дивчина*). Общеупотребительными являются 8 лексем: *бабушка, дама, девочка, девушка, женищина, старуха, тетья*. Автор отмечает, что *«историческая перспектива изучения вербализаторов концепта «женищина» предполагает включение в поле анализа и номинации «баба», хотя современные толковые словари выводят ее за пределы кодифицированного литературного языка»* [Ефремов 2010: 108–109]. Таким образом, лексема *женищина* может быть представлена в качестве основополагающей лексемы в номинировании лица женского пола. Заменаи ей в разговорной русской речи могут служить лексемы *баба, кума*. Далее могут быть представлены более конкретизированные лексемы: *девушка, девка, мать, жена, свекровь, теща* и др.

Проблема вербального обозначения женщины в русском языке достаточно разносторонне рассмотрена М.А. Алексееenko (2006, 2009). Автор замечает, что *«гендерная проблематика стала одной из доминант современной гуманитаристики, ...изучается специфика мужских и женских дискурсов, устанавливаются стереотипы феминности и маскулинности и т. д.»* [Алексееenko 2006: 22]. Также в исследованиях Е.А. Земской (1993), М.А. Китайгородской (1993), Н.Н. Розановой (1993), В.Н. Телия (1996), А.В. Кирилиной (1999), Е.И. Горошко (2003), Н.В. Коноплевой (2009) и других в различных аспектах анализируются средства и способы наименования лиц мужского и женского пола, категория рода сопоставляется с категорией пола в лингвистическом аспекте, исследуются различные предпосылки появления подобного рода наименований в различных языках и культурах.

Подчеркнем, что М.А. Алексеенко говорит о преобладании негативных характеристик во фразеологическом описании женского образа и женских стереотипов. Хотя далее автор отмечает, что *«наряду с негативными женскими стереотипами, функционируют и положительные»* [Алексеенко 2009: 73], но они *«воспринимаются как норма»* [Алексеенко 2009: 73], поэтому привлекают внимание исследователей в значительно меньшей степени.

Материалы русского и английского языков привлечены в работе А.С. Быковой (2006), посвященной оценочной объективации образа женщины в пословицах и афоризмах двух разноструктурных языков. Автор последовательно описывает такие языковые явления, как пословица и афоризм, а затем на базе материала из около 900 единиц выявляет отрицательно и положительно коннотированные элементы. Здесь представлены такие категории, как: лживость и коварство, упрямство и своеволие, изменчивость, нелогичность и непредсказуемость, болтливость, тщеславие и др. [Быкова 2006]. В данной работе автором также отмечена преимущественная негация в языковых средствах отображения женщины, положительные же свойства приписываются только женской интуиции и некоторым качествам женщины-жены и хозяйки [Быкова 2006].

Цикл статей А.Р. Залялеевой посвящен пословицам и поговоркам (паремиям) с компонентами женщина, мужчина и женщина, их сравнительному анализу в английском и русском языках. В поле анализа автор включает также и единицы с компонентами баба, жена, и пословицы и поговорки о женитьбе. Исследователь приходит к выводу, что паремиологический фонд обоих языков существенным образом антропоцентричен, то есть изначально воспринимается как мужской. Отношение к умственным способностям лиц женского пола неоднозначно, хотя, по мнению автора, положительная коннотация исследуемых единиц чаще просматривается в литературе. Исследуемый материал фиксирует отрицательные стороны женского образа с мужской точки зрения, например: глупость, непостоянство, упрямство, противоречивость, болтливость и т. д. [Залялеева 2001: 105–107].

В статье А.А. Аминовой и А.Н. Махмутовой (2003) концепт «женщина» подвергается анализу на материале трех языков (русский, английский, татарский). Типологический анализ концепта «женщина» в русской и английской фразеологии представлен в диссертации А.В. Артемовой (2000).

Л.В. Адонина исследовала концепт «женщина» с точки зрения заложенных в нем когнитивных признаков в мужском сознании. Среди указанных признаков интересными для нашего исследования можно назвать следующие: *«женщина противопоставлена мужскому полу, ... глупая, ... не является человеком, ... говорит лишнее, ... легкомысленная, ... нелогичная, ... умная, ... хитрая, ... непостоянная, ... странная»* [Адонина 2009: 144–146] и др.

В работах, посвященных гендерным исследованиям в языке, также часто отмечается принижение женского образа, его подчиненное положение, подчеркивается наличие мужского мировидения, где женщина играет второстепенную роль. Указанные тенденции можно проследить в работах А.В. Кириловой (1999), Е.А. Картушиной (2003), Н.С. Соловьевой (2014) и др. На «андроцентричность» языка указывают не только отечественные (А.В. Кирилова, В.В. Васюк), но и зарубежные лингвисты (Д. Спендер).

В монографии Н.С. Соловьевой представлена подробная классификация гендерных стереотипов во фразеологии английского и русского языков. Значительное место отведено психологическим характеристикам лиц женского пола, среди которых можно выделить такие особенности: *«женщина – слабое существо»* [Соловьева 2014: 335], *«болтливость и склонность к сплетням»* [Соловьева 2014: 338], *«упрямство»* [Соловьева 2014: 343], *«истеричность»* [Соловьева 2014: 345], *«притворство»* [Соловьева 2014: 346], *«женский ум, женская интуиция»* [Соловьева 2014: 348] и др.

Диссертационная работа Т.С. Чехоевой (2009) рассматривает различного рода афористические высказывания, вербализующие концепты «мужчина» и «женщина» в русском языке. Автор описывает понятийное, ценностное и образное содержание указанных концептов

в народных и авторских афоризмах. Предметные фразеологизмы, формирующие концепт «женщина» в русском и английском языках, представлены в работе О.А. Чибышевой (2005).

Английские паремии и фразеологизмы фигурируют в исследовании В.В. Васюк (2002). Данная работа также носит гендерный характер. Здесь представлена попытка изучить факторы, влияющие на формирование и существование концепта «женщина» в англоязычной культуре. Указывается на изначальное мужское доминирование, и, как следствие, принижение женского пола. Отражение данного видения можно рассмотреть в следующем афоризме: *так как писать умели главным образом мужчины, все несчастья на свете были приписаны женщинам* (С. Джонсон) [Душенко 2001: 254]. Причины В.В. Васюк видит в религиозных, либо мифологических корнях [Васюк 2002: 102]. Данное умозаключение также можно подтвердить примером народной мудрости: *от нашего ребра нам не ждать добра* [В. Даль, Т.1: 67].

Стоит отметить и исследование О.Ю. Шишигиной (2003), также посвященное концепту «женщина» во фразеологии английского языка. Исследование строится на понятиях и терминах когнитивной лингвистики. Автор приходит к выводу, что в английской фразеологии представлен «негативный образ женщины, в котором прототипическими чертами являются: глупость и инфантильность женского ума, болтливость, скандальность, сварливость, коварство, непостоянство, неискренность и др.» [Шишигина 2003: 22–25]. Глава 3 данной работы посвящена внутренним признакам концепта «женщина», среди которых присутствует и ментальный компонент (признаки «ум» и «глупость») [Шишигина 2003: 73–78].

Концепт «женщина» исследуется и в других языках и культурах, например, в немецком (Ковальчук 2009), казахском (Смагулова 2008), осетинском (Хохоева 2008) и др.

Выводы по главе 1

В данной главе были представлены теоретические предпосылки изучения предмета нашего настоящего исследования. Глава представляет собой описание теоретической базы диссертации и рассматривает основополагающие для нашей работы вопросы, что необходимо для обоснования подходов, избранных для анализа и описания устойчивых выражений двух разноструктурных языков, обозначающих женский интеллект.

В работе привлекаются теоретические и практические материалы сразу нескольких научных направлений: фразеологии (А.В. Кунин, О.М. Бабкин, В.П. Жуков и др.), в том числе сопоставительной (Л.К. Байрамова, Е.Ф. Арсентьева и др.); паремиологии (Г.Л. Пермяков, З.К. Тарланов и др.); исследований в области лингвострановедения (Ф.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, В.Г. Томахин и др.); афористики (А.В. Бондарко, Е.Н. Гаврилова, Л.В. Успенский и др.).

В главе определены и подробно рассмотрены такие понятия, как паремии (пословицы и поговорки), фразеологизмы и афоризмы; освещены различные взгляды ученых на проблему дифференциации устойчивых сочетаний, фразеологизмов, авторских и народных афоризмов, и избран свой подход, объединяющий все высказывания, обладающие постоянством формы и значения, под общим названием устойчивых выражений.

Следуя определениям Н.Н. Семененко, для анализа фразеологизмы, паремии (пословицы и поговорки), а также афоризмы нефольклорного происхождения объединены нами в одну группу – в устойчивые выражения. Автором исследования предложено широкое понимание устойчивых выражений, то есть это: 1) тот языковой материал, который фиксируется в словаре, а не создается каждый раз заново по грамматическим правилам, 2) любые устойчивые и воспроизводимые в языке и речи как единое целое лексические сочетания, обладающие формой словосочетания, либо предложения. Объединяющий признак для всех перечисленных единиц – устойчивость.

В представленной главе нами был проведен анализ работ лингвистов, посвященных человеку в языковой картине мира, изучению вербализации на уровне различных типов устойчивых выражений интеллектуальной сферы человека, глаголов мышления и понимания, существительных, обозначающих «глупого человека», совместному и отдельному изучению концептов «ум» и «глупость», их производных «разум», «безумие», а также концепта «женщина», фразеологизмов с женской семантикой, гендерному разделению и изучению «мужского» и «женского» в частности и т. п. Изучение лингвистического выражения интеллектуальной сферы человека неизбежно затрагивает такие понятия, как «ум» и «глупость», «мужской ум» и «женский ум» и др.

Различные результаты, полученные исследователями, включают и данные о выражении интеллектуальных свойств лиц женского пола, но затрагиваются в исследованиях более глобального плана.

В рамках исследований, предметом анализа которых выступает концепт «женщина», также удастся выделить фрагменты, посвященные интеллектуальным характеристикам (В.Н. Телия, А.С. Быкова, А.Р. Залялеева и др.). Авторы едины во мнении, что преобладает отрицательная коннотация лексических, паремийных, фразеологических, афористических единиц, характеризующих женский интеллект. Однако указывается и на то, что положительная коннотация чаще прослеживается в литературе (А.В. Крюков, А.Р. Залялеева).

ГЛАВА 2

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ЖЕНСКИЙ ИНТЕЛЛЕКТ, В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

2.1. Лексико-семантические группы на современном этапе изучения. Понятие лексического поля

Одной из основных задач языкознания на современном этапе является изучение лексики. Возможность систематизации лексики широко и последовательно исследуется учеными. Изучение взаимоотношения языка и внеязыковой реальности имеет длительную традицию, так как именно в этом плане обнаруживается коммуникативная природа языка, способность говорящих к вербализации различных понятий и явлений окружающей среды. Как считает Ю.Д. Апресян, *«нынешняя эпоха развития лингвистики – это, бесспорно, эпоха семантики, центральное положение которой в кругу лингвистических дисциплин непосредственно вытекает из того факта, что человеческий язык в своей основной функции есть средство общения, средство кодирования и декодирования определенной информации»* [Апресян 1995: 3].

Не менее важной проблемой современной семасиологической теории можно назвать проблему анализа содержательной стороны лексических единиц. Так, в плане системного исследования и описания устойчивых выражений современного русского и английского языков наиболее перспективным подходом можно назвать выявление и анализ определенных микрогрупп словаря, которые можно именовать лексико-семантическими группами. Члены данных групп обозначают сходные явления одной и той же предметно-понятийной сферы действительности.

Первоочередным определением семантики считается «наука о значении». Семантика лингвокультурных единиц может определяться неким компонентным составом, среди которых выделяется

понятийная составляющая, на что указывает большинство исследователей. Так, *«значимость, или семантическая, обычно считается одним из определяющих свойств языка»* [Лайонз 2003: 27], а фразеологическая семантика может таить в себе неожиданные с точки зрения логики явления.

На современном этапе изучение лингвистической семантики характеризуется многоликостью подходов. Стремление к системности в описании языковых явлений всегда присутствовало в языкознании, а теория значения важна для науки вообще. Все же, последние несколько лет явили бурный расцвет новейших направлений лингвистических изысканий, среди которых когнитивная лингвистика, коммуникативно-прагматический, лингвокультурологический подходы и др. Так, по мнению Л.Б. Никитиной *«семантика в когнитивных исследованиях выступает средством реконструкции знаний и представлений о мире, опорой для характеристики отображенных в языке ментальных процессов»* [Никитина 2011: 14].

Как пишет Н.Д. Арутюнова, *«язык насквозь антропоцентричен. Присутствие человека дает о себе знать на всем пространстве языка, но более всего оно сказывается в лексике и синтаксисе – семантике слов, структуре предложения и организации дискурса»* [Арутюнова 1999: 3]. В этой связи весьма активно разрабатывается антропоцентрическая проблематика именно в лексико-семантических исследованиях.

Однако семантические общности в лингвистических исследованиях именуются различно. Некоторые исследователи выделяют тематические группы, лексико-семантические группы (парадигмы), поля, ряды и др.

Изучение устойчивых выражений ведется на современном этапе путем выделения иерархических лексических полей. В связи с этим, считаем необходимым обозначить понятие лексического поля в лингвистике. Т.И. Краснова считает, что *«слова и лексико-семантические варианты (т. е. отдельные макрозначения или семемы) образуют лексико-семантические группы – лексическое поле, внутри которого*

значение одного слова является границей значения другого слова, взаимодействует с ним» [Краснова 2002: 75]. Так, например, лексемы баба и курица (в значении женщина). «Поле – совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [Краснова 2002: 75] .

По Е.М. Верещагину, *«лексическое понятие или лексический фон сопрягаются с планом выражения слова, т. е. с лексемой, ассоциируются с ней, опираются на нее, поэтому лексема представляет собой материальный субстрат всей лексической семантики» [Верещагин 2012: 99].*

Большинство исследователей характеризуют структуру ЛСГ как организацию полевого характера, то есть ЛСГ строится по принципу поля со своим ядром и периферией. По В.Л. Ибрагимовой, *«единицы, значения которых исчерпываются набором ядерных сем, образуют ядро ЛСГ... На периферийных участках ЛСГ происходит дифференциация единиц, которая осуществляется на основе соответствующих абстрактных семантических категорий» [Ибрагимова 1988: 64].* Л. Вайсгербер рассматривает всякое поле как ЛСГ [Weisgerber 1964]. Чаще всего исследователи (Л.М. Васиьев 1981, В.Л. Ибрагимова 1980, Т.А. Кильдибекова 1983, А.П. Чудинов 1980) придерживаются мнения, что поле является пространством, объединяющим ряд ЛСГ, а ЛСГ – единицей поля. В нашем понимании лексико-семантические группы – это группы лексических единиц, объединенные общим семантическим компонентом, то есть отношения между такими единицами показывают их принадлежность к определенной теме. Другими словами, это общность слов на основе их лексического значения.

Мы предлагаем считать анализируемый материал лексическим полем «женский интеллект», в составе которого выявляется ряд ЛСГ, объединенных согласно словесному компоненту. Затем проанализируем его семантическую систематизацию. Ведь устойчивые выражения, обозначающие женский интеллект, могут быть выделены в определенный класс единиц современного русского и английского языков

благодаря наличию в них определенных для данного класса признаков и связей, присущим ему местом в языковой системе. По нашему мнению, рассмотрение данных единиц невозможно вне теории языковой картины мира и лексико-семантических групп, что имеет существенное значение для современной лингвистики.

2.1.1. Лексические особенности устойчивых выражений, обозначающих женский интеллект, и средства создания образности

Лексическая составляющая, по нашему мнению, несомненно, представляет огромный интерес в плане раскрытия и интерпретации в двух разноструктурных языках такого понятия, как женский интеллект.

Существуют довольно разнообразные подходы к созданию интеллектуальной характеристики женщины в русских и английских устойчивых выражениях. Это и метафорические единицы, и различные прилагательные, участвующие в формировании образа умной или глупой женщины. Нашей целью на данном этапе было выявление наиболее частотных лексем, используемых как средства создания образности в рассматриваемых выражениях. Уместно, проанализировав лексикографический материал, выделить те лексические составляющие, которые указывают на интеллектуальную состоятельность либо несостоятельность референта-женщины. Итак, мы исследовали пласт устойчивых выражений русского и английского языков, объединенных, согласно словесному компоненту, в лексическое поле «женский интеллект». В составе данного лексического поля выделены следующие лексико-семантические группы: «Женщина», «Имя собственное», «Метафорические наименования лиц женского пола». В свою очередь ЛСГ «Женщина» подразделяется на лексико-семантические подгруппы (далее ЛСП): «Атрибуты лиц женского пола», «Характеристика лиц женского пола» и «Родственные отношения».

ЛСГ «Женщина».

Общее количество единиц данной ЛСГ составляет 993, среди них 509 русских и 467 английских устойчивых выражений. Родовым словом данной ЛСГ является слово *женщина* / *woman, female*:

женщина без разговора – что двор без забора [Соловьева 2014: 339];

женщина скрывает то, о чем не знает [Никитина];

a woman can never keep a secret (женщина не может хранить тайны) [American Proverbs 1998: 89];

the level of the woman is the level of the world (уровень женщины – уровень мира) [DAP 1992: 912].

Видовой лексемой в данной ЛСГ можно считать лексему «жена / *wife*»:

жена мужа не бьет, а под свой нрав ведет [Никитина];

жена не умна – дому проруха [Никитина];

a wife's place is in the home (жене место в доме) [American Proverbs 1998: 85];

a man is in general better pleased when he has a good dinner upon his table, than when his wife talks Greek (S. Johnson) (как правило, мужчине приятнее видеть накрытый к обеду стол, чем слышать, как его жена говорит по-гречески) [Соловьева 2014: 348].

В ходе анализа нами была также выявлена видовая лексема «баба».

По данным «Русского семантического словаря», в современном языке для обозначения лица женского пола существует 8 общеупотребительных лексем: *бабушка, дама, девочка, девушка, женщина, старуха, тетя* [Ефремов 2010: 109]. Столь разнообразное обилие лексем, обозначающих лиц женского пола, не характерно для английского языка, в нем наблюдается употребление лишь лексем *woman, wife*, реже *girl*. Что касается предмета исследования (паремий, фразеологизмов и афоризмов), то здесь можно заметить широкий выбор наименований женщины в русском языке и довольно узкий круг лексем в английском (опишем ниже). Особо стоит отметить, что истори-

ческая перспектива изучения наименований лица женского пола в русской культуре предполагает включение в поле анализа и номинации «баба» [Арсентьева 1999: 13], хотя современные толковые словари выводят ее за пределы кодифицированного литературного языка. В.А. Ефремов в своей докторской работе замечает, что одной из важнейших этнолингвистических особенностей представления о женщине в русской концептосфере является наличие своего рода дублетности номинаций [Ефремов 2010: 109]. Ученый приводит некоторые справки, свидетельствующие о том, что ядро концепта «женщина» вербализуется на разных этапах истории русского языка по-разному: в древнерусский период парой *жена* – *баба*, XVI–XVIII вв. – *женщина* – *баба*, в XVIII – середина XIX вв. *дама* – *баба*, в XX в. парой *женщина* – *баба*. Но нельзя не заметить, что в современном русском языке происходит значительная редукция семантических и прагматических различий между ранее жестко противопоставленными по социально-прагматическим характеристикам номинации *женщина* и *баба* [Там же]. Исследователи отмечают тот факт, что слово «баба» имеет скорее негативную коннотацию. По определению С.И. Ожегова, баба – «здоровая, работающая, грубая, необразованная, «простая», ее облик сексуально привлекателен» [Ожегов 1978: 34]. Данная лексема является довольно часто встречающейся в интересующей нас группе:

у бабы семь пятниц на неделе [Русский народ 2007: 73];
бабе хоть кол на голове теши [Русский народ 2007: 73];
бабы умы разоряют дома [Русский народ 2007: 73];
баба, что мешок: что положишь, то и несет [Даль 1996, Т. 1: 65];
кто бабе поверит, трех дней не проживет [Русский народ 2007: 74].

Заметим, что в английском языке нами обнаружена «лакуна» подобного рода лексем. Интересным, на наш взгляд, является подход к классификации лакун в языке Л.К. Байрамовой, которая различает понятие *лакуна* и *лакунарная единица*. Под лакунарной единицей она понимает лексему или устойчивый оборот, отсутствующий в одном

из сопоставляемых языков, а под лакуной – само понятие, с помощью которого констатируется отсутствие слова в другом языке. Ученый определяет лакунарную единицу как такую, *«которая в другом языке имеет пробел, пустоту, то есть лакуну – нулевой коррелят лакунарной единицы. Таким образом, лакунарная единица является принадлежностью одного языка, а лакуна – принадлежностью другого»* [Байрамова 2004: 43].

Помимо указанных лексем, в ходе анализа данной группы устойчивых выражений мы столкнулись с достаточным разнообразием видовых сем, что позволило вычленить в составе данной ЛСГ следующие ЛСП:

«Атрибуты лиц женского пола».

В словаре С.И. Ожегова определением понятия *«атрибут»* служит *«необходимый, постоянный признак, принадлежность»* [Ожегов 2010: 134]. Женскими атрибутами мы считаем все то, что свойственно женщинам в описательном и вещественном плане.

Как известно, пословицы зачастую строятся на контрасте. Контраст достигается за счет использования антонимии в составе устойчивых выражений. Прежде всего следует говорить о лексической антонимии, где контрастируют используемые лексические единицы, обладающие противоположными либо несвязными значениями.

Лексическую антонимию возможно проследить в контексте. Например, наиболее популярными «антонимами» в нашей группе являются «ум» и «красота». При этом ум как позитивное явление противостоит красоте – по ряду причин и убеждений противоположному явлению. Данный тип контекстуальной антонимии можно рассмотреть на примере русского афоризма:

у нас женщины тем и сохраняют свою красоту, что никогда ничего не думают (А.Н. Островский) [Шевляков 1999: 284].

Отсюда следует, что думать вредно для внешнего вида женщины. Получается, что умный не может быть красивым и наоборот. Чтобы сохранить красоту, нужно как можно меньше забивать себе

голову различными мыслями. Это подтверждается и английским высказыванием:

women are vain: they 'd rather be pretty than have a good brain (женщины слабы: им лучше быть симпатичными, чем умными) [Browning 1952: 483].

Это значит, что красота и ум представляются понятиями несовместимыми в образе женщины. В выборе между привлекательным обликом и умственными способностями предпочтение отдается первому элементу. То же просматривается и в пословицах и поговорках:

ум и красота – не одного поля ягоды [Сущность-наружность] (понятия противоположные, не совместимые);

красива – еще не умна [Сущность-наружность] (то есть красота не предполагает наличие ума);

beauty is but skin deep (красота недолговечна) [Митина 2003: 28].

Во многих выражениях как замена лексеме «красота» выступает лексема «волос/волосы/hair». Длинные волосы издавна считались символом женственности и красоты в большинстве культур. Здесь даже можно говорить о полной семантической эквивалентности в английском и русском языках:

long hair and short wit – волос долог, да ум короток [Русский народ 2007: 74]

long of hair and short of brains – у бабы волос долог, да ум короток [БРАФС: 15454].

«Женскими» атрибутивными свойствами обладают и следующие лексемы: «коса», «кудри», «платье» и др.:

коса до пояса, язык до колен [Соловьева 2014: 339];

радио сарафанное (сарафановое) [Соловьева 2014: 339];

ни голосу, ни волосу не верь (бабе) [Соловьева 2014: 346];

в долгом платье, да в коротком разуме [Даль 2002, Т. 1: 425].

В данной группе также присутствует как сравнение женского ума с атрибутами женской работы, так и метафорический перенос:

бабий ум – бабье коромысло: и криво, и зарубисто, и на оба конца [Русский народ 2007: 73];

курица в гнезде, а баба сковородку греет [Соловьева 2014: 351];
знай, баба, свое кривое веретено, свое дело [Русский народ 2007: 73].

Как видим, женские рабочие приспособления (коромысло, прялка, веретено) описываются при помощи эпитетов «кривой», «зарубистый» с явной отрицательной коннотацией, что не характерно для атрибутов мужских (топор). Это, на наш взгляд, происходит вследствие переноса взглядов на женский интеллект со стороны мужчин на предметы, используемые женщинами в хозяйстве. То есть женский – значит плохой, глупый, бесполезный, а мужской – нужный, хороший, толковый.

Из англоязычных примеров можно выделить следующее выражение:

a sieve will hold water better than a woman's mouth a secret (решето выдержит воду лучше, чем рот женщины тайну) [Browning 1952: 447].

Здесь насмешке подвергается такое качество женского интеллекта, как болтливость, что, в свою очередь, объясняется, по мнению мужчин, недостатком ума у лиц женского пола.

Количество устойчивых выражений данной подгруппы составляет 27 единиц в русском и 8 – в английском языке.

«Характеристика лиц женского пола».

Основными семами анализируемой ЛСП являются «глупая, дура / *stupid, fool*», «умная / *wise*», «изменчивая / *changeable*» и др. Примерами данной ЛСП выступают следующие выражения:

на пригожую дивися, на разумной женися [Никитина];

умная беседа дороже обеда [БСРП Мокиенко 2010: 338];

глупа как гусыня [Квеселевич 2000: 24; Шадрин 2003: 31];

умна как попова свинья [Холманских 1999: 217];

changeable, as a weathercock (изменчива, как флюгер) [Шитова, Брусникина 2003: 31];

(as) cunning, as a fox (хитрая, как лиса) [Шитова, Брусникина 2003: 32];

as light as a butterfly (легкомысленная, как бабочка) [Кунин 1984: 117].

Лексема «дура» [Арсентьева 1999: 89] в русском языке приобретает гендерную окраску, так как является существительным женского рода. Английская же лексема “*fool*” может обозначать лиц обоих полов. Данная лексема в русском языке представлена на уровне фразеологизмов:

дура душой [СФС 1996: 62];

дура набитая [СФС 1996: 62];

петая (отпетая) дура [СФС 1996: 62; Квеселевич 2000: 195].

В английском варианте – на уровне паремий:

tell a woman she is fair, and she will soon turn a fool (скажите женщине, что она права, и тут же она поглупеет) [УАРС: 2371251];

a wise woman is twice a fool (мудрая женщина глупа вдвойне) [American Proverbs 1998: 85].

Общее количество единиц данной ЛСП – 61, среди них 37 русских и 24 английских устойчивых выражения.

«Родственные отношения».

Видовыми семами, называющими лиц женского пола, также можно считать и различные наименования женщины по родственным связям и отношениям. В данной подгруппе нам удалось выделить следующие лексемы: «кума», «теща», «свекровь», «дочь», «невестка». Указанные лексемы встречаются только в русскоязычном материале:

молчи, кума, меньше греха [БСРП Мокиенко 2010: 461];

добрая кума прибавит ума [БСРП Мокиенко 2010: 460];

кума живет догадлива [БСРП Мокиенко 2010: 461];

у тещи семь пятниц на неделе [Русский народ 2007: 73];

у хорошей свекрови и сзади глаза [Гейвандов 1995: 151];

дочь замершего якута «глупая женщина» [Соловьева 2014: 351];

пусть бы невестка и дура, только бы огонь пораньше дула [Соловьева 2014: 352].

Количество представленных устойчивых выражений в русском языке составляет 41 единицу, в английском языке они отсутствуют.

ЛСГ «Имя собственное». В данной ЛСГ в качестве родовой лексемы может выступать любое женское имя собственное:

велика Федора, да дура, а Иван мал, да удал [БСРП Мокиенко 2010: 942; Надель-Чернова 2011: 225].

Как правило, используются исконно русские имена, широко распространенные в сказках, присказках, поговорках (Иван – герой несчетного количества русских сказок: Иван-дурак, он же Иван-царевич; Федора также часто встречающийся персонаж: Федорино горе). Данное выражение указывает на несостоятельность женского ума и превосходство мужского вне зависимости от возраста референта, то есть, даже если женщина (Федора) старше мужского референта (Ивана), к ее умственным способностям это не имеет отношения.

Фразеологизмы данной группы означают не одну конкретную женщину, а всех лиц женского пола, они могут быть употреблены в отношении любой женщины без изменения в использовании имени:

бесплодная Арина (Арина бесплодная) [Бирх 1999: 32];

как умная Маша [СФС: 63; Бирх 2005: 424];

смыслит как Аксинья в апельсинах [Бирх 2005: 20].

Некоторые фразеологизмы приобретают региональную окраску: *Маша с Уралмаша* [Белянин 1994: 92].

Уралмаш – район в Екатеринбурге, завод по машиностроению. Рискнем предположить, что выражение берет начало именно оттуда, не очень умные девушки шли работать на завод, работать не умом, а физически, поэтому возникло и вошло в употребление данное выражение, как обозначение недалекой, простоватой девушки.

Имена собственные прослеживаются и в английских фразеологизмах. Например:

Dumb Dora [Кунин 1984: 223] (досл. немая Дора – глупая девушка, дура);

giddy Gertie [там же: 223] (досл. легкомысленная Герти – чокнутая Герти, глупая женщина);

dizzy Lizzie [там же: 223] (досл. головокружительная Лизи – легкомысленная женщина).

Для английских устойчивых выражений также характерно употребление лексемы «*she/она*», вместо имени собственного. Например: *the trouble with her is that she lacks the power of speech but not the power of conversation* (проблема с нею состоит в том, что она испытывает недостатки в речи, но не в разговорах) [The Guinness Book of Poisonous Quotes 1993: 331].

Очевидно, что речь идет о женщине, так как местоимение *she* (она) может обозначать только лицо женского пола, но выражение само по себе обращено не к одной женщине, а ко всем референтам, объединенным данным половым признаком.

Количество выражений данной ЛСГ в русском языке составляет 23, в английском – 10 единиц.

ЛСГ «Метафорические наименования лиц женского пола». В данной ЛСГ представляется достаточно сложным выявить родовое слово, так как для метафорического переноса могут использоваться различные образы, которые мы классифицировали в следующие группы:

1. Животные, используемые достаточно часто в хозяйстве: курица, утка, свинья (характерно для русского языка). Эти животные часто разводятся в хозяйстве, следовательно, вошли в русские народные сказки, пословицы, поговорки, фразеологизмы. Нередко в русском языке прослеживается сравнение женщины с «*курицей*» [Арсентьева 1999: 136] не по внешним данным, а именно с точки зрения интеллектуальных особенностей женского пола. Такое сопоставление представлено в пословицах и поговорках:

курица не птица, а баба не человек [Даль 1996, Т. 1: 66];

курицей родилась – уткой не станешь [Даль 1996, Т. 1: 66];

женщина что курица: дай пинка – и образумится [Пословицы про женщин];

курица гогочет, а петух молчит [Русский народ 2007: 74];

во фразеологизмах:

умница как пестрая курица [Холманских 1999: 217];

умница как попова курица [Холманских 1999: 217].

Иногда замечается трансформация лексемы «*курица*» в более узкую область, например «*наседка*», что означает в сущности одно и то же (в данном случае женщину):

знала б наседка, узнает и соседка [Соловьева 2014: 339].

Отсюда, по нашему мнению, и берет начало известное устойчивое выражение «*куриные мозги*», которое находит полный семантико-синтаксический эквивалент и в английском языке «*chicken's mind*» [Лубенская 1997: 376]. Такое представление о женском уме как о недоразвитом, часто встречающееся явление в обыденном мужском менталитете.

Помимо лексемы «*курица*» в русском языке представлен еще ряд лексем-зоонимов, участвующих в формировании образа глупой женщины. Иногда в устойчивых выражениях они заменяют саму лексему «женщина», иногда формируют образное сравнение. К ним относятся лексемы «*ослица*», «*гусыня*», «*овца*», «*свинья*» и др.:

валаамова ослица [Бирих 1999: 424];

как овца круговая [Холманских 1999: 217]; *тупая как овца*, диал. [там же: 216];

умна как попова свинья [там же: 217];

вумная как вутка [Бирих 1996: 62] (иногда словарно видоизменяется для придания экспрессивности).

Как видно, чаще всего, лексическая составляющая подается нам через образное сравнение. Известно, что сравнение является одним из самых активных способов создания устойчивых единиц. Также оно представляет яркий способ выражения оценки. Цель образного сравнения состоит в том, чтобы дать характеристику объекта сравнения, актуализировать его определенные свойства.

Заметим, что присутствие лексем-зоонимов, обозначающих домашних животных, наблюдается в примерах русского пословичного и фразеологического фонда. Для английского же языка такое сравнение не характерно. Вообще, такие выражения единичны, их можно рассмотреть на примерах:

three women and a goose make a market (три бабы – базар, а четыре ярмарка) [American Proverbs 1998: 89];

it is a good horse that never stumbles and a good wife that never grumbles (хорошая лошадь, которая никогда не спотыкается, и хорошая жена, которая никогда не ворчит) [Christy 1998: 445].

women, priests and poultry have never enough (женщинам, священникам и домашней птице всегда мало) [Wisdom through the ages 2004: 44].

Как видно из примеров, здесь образ женщины не заменяется образом животного, а только приравнивается к нему по интеллектуальным свойствам. Метафорический перенос мы можем наблюдать лишь на примере:

it's a sad house where the hen crows louder than the cock (печален дом, где курица кричит громче, чем петух) (курица – женщина, петух – мужчина) [Dictionary of proverbs 2006: 277].

Английским же выражениям свойственно сравнение с другими животными, не домашними, хотя они также единичны:

women are like elephants to me: they're nice to look at, but I wouldn't want to own one (W.C. Fields) (для меня женщины словно слоны, на них приятно смотреть, но не хотелось бы ими владеть) [The Guinness Book of Poisonous Quotes 1993: 326];

women in state affairs are like monkeys in glass-houses (женщины в государственных делах походят на обезьян в теплицах) [Fergusson 1995: 266].

2. Незнакомое и недостижимое.

Сюда можно отнести выражение *кругла лицом как глупая луна* [Бирх 1999: 351].

Яркая образность достигается за счет использования эпитета «глупая», данный признак приписывается луне, как чему-то неизведанному для обычного человека. Хотя мы можем только догадываться о происхождении столь интересного сочетания, рискнем предположить, что человеку свойственно скрывать то, что он не знает, посе-

му высказывается отношение к луне, как к незаслуживающему внимания «глупому» явлению.

women are as wavering as the wind (женщины столь же переменчивы как ветер) [Browning 1952: 445];

a woman's mind and wind change oft (ум женщины и ветер часто изменяются) [Browning 1952: 444].

Ветер – явление природы, незнакомое и непонятное обычному человеку. Разум женщины сравнивается с ветром в силу изменчивости, непредсказуемости. Хотя современный мир находит разумные объяснения многим явлениям, данные единицы зародились как результат народного познания долгое время назад, они фиксируют представления обычных людей, иногда малообразованных, а не ученых.

Как видим, данная группа присутствует в паремиях и фразеологизмах обоих языков.

3. Библейские или мифологические образы.

К данной группе мы отнесли выражения типа:

глупая как Валаамова ослица [Бирих 2005: 502].

Согласно древнееврейскому мифу, ослица Валаама неожиданно заговорила, запротестовала человеческим языком. В настоящее время выражение используется для обозначения предельно упрямой, глупой женщины, хотя изначально оно имплицировалось человеку, обычно молчаливому, внезапно заговорившему, сказавшему что-то глупое.

от нашего ребра нам не ждать добра (ребро – женщина) [Даль 1996: 67].

Коннотация данного выражения обусловлена происхождением женщины из мужского ребра (Адам и Ева). Мужчина рассматривается как начало всему, женщина – лишь как производное, соответственно не может быть хоть чем-то лучше.

Отметим отсутствие данной группы среди паремий, афоризмов и фразеологизмов английского языка.

4. Неодушевленные образы.

Группу составляют устойчивые выражения, типа:

перекати-поле – бабий ум [Русский народ 2007: 73].

В приведенном примере ум женщины сравнивается с травянистым растением перекасти-поле, произрастающим в степях и пустынях, при созревании семян отрывающимся и уносимым ветром на дальние расстояния. То есть ум женщины непостоянный, беспокойный, меняющийся.

женские умы – что татарские сумы [Русский народ 2007: 73].

Выражение явно берет начало во времена татаро-монгольского ига. В сравнении выступают татарские переметные сумки, которые перекидывались через седло, как бы делились на две части, не составляли одно целое. Женский ум также приобретает значение «переметного», то есть противоречивого.

Среди англоязычных примеров можно рассмотреть выражение:

long hair and short wit (волос долог, да ум короток) [УАРС: 1520131].

Обратим внимание на то, что здесь образ женщины полностью заменяется сочетанием «*long hair/длинные волосы*», а не сравнивается с ним.

blue stocking (синий чулок) [NPED 2000: 147].

К коннотации и аксиологии данного выражения мы обратимся чуть позже. Отметим лишь, что образ «синего чулка» навязывается женщине, чуждой обычных женских слабостей и приоритетов.

Количество единиц данной ЛСГ составляет 68 единиц в русском языке и 23 единицы в английском языке.

Полученные данные представим в таблице:

Таблица 1

Количественная характеристика лексем, употребляемых
в выражениях, обозначающих женский интеллект

Лексема	Кол-во в русскоязычных примерах	Частотность %	Кол-во в англоязычных примерах	Частотность %
женщина (женский) / woman (woman's), female	197	32,8	425	85, 1
жена / wife	56	9,4	24	4,8
женское имя собственное	21	3,5	5	1,1
баба (бабий)	176	29,4	–	–
родственные отношения (кума, теща, свекровь, дочь, невестка)	41	6,9	–	–
девка, девушка, девочка (девичий) / girl (girlie)	7	1,2	3	0,7
барышня, барыня, боярыня	3	0,5	–	–
бабушка	3	0,5	–	–
дама (дамский) / lady (lady's), dame, miss	1	0,1	9	1,6
дура / fool	17	2,8	2	0,5
лексема-зооним (курица / hen (chicken), утка, свинья, ослица, гусыня, butterfly, fox и т. п.)	38	6,3	17	2,8
она (ее) / she (her)	2	0,3	5	1,1
внешние характеристики (волос / hair, коса, кудри, платье, сарафан и т.п.)	19	3,2	4	0,9
неодушевленные образы (веретено, прялка, stocking, doll)	11	1,8	2	0,5
красавица, краля / beauty, belle	8	1,3	4	0,9

Итак, нам удалось выделить лексемы, часто используемые для обозначения женщины в выражениях, обозначающих женский интеллект. В русском языке наибольшее количество составляют лексемы: «женщина (женский)» – 197 (32,8 %), «баба (бабий)» – 176 (29,4 %). Средней частотностью обладают лексемы «жена» – 56 (9,4 %), и лексемы, обозначающие другие родственные отношения («кума», «теща», «свекровь» и др.) – 41 (6,9 %), а также лексемы-зоонимы («курица»; «ослица»; «гусыня»; «овца» и др.) – 38 (6,3 %). Редко употребляются лексемы «дама (дамский)» – 1 (0,1%), и «она (ее)» – 2 (0,3 %).

Примечателен факт, что для англоязычной народной мудрости не свойственно такое разнообразие лексем. Общеупотребительными здесь можно назвать “woman (woman’s)”, реже “female” – 425 (85,1 %). Все остальные лексемы представлены довольно скудно.

2.1.2. Семантические особенности устойчивых выражений, обозначающих женский интеллект

По мнению Н.Ф. Алефиренко, «*кодируются знания главным образом в языковой семантике*» [Алефиренко 2005: 179]. Семантика «*изучает значение, выражаемое в каждом данном языке конвенциональным образом, т. е. с помощью немотивированных языковых знаков. В дискурсе, в контексте ситуации, сказанное обростает, однако, прагматически обусловленными семантическими приращениями (импликатурами дискурса), которые возникают по законам, не зависящим от языка*» [Падучева 2011: 225].

Семантика связана с языковой картиной мира, основанной на многовековом опыте. Именно по этой причине многие исследователи называют языковую картину мира «наивной» [Апресян 1995: 39; Маслова 2004: 65; Попова, Стернин 2007: 54]. Это связано, прежде всего, с достаточно медленной эволюцией языка. Ведь многие языковые явления (паремии, например) зачастую отражают опыт, полученный много веков назад, и с течением времени не вносят коррективы.

Языковая картина мира не может существовать непосредственно, не имея под собой определенной базы. Поэтому В.В. Виноградов подчеркивал, что *«история значений слова может быть воспроизведена лишь на широком фоне истории лексико-семантических систем данного языка»* [Виноградов 1977: 39]. Паремии и фразеологизмы являются, по нашему мнению, яркими примерами стереотипизации в языке. Ведь *«создание стереотипов является необходимой мыслительной операцией в процессе познания действительности и потому становится одним из способов адаптации человека в мире»* [Володина 2013]. Стереотипы возникают как отражение коллективного опыта народа. Это *«явление массового сознания, отраженное в индивидуальном опыте человека»* [Володина 2013].

Сема (от греческого *sēma* – знак) – *«минимальная предельная единица плана содержания. Семы представляют собой элементарные отражения в языке различных сторон и свойств обозначаемых предметов и явлений действительности»* [ЛЭС 1990: 437].

Под семой понимается минимальный репрезентированный в языковой семантике признак наименованного предмета. По Н.Ф. Алефиренко, это – *«универсальные по своей природе минимальные единицы когнитивной системы – семы»* [Алефиренко 2008: 74]. Ученый считает, что познание человеком действительности не зависит от его национальной и этнической принадлежности, а индивидуальность семных комбинаций в каждом языке создает специфику их фразеологических систем и этнокультурный характер значений [Там же]. По Б.Ф. Ломову, представление об объекте формируется в процессе его неоднократного восприятия, *«происходит селекция признаков объекта, их интеграция и трансформация; случайные признаки, проявляющиеся только в некоторых единичных ситуациях, отсеиваются, а фиксируются лишь наиболее характерные и потому наиболее информативные»* [Ломов 1986: 16].

Понятие «женский интеллект» объективируется в речемыслительной деятельности человека, воплощается в структурно разных лексемах языка. Однако в каждом языке проявляется свое собствен-

ное национальное видение, своя собственная аксиология соотношения уровня интеллекта и психофизических качеств женщины. «Именно выражение в языке семантических связей интеллекта и понятий, представляющих человека в качестве субъекта разумной деятельности, позволяет воссоздать данный элемент этнического сознания носителей той или иной лингвокультуры» [Червоный 2014: 197].

В данном параграфе исследуются семантические особенности устойчивых выражений, обозначающих женский интеллект, в русском и английском языках. Компонентно-компаративный анализ указанных единиц, выполняющих функции номинации женщины и аксиологии ее интеллектуального уровня, позволил выявить некоторые семантические отношения, лежащие в основе внутренней формы устойчивых выражений.

Для начала обозначим само понятие термина «интеллект / *intelligence*». Ученые до сих пор не едины во мнении по поводу интеллекта. Одни считают интеллект способностью к приобретению новых знаний и умений, другие занимаются вопросами социальных аспектов интеллекта. Как подчеркивал Г.П. Щедровицкий [Щедровицкий 2005: 305], интеллект – это достояние определенным образом организованного и определенным образом живущего коллектива. По определению М.А. Холодной, такое композиционно сложное и многоликое понятие, как «интеллект» [Холодная 2002: 239], логически соотносится с различными факторами, связанными с жизнью и деятельностью человека, с его физическими и психическими особенностями.

Хотя Е.В. Урысон считает, что понятия «ум» и «интеллект» достаточно разнятся, «ум» отличается по строению и признакам от «интеллекта», «рассудка» и «разума» [Урысон 2003: 27–34], все же, по данным различных словарей, эти понятия являются синонимичными. Так, в словаре The Penguin Russian Dictionary (1996) даны следующие определения словам *intellect*, *intelligence* – интеллект, ум, сообразительность, понятливость [PRD 1996: 251]. Так же ум – *intellect*, *intelligence*, *brains*, *wits*, *sense* [PRD 1996: 1067]. Вообще, такое понятие, как «интеллект», является достаточно сложным и многоли-

ким. The New Penguin English Dictionary (2000) определяет *intelligence* (интеллект), как *the ability to learn, apply knowledge or think abstractly* (способность обучаться, получать знания либо думать абстрактно) [NPED 2000: 729]. Одним из значений по Webster's Third New International Dictionary of the English Language Unabridged является *mental acuteness* (проницательность ума) [WTNIDELU 1986: 465]. Синонимами слова "*intelligence*", по Д. Девлину, являются *acumen, penetration, intellect, brains, etc.* [Девлин 2002: 217]. По С.И. Ожегову «ум» – способность человека мыслить, основа сознательной, разумной жизни, высокое развитие интеллекта [Ожегов 2010: 834]. А «интеллект» – мыслительная способность, умственное начало у человека [Ожегов 2010: 249]. Получается, что понятие «ум» является одним из составляющих понятия «интеллект». Синонимами понятия «ум», как считает З.Е. Александрова, являются умственные (или мыслительные) способности, интеллект, рассудок, разум, разумение [Александрова 1986: 559].

В нашем понимании интеллект являет собой совокупность умственных, когнитивных, а также психофизических особенностей человека, связанных между собой, и позволяющих абстрактно мыслить, познавать и рефлексировать окружающий мир, понимать суть вещей и т. д.

Стоит заметить, что в нашей работе рассматриваются устойчивые выражения, обозначающие *женский интеллект*, к коим относятся единицы, указывающие на наличие либо отсутствие данного признака. В этой связи целесообразным является рассмотрение и такого понятия, как «глупость / *stupidity*», противоположного по значению понятию «ум / *wit*», но также являющегося одним из составляющих понятия «интеллект / *intelligence*». В словаре синонимов и антонимов Д. Девлина приводится ряд противоположных значений к понятию "*intellectual*" – *dull, stupid, brainless, foolish, silly, unintellectual, etc.* [Девлин 2002: 217]. Рассмотрим также представленные антонимы к понятию "*wit*" – *dullness, solemnity, stupidity, seriousness, etc.* [Девлин 2002: 479].

Словарь С.И. Ожегова приводит следующее определение понятия «глупость» – глупый поступок, глупые слова [Ожегов 2010: 133], «глупый» – с ограниченными умственными способностями, несообразительный, бестолковый [там же], не обнаруживающий ума, лишённый разумной содержательности, целесообразности [там же]. Синонимический ряд, по З.Е. Александровой, представляют: *бестолковость, кретинизм, нелепость, неразумность, абсурдность, несуразность, несообразность, недомыслие, тупость, тупоумие, безмозглость, придурковатость, дурость* (разг.), *неразумие, малоумие, скудоумие* (уст.) [Александрова 1986: 106]. Oxford Advanced Learners Dictionary of Current English (2004) определяет “*stupidity*” как *behaviour that shows a lack of thought or good judgement* (поведение, которое показывает отсутствие мышления или правильного суждения) либо *the state or quality of being slow to learn and not clever or intelligent* (состояние или свойство слабой обучаемости, отсутствие ума или интеллекта) [OALDCE 2004: 1294].

Итак, представляется возможным выделить семантические соотношения в группе выражений, обозначающих особенности женского ума и демонстрирующих различный уровень интеллекта.

Вслед за А.М. Червоным, исследовавшим гендерный аспект в интеллектуальной деятельности [Червоный 2014: 198], мы выделяем следующие семантические соотношения в устойчивых выражениях русского и английского языков, указывающие на интеллектуальные особенности лиц женского пола:

- интеллект женщины – ее красота;
- интеллект женщины – ее непостоянство, изменчивость;
- интеллект женщины – нелогичность ее размышлений;
- интеллект женщины – ее загадочность;
- интеллект женщины – ее эмоциональность;
- интеллект женщины – ее неадекватное поведение;
- интеллект женщины – ее инфантильность;
- интеллект женщины – ее несдержанность, болтливость;

- интеллект женщины – ее изворотливость;
- интеллект женщины – ее хитрость;
- интеллект женщины – ее расточительность;
- интеллект женщины – ее образованность;
- интеллект женщины – ее лживость;
- интеллект женщины – ее упрямство;
- интеллект женщины – ее самодовольство;
- интеллект женщины – ее род занятий;
- интеллект женщины – ее глупость;
- интеллект женщины – ее интуиция;
- интеллект женщины – ее догадливость;
- интеллект женщины – ее цепкость;
- интеллект женщины – ее разумность;
- интеллект женщины – ее мудрость;
- интеллект женщины – ее добродетель.

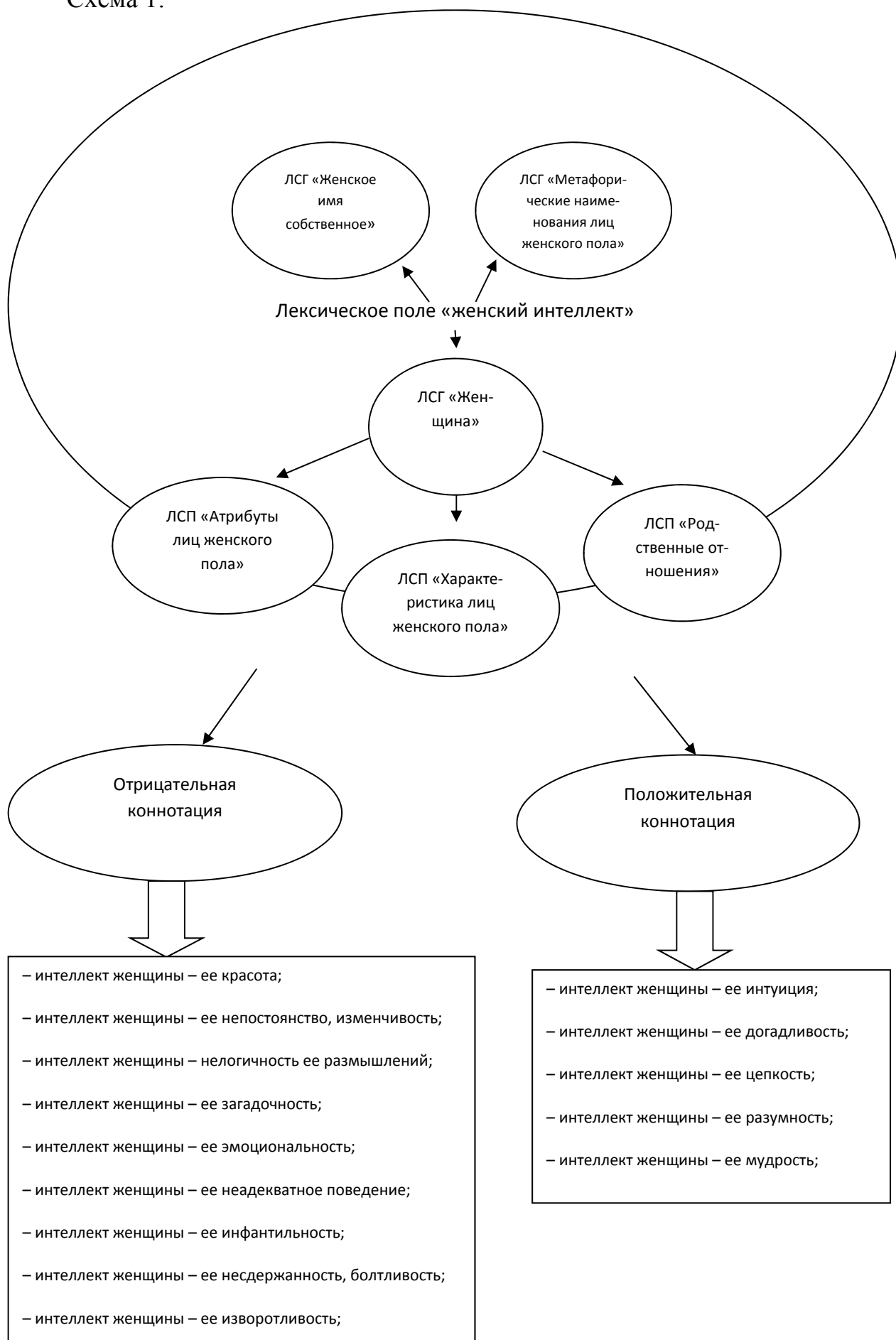
Лексическое поле «женский интеллект» предстает как сложное образование, включающее в себя базовые ЛСГ и семантические соотношения, лежащие в основе внутренней формы выражений. Полученные результаты наглядно представим в схеме (см. Схема 1, стр. 72).

Далее мы более подробно остановимся на анализе семантических соотношений с отрицательной и положительной коннотацией. Группа семантических соотношений с отрицательной коннотацией является наиболее многочисленной и составляет 89,7 % всего материала:

«Интеллект женщины – ее красота».

Данный тип соотношений представлен в количестве 58 единиц русского и 19 единиц английского языка. Довольно часто категории ум-красота представлены в устойчивых выражениях русского и английского языков в противопоставлении.

Схема 1:

По С.И. Ожегову, «*красота*» – всё красивое, прекрасное, всё то, что доставляет эстетическое и нравственное наслаждение [Ожегов 2010: 304]. Словарь Lingvo-Online определяет “*beauty*” как *appearance* (внешность), *a quality that people, places, or things have that makes them very attractive to look at* (некоторые качества людей, мест либо вещей, которые делают их привлекательными для взора); либо *woman* (женщина), *a woman who is very beautiful* (очень красивая женщина) [Lingvo-Online]. Примерами данного типа соотношений могут служить:

красота увянет, а ум не обманет [БСРП Мокиенко 2010: 450];

удивительное дело, какая полная бывает иллюзия того, что красота есть добро. Красивая женщина говорит глупости, ты слушаешь, а не слышишь глупости, а слышишь умное. Она говорит, делает гадости, а ты видишь что-то милое (Л. Н. Толстой) [Борисов 2009: 17];

и красавице ум не мешает [Сущность-наружность];

ум и красота – не одного поля ягоды [Сущность-наружность];

красива – еще не умна [Сущность-наружность];

красота – до венца, а ум – до конца [БСРП Мокиенко 2010: 450];

красавица без ума что кошелек без денег [БСРП Мокиенко 2010: 449];

ум женщины – в её красоте, красота мужчины – в его уме [Векшин 2001: 92];

красота приглядится, а ум вперёд пригодится [БСРП Мокиенко 2010: 450];

a poor beauty finds more lovers than husbands (пустая красота чаще находит любовников, нежели мужей) [Sayings Usual and Unusual 2007: 16];

the beauty of the man is in his intelligence and the intelligence of the woman is in her beauty (красота мужчины в его уме, ум женщины в ее красоте) [Sayings Usual and Unusual 2007: 17].

Интеллект женщины часто противопоставляется красоте. В таких качествах, как женский интеллект и красота, привычно видеть

что-то взаимоисключающее, противоречащее друг другу. Недаром героиней бесчисленных анекдотов является «*блондинка*» [Арсентьева 1999: 16] – олицетворение женственности, красоты и при этом ужасной глупости. Обозначение «неумных женщин» «*блондинками*» характерно только для русского языка и несет в себе исторически заложенный код «недостатка ума», можно сказать, сложившийся стереотип. А чего стоит народная мудрость: «*женщина должна быть умной настолько, чтобы суметь прикинуться дурачком*» [Красивая женщина и интеллект].

«Интеллект женщины – ее непостоянство, изменчивость».

Данный тип соотношений представлен в количестве 23 единиц русского и 42 единиц английского языка. С.И. Ожегов дает следующее определение термину «*непостоянство*» – сущ. от прил. *непостоянный* – *изменчивый, колеблющийся, неустойчивый* [Ожегов 2010: 410]. Также “*inconstancy*” [Lingvo-Online] – *not staying the same, especially in emotion, behaviour, or choice of sexual partner* (непостоянство, особенно в эмоциях, поведении или выборе сексуального партнера). «*Изменчивость*» – сущ. от прил. *изменчивый* – *легко изменяющийся, непостоянный* [Ожегов 2010: 241]. Также “*mutable*” – *able or likely to change* [Lingvo-Online] (способный измениться). Данная черта характера, как составляющая интеллекта, свойственна лицам женского пола, как русской, так и английской культурных обществ. Ядерные семы «непостоянство / *inconstancy*», «изменчивость / *mutability*» представлены следующим образом:

женские умы – что татарские сумы [Русский народ 2007: 74];

перекати-поле – бабий ум [Русский народ 2007: 74];

у бабы семь пятниц на неделе [Русский народ 2007: 74];

пока баба с печи летит, семьдесят семь дум передумает [Даль 1996: 66];

a woman's mind is always mutable (женский ум всегда изменчив) [Dent 1984: 749];

women are as wavering as the wind (женщины переменчивы, как ветер) [Browning 1952: 444; Preaching proverbs 1996: 89];

changeable, as a weathercock (изменчива, как флюгер) [Dictionary of proverbs 2006: 92];

winter-weather and women's thoughts change oft (зимняя погода и мысли женщины часто меняются) [Dent 1984: 255].

В данном типе соотношений центральная сема передается косвенно и не всегда сопоставимыми денотатами (см. непостоянство – перекасти-поле, семь пятниц на неделе, *mutable, wavering* и т. п.).

«Интеллект женщины – нелогичность ее размышлений».

Данный тип соотношений представлен в количестве 29 единиц русского и 32 единиц английского языка. В словаре С.И. Ожегова термин «*нелогичность*» представлен как антоним к существительному «*логичность*» – сущ. от прил. *логичный* – *вполне закономерный, разумный, последовательный* [Ожегов 2010: 331]. Следовательно, мы можем сделать вывод о том, что «*нелогичный*» – *незакономерный, неразумный, непоследовательный*. Lingvo-Online определяет “*illogicality*” как *lack of logic* (отсутствие логики) [Lingvo-Online]. Термин “*illogical*”, в свою очередь, – *not reasonable, wise, or practical, usually because directed by the emotions rather than by careful thought* [Cambridge] (не разумный, мудрый, или практичный, обычно потому, что руководствуется эмоциями, а не разумом). Данный тип отношений может указывать на нелогичность женского поведения, нелогичность размышлений, ядерной семой выступает «нелогичность / *illogicality*», передаваемая через значение выражения:

с женищинами спорят сердцем, не умом (М. Арнольд) [Борисов 2009: 12];

женищина у умного ищет недостатки, а у дурного достоинства [Пословицы и поговорки о женском нраве];

женский совет – для женищин [Пословицы про женщин];

раз в сорок лет послушайся женищины [Гейвандов 1995: 131];

женский совет поможет в напрасном усилии [Пословицы про женщин];

вспомнила баба свой девишник [БСРП Мокиенко 2010: 27];

saying “no” a woman shakes her head lengthwise (говоря «нет», женщина кивает головой) [American Proverbs 1998: 67];

modern women understand everything except their husbands (современные женщины понимают все, кроме своих мужей) (О. Wilde) [Борисов 2009: 14];

a woman's advice is best at a dead lift (женский совет поможет в напрасном деле) [Dent 1984: 748];

a woman conceals what she knows not (женщина скрывает то, о чем не знает) [American Proverbs 1998: 35; Dent 1984: 746];

a woman cuts her wisdom teeth when she is dead (у женщины зуб мудрости прорезается, когда она мертва) [Sayings usual and unusual 2007: 275];

women are strong when they arm themselves with their weakness (женщины сильны, когда они подбадривают себя своей слабостью) [American Proverbs 1998: 34].

«Интеллект женщины – ее загадочность».

Данный тип соотношений представлен в равном количестве единиц (по 11) русского и английского языка. «Загадочный», по С.И. Ожегову, – *непонятный, труднообъяснимый; многозначительный и таинственный* [Ожегов 2010: 201]. В английском языке термин «загадочность» представлен как “*inscrutability*”, “*mystique*” [Lingvo-Online]. “*Inscrutable*” – *someone who is inscrutable shows no emotion or reaction in the expression on their face so that it is impossible to know what they are feeling or thinking* (кто-то, кто не проявляет никаких эмоций или реакций в выражении лица так, чтобы было невозможно понять то, что они чувствуют или думают)[Longman]. “*Mystique*” – *a quality of being special in a mysterious and attractive way* (способность быть особенным, таинственным и привлекательным способом) [Cambridge]. Данный тип семантических отношений представлен в обоих из сопоставляемых языков скорее на уровне афоризмов:

три вещи сложнее всего понять: разум женщины, работу пчел и игру прибоя [Женщины – пословицы, поговорки];

women are made to be loved, not understood (женщины созданы для того, чтобы их любили, а не понимали) (O. Wilde) [The Guinness Book of Poisonous Quotes 1993: 327];

women are like elephants to me: they're nice to look at, but I wouldn't want to own one (W.C. Fields) (для меня женщины словно слоны, приятно на них смотреть, но не хотелось бы ими владеть) [The Guinness Book of Poisonous Quotes 1993: 326].

«Интеллект женщины – ее эмоциональность».

Данный тип соотношений представлен в количестве 18 единиц русского и 11 единиц английского языка. В рамках данного исследования рассматривается понятие «эмоциональность», как одно из составляющих понятия «женский интеллект». Для начала логично будет обосновать связь эмоций с интеллектом. Существует такое понятие, как «эмоциональный интеллект», появившееся в конце 20 века благодаря Дж. Мейеру и П. Сэловею. Под этим термином ученые понимали осознание и управление собственными эмоциями и эмоциями других людей. В их понимании эмоциональный интеллект – «это умственная способность, являющаяся одной из составляющих группы личностных качеств человека» [Гришанович]. Само по себе данное понятие не несет негативной окраски, оно образуется от прилагательного «эмоциональный», что значит *насыщенный эмоциями, выражающий их* [Ожегов 2010: 913], а «эмоция» – *душевное переживание, чувство* [там же]. Нас же интересует «излишняя эмоциональность», что проявляется в языке в описании женского интеллекта средствами паремиологии, фразеологии и афористики. «Излишний» – *лишний, не вызываемый необходимостью* [Ожегов 2010: 240]. Эмоциональность – “*emotionality*” [Lingvo-Online]. «Лишний» – *superfluous, excessive* [Longman]. “*Superfluous*” – *more than is needed or wanted* (= unnecessary (нет необходимости) [Longman] (больше, чем необходимо или требуется). “*Excessive*” – *much more than is reasonable or necessary* [Longman] (намного больше, чем разумно или необходимо). Итак, излишняя (чрезмерная) эмоциональность демонстрируется примерами:

женский обычай – слезами беде помогать [БСРП Мокиенко 2010: 2001];

баба, что горшок: что ни влей – все кипит [БСРП Мокиенко 2010: 28];

без плачу у бабы дело не спорится [Соловьева 2014: 345];

баба плачет – свой нрав тешит [БСРП Мокиенко 2010: 27];

women laugh when they can and weep when they will (женщины смеются и плачут, когда им вздумается [Sayings Usual and Unusual 2007: 277];

tear ready, tail ready (слезы наготове, хвост трубой) [Соловьева 2014: 346]

women are always ready (женщины всегда готовы) [Dent 1984: 750].

«Интеллект женщины – ее неадекватное поведение».

Данный тип соотношений представлен в количестве 21 единицы русского и 27 единиц английского языка. Прилагательное «неадекватный» – лишенный адекватности, не соответствующий норме, требуемому [Ожегов 2010: 400]. Понятие “*Inadequacy*” в английской версии несколько отличается – *a feeling that you are not as good, clever, skilled etc as other people* (чувство, что вы не так хороши, умны, квалифицированы и т.д. как другие люди); *the fact of not being good enough in quality, ability, size etc for a particular purpose* (факт несоответствия по качеству, способностям, размеру и т. д. для конкретной цели); *a fault or weakness* (ошибка или слабость) [Longman]. В рамках данной семантической группы мы рассматриваем неадекватное поведение женщины, представленное в примерах устойчивых выражений двух языков:

одна врала, другая не разобрала, третья по-своему переврала [БСРП Мокиенко 2010: 162];

ехала кума, да неведомо куда [БСРП Мокиенко 2010: 61];

добрая кума живет и без ума [Даль 2001: 181];

tell a woman she is fair, and she will soon turn a fool (скажите женщине, что она права, и вскоре она поглупеет) [УАРС: 237125];

a woman says no and means yes (женщина говорит «нет», а подразумевает «да») [Dent 1984: 748].

«Интеллект женщины – ее инфантильность».

Данный тип соотношений представлен в количестве 4 единиц русского и 10 единиц английского языка. Прилагательное «*инфантильный*» определяется С.И. Ожеговым как *детски недоразвитый, страдающий инфантилизмом; сходный с манерами, поведением, мировосприятием ребёнка* [Ожегов 2010: 250]. В свою очередь, “*infantile*” – *typical or small child (and therefore not suitable for adults or older children)* [OALDCE 2004: 664] (типичный для маленького ребенка (и поэтому не подходящий для взрослых или детей старшего возраста)). Примерами данного типа семантических отношений выступают следующие выражения:

куриные мозги [ФСРЛЯ 1995: 301];

женский ум – ум инфантильный [Телия 1996: 268];

woman's mind is the infantile mind (женский ум – ум инфантильный) [УАРС: 1370757];

fools and little dogs are ladies' play fellows (дурачки и небольшие собачки – друзья женщины) [American Proverbs 1998: 63];

«Интеллект женщины – ее несдержанность, болтливость».

Данный тип соотношений представлен в количестве 67 единиц русского и 107 единиц английского языка. «*Несдержанность*» ант. к сущ. «*сдержанность*» – сущ. от прил. «*сдержанный*» – *владеющий собой, умеющий сдерживаться; ровный, без резкостей* [Ожегов 2010: 708]. Таким образом, мы делаем вывод, что «*несдержанность*» – неумение владеть собой, сдерживаться. В своей работе мы соотносим понятия «*несдержанность*» с женской болтливостью, неумением хранить тайны, что издавна давало повод для насмешек и метких замечаний. Англоязычный термин “*intemperance*” – сущ. от прил. “*intemperate*” – *(of a person or their behaviour or speech) not controlled and too extreme or violent* [Cambridge] (о человеке, его поведении или речи) не управляемый и слишком чрезвычайный или сильный). К данному типу семантических отношений можно отнести:

бабий язык, куда ни завались, достанет [Даль 1996, Т. 1: 65];
скажешь курице (бабе), а она всей улице [БСРП Мокиенко 2010: 66];

не ждет баба спроса, сама все скажет [Даль 2002, Т. 1: 1276];
что вода в решете [Даль 2002, Т. 1: 1276];

базарная баба [Арсентьева 1999: 13];

a woman never holds her tongue (женщина никогда не держит язык за зубами) [Early American Proverbs 1980: 494];

where women and geese are there is no lack of noise (там, где есть женщины и гуси, всегда шумно) [American Proverbs 1998: 89];

silence is a fine jewel for a woman, but it's little worn (молчание – хорошее украшение для женщины, но его мало носят) [American Proverbs 1998: 89; Соловьева 2014: 339];

a woman's strength is her tongue (сила женщины – в ее языке) [Dent 1984: 749];

any woman can keep a secret, but she generally needs one other woman to help her (любая женщина сможет сохранить тайну, но ей все же нужна еще одна женщина в помощь) [American Proverbs 1998: 88];

a wise woman is one who has a great deal to say and remains silent (мудрая женщина – та, которая многое могла бы сказать, но молчит) [Sayings Usual and Unusual 2007: 87].

«Интеллект женщины – ее изворотливость».

Данный тип соотношений представлен в количестве 8 единиц русского и 7 единиц английского языка. По С.И. Ожегову, «изворотливость» сущ. от прил. «изворотливый» – *находчивый, ловкий* [Ожегов 2010: 239]. О женской изворотливости, как составляющей понятия «женский интеллект», тоже слагались русские пословицы. В английском языке термин представлен как “*resourcefulness*” [Lingvo-Online]. “*Resourcefulness*” – *the ability to make decisions and act on your own* [Cambridge] (способность принимать решения и действовать самостоятельно). Трактовка несколько иная, может быть, поэтому в английском языке материал представлен слабо. Приведем следующие примеры:

у бабы семьдесят две увертки в день [Русский народ 2007: 73];
умный мужчина перед женой отишутится, а умная женщина перед мужем всегда оправдается [Никитина];

a woman is never without an excuse (у женщины всегда найдутся отговорки) [Dent 1984: 747].

«Интеллект женщины – ее хитрость».

Данный тип соотношений представлен в количестве 19 единиц русского и 13 единиц английского языка. Хитрость и лукавость женского пола является неоспоримым фактом, высмеивается и акцентируется в фольклоре практически всех языков. По нашему мнению, женская хитрость также имеет огромное значение при интерпретации понятия «женский интеллект». «*Хитрый*» – *изворотливый, скрывающий свои истинные намерения, идущий обманными путями; лукавый, обнаруживающий какой-нибудь скрытый умысел, намерение* [Ожегов 2010: 864]. В английском это “*cunning*” – *describes people who are clever at planning something so that they get what they want, especially by tricking other people, or things that are cleverly made for a particular purpose* [Cambridge] (описывает людей, которые достаточно умны, чтобы распланировать все так, чтобы добиться цели, перехитрив других; или же обставить все с умом с определенной целью). Женская хитрость представлена довольно большим количеством выражений в обоих языках:

у женщины больше хитростей, чем у самого черта [Мужчина-женщина];

лукавой бабы и в ступе не утолчешь [Даль 2002, Т. 1: 75];

an obedient wife commands her husband (покорная жена мужем командует (подразумевается женская хитрость в умении управлять мужчиной) [Christy 1998: 441];

(as) cunning, as a fox (хитрая, как лиса) [Шитова, Брусникина 2003: 57];

women are perfectly well aware, that the more they seem to obey the more they rule (J. Michelet) (женщинам хорошо известно, что чем

больше они создают вид, что подчиняются, тем больше они управляют) [Соловьева 2014: 346].

«Интеллект женщины – ее расточительность».

Данный тип соотношений представлен в количестве 12 единиц русского и 8 единиц английского языка. «*Расточительность*» как сущ. от прил. «*расточительный*» – *много и нецелесообразно тратящий, расходующий что-нибудь* [Ожегов 2010: 667]. Рассмотрим и английские понятия “*extravagance*” и “*wastefulness*” [Lingvo-Online]. “*Extravagance*” – *behaviour in which you spend more money than you need to; something expensive that you buy even though you do not need it* (поведение, когда вы тратите больше денег, чем нужно; что-то дорогое, что вы покупаете, даже если не нуждаетесь в этом) [Cambridge]. Именно расточительность издавна считалась типично женским пороком, что также, по нашему мнению, характеризует женский интеллект или ум как нерациональный. То есть женщине далеко до бережливости, экономии, она не думает о будущем:

бабы умы разоряют дома [Даль 2002, Т. 1: 75];

на женские прихоти не напасешься [Русский народ 2007: 73];

мужик того не выносит мешком, что баба растрясет рукавом [Даль 2002, Т. 1: 75];

женских прихотей не перечтешь [Русский народ 2007: 73];

children, chickens and women have never enough (детям, цыплятам и женщинам всегда мало) [American Proverbs 1998: 69];

women, priests and poultry have never enough (женщинам, священникам и домашней птице всегда мало) [Wisdom through the ages 2004: 44].

«Интеллект женщины – ее образованность».

Данный тип соотношений представлен в количестве 16 единиц русского и 19 единиц английского языка. «*Образованность*» как сущ. от прил. «*образованный*» – *получивший, имеющий образование, имеющий разносторонние знания* [Ожегов 2010: 436]. Lingvo-Online дает такие варианты: *education, erudition, learning, letter, scholarship* [Lingvo-Online]. Рассмотрим также “*education*” – *a process of teaching,*

training and learning, especially in schools or colleges, to improve knowledge and develop skills (процесс обучения, тренировки или получения знаний, особенно в школах или колледжах, чтобы улучшить знания и развить способности) [OALDCE 2004: 401]. “*Erudition*” – *great academic knowledge* (большое академическое знание) [OALDCE 2004: 424]. Само по себе образование представляется нам явлением положительным, но вот по сложившимся с давних времен стереотипам, оно женщине не нужно, а иногда даже вредно. В обоих языках устойчивые выражения показывают неодобрительное отношение к женской образованности:

умная жена, как нищему сума [БСРП Мокиенко 2010: 338];

умная женщина не менее притягательна, чем искусственный разум (Г. Малкин) [Соловьева 2014: 352];

a wise woman is twice a fool (мудрая женщина глупа вдвойне) [American Proverbs 1998: 85];

a morning sun, and a wine-bred child, and a Latin-bred woman, seldom end well (утреннее солнце, ребенок, воспитанный на вине и образованная женщина редко хорошо заканчивают) [Dictionary of proverbs 2005: 558];

a mule that whinnies and a woman that talks Latin never come to any good (мул, который ржет, и женщина, говорящая на латыни, никогда не придут ни к чему хорошему) [Sayings Usual and Unusual 2007: 84].

«Интеллект женщины – ее лживость».

Данный тип соотношений представлен в количестве 24 единиц русского и 23 единиц английского языка. По С.И. Ожегову, «*лживый*» – *склонный ко лжи, обману; или же содержащий ложь, обман; а также выражающий ложь, неискренний* [ТСО: 13170]. Английский термин “*falsity*” [Брас 2001, с. 271] – *the state of not being true or genuine* (не правдивость или подлинность) [OALDCE 2004: 455]. В исследовании, посвященном анализу психофизиологических и психосоциальных явлений, О.В. Барсукова приходит к выводу, что «*наиболее значимым фактором, влияющим на склонность ко лжи, является низкий показатель интеллекта*» [Барсукова 2012: 216-219]. Таким

образом, женская лживость также составляет общую картину о женском интеллекте:

у баб да у лукавых слезы готовы [БСРП Мокиенко 2010: 29];

и дура-жена мужу правды не скажет [БСРП Мокиенко 2010: 311];

кто бабе поверит, трех дней не проживет [Русский народ 2007: 4];

у лжи короткие ноги, но очень милое личико (М. Путинковский) [Соловьева 2014: 346];

women are deceptive (женщины обманчивы) [American Proverbs 1998: 85];

a woman's heart and her tongue are not relatives (сердце женщины и ее язык – не товарищи) [Dent 1984: 749];

when a woman is speaking, listen to what she says with her eyes (когда женщина говорит, слушай то, что она говорит глазами) [American Proverbs 1998: 89].

«Интеллект женщины – ее упрямство».

Данный тип соотношений представлен в количестве 13 единиц русского и 15 единиц английского языка. «Упрямство» С.И. Ожеговым определяется как *крайняя неуступчивость* [ТСО: 33276]. В англоязычном варианте “*obstinacy*” сущ. от прил. “*obstinate*” – *refusing to change your opinions, way of behaving, etc.* (отказ изменить свое мнение, поведение и т.д.) [OALDCE 2004: 875]. Женское упрямство также слыло типичной чертой женщины. С опорой на данные психо-социальных исследований, приведенных Л.А. Ясюковой, можно говорить о влиянии уровня интеллекта на данную черту характера. Ученый приходит к выводу, что «чем ниже уровень интеллекта и составляющих его когнитивных операций, тем выше честолюбие, эгоцентризм, упрямство...» [Ясюкова 2012]. По нашему мнению, данная семантическая группа выражений может рассматриваться как составляющая понятия «женский интеллект». Ведь наличие ума, рациональности не позволяет человеку слишком упрямствоваться, так, как это свойственно женскому полу:

женский обычай – не мытьем, так катаньем [БСРП Мокиенко 2010: 615];

с бабой не сговоришь [Русский народ 2007: 73];

бабу не переговоришь [Русский народ 2007: 73];

a woman does that which is forbidden her (женщина делает то, что ей запрещено) [Dent 1984: 746];

forbid a thing and that women will do (запрети что-либо, и женщины это непременно сделают) [Dent 1984: 746].

«Интеллект женщины – ее самодовольство».

Данный тип соотношений представлен в количестве 4 единиц русского и 4 единиц английского языка. Любование собой, в какой бы нелепой форме оно ни выражалось, свойственно женскому интеллекту. «Самодовольный», по С.И. Ожегову, – *полный довольства, любования самим собой, выражающий довольство собой* [ТСО: 27710]. “*Self-satisfaction*” [БРАС 2001, с. 562] словарем Oxford ALD 2004 определяется как производное от “*self-satisfied*” – *too pleased with yourself or your own achievements* (слишком довольный собой или своими собственными успехами) [OALDCE 2004, p. 1161]. Ученые-психологи говорят о наличии связей интеллекта с некими личностными характеристиками, такими, например, как самодовольство и самолюбование [Гуревич 1997], которые участвуют в формировании интеллектуального образа личности:

большинство людей любят лесть вследствие скромного мнения о себе, большинство женщин – по противоположной причине (Д. Свифт) [Ничипорович 1998: 729];

the wife that loves the looking-glass hates the saucepan (жена, которая любит зеркало, ненавидит кастрюлю) [Christy 1998: 449].

«Интеллект женщины – ее род занятий».

Данный тип соотношений представлен в количестве 17 единиц русского и 9 единиц английского языка. Отношение к женской работе ярко репрезентируется в пословичном и афористическом фондах:

бабы хоромы недолго живут [Даль 1996, Т. 1: 65];

house goes mad when women gad (дом сходит с ума, когда женщины шатаются без дела) [American Proverbs 1998: 89];

woman at her housework: that's what women are for (женщины созданы только для работы по дому) [American Proverbs 1998: 85].

«Интеллект женщины – ее глупость».

Данный тип соотношений представлен в количестве 178 единиц русского и 98 единиц английского языка. Самая большая по численности устойчивых единиц группа демонстрирует открытое принижение женского интеллекта:

курица не птица, а баба не человек [БСРП Мокиенко 2010: 65; Даль 2002, Т. 1: 75];

курицей родилась – уткой не станешь [Предки];

женщина что курица: дай пинка – и образумится [Пословицы про женщин];

бабе хоть кол на голове теши [БСРП Мокиенко 2010: 28; Русский народ 2007: 73];

хоть на голове-то густо, да в голове-то пусто [БСРП Мокиенко 2010: 189; Даль 2002, Т. 1: 344];

в долгом платье, да в коротком разуме [Даль 2002, Т. 1: 425];

кобыла не лошадь, баба не человек [БСРП Мокиенко 2010: 15; Русский народ 2007: 74; Даль 2002, Т. 1: 721];

у обыкновенной женщины ума столько, сколько у курицы, а у необыкновенной – сколько у двух (В.О. Ключевский) [Ильин 2010: 197];

недостаточную глубину мысли женщина восполняет иными причинами [Соловьева 2014: 352];

women, cows and hens should not run (женщины, коровы и куры не должны бегать) [DAP 1992: 915];

the wit of a woman is a great matter (остроумие женщины – большой вопрос) [Dictionary of proverbs 2005: 638];

keep the ladies busy and that keeps them out of mischief (займите чем-нибудь женщин, это убережет их от беды) [American Proverbs 1998: 84].

Следующие семантические соотношения несут положительную коннотацию:

«Интеллект женщины – ее интуиция».

Данный тип соотношений представлен в количестве 12 единиц русского и 11 единиц английского языка. «*Интуиция*» – *чутьё, тонкое понимание, проникновение в самую суть чего-нибудь; либо непосредственное, без обоснования доказательствами постижение истины* [Ожегов 2010: 250]. Андроцентричность, свойственная изучаемым выражениям, скорее, опирается на второе определение С.И. Ожегова, то есть женщины знают что-либо, но не могут объяснить, почему это так. Схожее определение дает нам и словарь Cambridge, где “*intuition*” определяется как *an ability to understand or know something immediately based on your feelings rather than facts* (способность понимать или знать что-либо, основываясь только на чувствах, а не фактах) [Cambridge]. Женская интуиция – это способность предчувствовать, предвидеть что-либо. Как следует из устойчивых выражений, интуиция женщины не приравнивается к ее уму, а является лишь положительной чертой женского интеллекта:

иной раз глупое слово женщины стоит мудрой проповеди имама [Раковский 1969: 210];

что мужчина не разрубит, то женщина распутает [Никитина];

девка ничего не знает, а все разумеет [БСРП Мокиенко 2010: 27; Даль 2002, Т. 1: 391];

серьезное преимущество женщины перед мужчиной – это инстинктивная способность ее часто быстро и бессознательно угадывать вещи, до которых мужчина доходит только после продолжительного глубокого размышления (Г. Лебон) [Борисов 2009: 35];

take the first advice of a woman and not the second (следуй первому совету женщины, но не второму) [Dent 1984: 748];

a woman's guess is much more accurate than a man's certainty (женская догадка более точна, нежели мужская уверенность) (R. Kirling) [Соловьева 2014: 348].

«Интеллект женщины – ее догадливость».

Данный тип соотношений представлен в количестве 8 единиц русского и 6 единиц английского языка. «Догадливость» как сущ. от прил. «догадливый» – *сообразительный, легко догадывающийся* [Ожегов 2010: 170]. В английском языке понятие представлено как «*shrewdness*» или «*acumen*» (проницательность) [Lingvo-Online]. «*Shrewdness*» происходит от «*shrewd*» – *having or based on a clear understanding and good judgment of a situation, resulting in an advantage* (основанный на ясном понимании и трезвом суждении о ситуации, что приводит к правильному результату) [Cambridge]; а “*acumen*” – *skill in making correct decisions and judgments in a particular subject, such as business or politics* (умение принять правильное решение и суждение в конкретной области, такой, как бизнес или политика) [Cambridge]. Данная семантическая группа представлена паремиями:

женский ум догадлив и на всякие хитрости повадлив, в то же время он разумен и спокоен и всяческой похвалы достоин [Никитина];

a woman's wit is a help (остроумие женщины – помощь) [Sayings usual and unusual 2007: 81].

«Интеллект женщины – ее цепкость».

Данный тип соотношений представлен в количестве 8 единиц русского и 5 единиц английского языка. «Цепкость» как сущ. от прил. «цепкий» – (перен.) *очень упорный, не отступающий от чего-н. намеченного* (разг.) [Ожегов 2010: 876]. Англоязычный термин “*tenacity*” (прям. и перен.) [Lingvo-Online] определяется как *the determination to continue what you are doing* (намерение продолжить то, что вы делаете) [Cambridge]. Мы недаром рассматриваем второе, или переносное значение, термина «цепкость», это цепкость ума, въедливость, что характерно для лиц женского пола:

женский ум ничего не упустит [Никитина],

женский ум – многодум, за всё возьмётся, нигде не споткнётся [Никитина].

у хорошей свекрови и сзади глаза [Гейвандов 1995: 151];

women will have the last word (за женщиной последнее слово) [Dictionary of proverbs 2005: 644].

«Интеллект женщины – ее разумность».

Данный тип соотношений представлен в 22 единицах русского языка. «Разумность» как сущ. от прил. «разумный» – *обладающий разумом; или же толковый, рассудительный; либо логичный, основанный на разуме, целесообразный* [Ожегов 2010: 655]. “Rationality” [Lingvo-Online] – сущ. от прил. “rational” – *showing clear thought or reason* (выражение ясной мысли или логики) [Cambridge]. Данная семантическая группа представлена только русскоязычными примерами:

женский разум ясен, для кривды опасен [Никитина];

жены разумливой совета не убегай, ее слово смысленно сам выспрашивай [Никитина].

«Интеллект женщины – ее мудрость».

Данный тип соотношений представлен в 21 единице русского и 19 единицах английского языка. По С.И. Ожегову, «мудрость» – это *глубокий ум, опирающийся на жизненный опыт* [Ожегов 2010: 369]. А англоязычный термин “wisdom” определяется как *the ability to make sensible decisions and give good advice because of the experience and knowledge that you have* (способность принимать разумные решения, давать хорошие советы исходя из вашего опыта и знаний) [OALDCE 2004: 1485]. Как видим, определения схожи в обоих языках. То есть женская мудрость – это опыт, знания, рационализм. Данная семантическая группа в большей степени представлена русскими пословицами, нежели английскими.

мужскому уму до женской мудрости не дотянуться: она всеохватна [Никитина];

женская мудрость – уму вершина [Никитина];

женский сказ и мудрый сказ – лучший указ [Никитина];

три матери у земли русской: одна бежит – то Волга, другая стоит – то Москва, а третья летит – то мудрость женская [Никитина];

у парня догадка, у девки смысл [БСРП Мокиенко 2010: 240; Даль 2002, Т. 1: 415];

women in mischief are wiser than men (женщины в беде более мудры, чем мужчины) [Dictionary of proverbs 2005: 644; Sayings usual and unusual 2007: 276];

a woman has an eye more than a man (женский глаз шире мужского) [Sayings Usual and Unusual 2007: 92].

«Интеллект женщины – ее добродетель».

Данный тип соотношений представлен в количестве 7 единиц русского и 4 единиц английского языка. «Добродетель» С.И. Ожеговым определяется как *положительное нравственное качество, высокая нравственность* [Ожегов 2010: 368]. Английское “*virtue*” понимается как *behaviour or attitudes that show high moral standards* (поведение или отношение, которое показывает высокие моральные принципы) [OALDCE 2004: 1445]:

добрая кума прибавит ума [БСРП Мокиенко 2010: 460];

женская душа, что солнце – всех обогреет [Соловьева 2014: 334];

a fair woman without virtue is like palled wine (справедливая женщина без добродетели походит на подпорченное вино) [Sayings Usual and Unusual 2007: 93];

the best furniture in the house is a virtuous woman (лучший атрибут в доме – добродетельная женщина) [Christy 1998: 448].

В процентном соотношении представленная информация отображается в таблице (Таблица 2, с. 90–91).

Таблица 2

Низкий уровень интеллекта (глупость)					Высокий уровень интеллекта (ум)				
Тип соотношений	Кол-во примеров в русском	Частотность %	Кол-во примеров в английском	Частотность %	Тип соотношений	Кол-во примеров в русском	Частотность %	Кол-во примеров в английском	Частотность %
«Интеллект женщины – ее красота»	58	9,7	19	3,8	«Интеллект женщины – ее интуиция»	12	2	11	2,2
«Интеллект женщины – ее непостоянство, изменчивость»	23	3,8	42	8,4	«Интеллект женщины – ее догадливость»	8	1,3	6	1,2
«Интеллект женщины – нелогичность ее размышлений».	29	4,8	32	6,4	«Интеллект женщины – ее цепкость»	8	1,3	5	1
«Интеллект женщины – ее загадочность»	11	1,8	11	2,2	«Интеллект женщины – ее разумность»	22	3,7	-	-
«Интеллект женщины – ее эмоциональность»	18	3	11	2,2	«Интеллект женщины – ее мудрость»	21	3,5	19	3,8
«Интеллект женщины – ее неадекватное поведение»	21	3,5	27	5,4	«Интеллект женщины – ее добродетель»	7	1,2	4	0,8
«Интеллект женщины – ее инфантильность»	4	0,7	10	2					
«Интеллект женщины – ее несдержанность (болтливость)»	67	11,2	107	21,4					

«Интеллект женщины – ее изворотливость»	8	1,3	7	1,4		
«Интеллект женщины – ее хитрость»	19	3,2	13	2,6		
«Интеллект женщины – ее расточительность»	12	2	8	1,6		
«Интеллект женщины – ее образованность»	16	2,7	19	3,8		
«Интеллект женщины – ее лживость»	24	4	23	4,6		
«Интеллект женщины – ее упрямство»	13	2,2	15	3		
«Интеллект женщины – ее самодовольство»	4	0,7	4	0,8		
«Интеллект женщины – ее род занятий»	17	2,8	9	1,8		
«Интеллект женщины – ее глупость»	178	29,7	98	19,6		

Как видим, проанализированный материал показал явное преобладание групп семантических соотношений, указывающих на низкий уровень интеллекта у женщин либо высмеивающих женский ум, к коим относятся красота, непостоянство, изменчивость, нелогичность, загадочность, эмоциональность, неадекватность, инфантильность, несдержанность, изворотливость, хитрость, расточительность, образованность, лживость, упрямство, самодовольство, отношение к женской работе, а также глупость. На высокий уровень женского

интеллекта указывает довольно скромное количество групп соотношений, к которым мы отнесли: интуицию, догадливость, цепкость, разумность, мудрость, добродетель.

В современном мире, хотя ранее это тоже было заметно, преобладает все же негативная оценка образа женщины в целом, а именно женского интеллекта. Корни данного видения, скорее всего, уходят еще в мифологию, где говорится, что женщина была создана из ребра мужчины (Адам и Ева): *от нашего ребра нам не ждать добра* [Даль 1996, Т. 1: 67]. Естественно, женский ум не может быть шире и даже соизмерим с мужским. Женский интеллект как бы противопоставляется мужскому, считается слабым, недоразвитым, несоответствующим нормальному человеческому, а то и вообще женский пол обвиняют в его отсутствии. «Глупость» по определению свойственна женщинам, не мужчинам. Такое ироничное отношение используется в обозначении интеллектуальных способностей женщины. Эталоном нелогичности мышления можно назвать сочетание “*a woman’s reason*” (экв. женская логика) [Кормильцева 2013: 60].

В разделе монографии В.Н. Телия (1996), посвященном отражению культурного концепта *женщина* в русской фразеологии, заключается: «*в русском обыденном сознании женский интеллект служит своего рода образцом ума неразвитого, необъемного. На этом фоне явно просматривается культурно-национальная трактовка всех выражений: "женский ум - ум инфантильный". Это, являясь стержнем обыденного менталитета, впитывается с молоком матери вместе с усвоением языка и живет в самосознании народа – носителя языка и культуры как доминанта национальной самоидентификации*» [В.Н. Телия, с. 267–268].

С одной стороны, интеллект женщины представлен через призму андроцентричного восприятия как ущербный; оценка умственных способностей женщины явно отрицательная:

в долгом платье, да в коротком разуме [Даль 2002, Т. 1: 425];
и баба смекает, что ребенка качает [Даль 2002, Т. 2: 515];

сердилась баба на торг, а торг про то и не ведал [БСРП Мокиенко 2010: 243; Даль 2001, Т. 1: 75];

a woman is a weaker vessel (женщина – слабый пол) [Preaching proverbs 1996: 89];

what a woman has to say above a whisper isn't worth listening to (то, что женщина сказала не шепотом – не заслуживает внимания) [Sayings usual and unusual 2007: 85].

Это объясняется в афоризме: «*так как писать умели главным образом мужчины, все несчастья на свете были приписаны женщинам*» (С. Джонсон) [Душенко 2001: 254].

С другой стороны, можно встретить немало единиц, положительно оценивающих женскую интуицию:

a woman's advice is no great thing, but he who won't take it is a fool (женский совет не очень значимая вещь, но тот, кто не воспользуется им, дурак) [Grammar matters 1998: 4];

a woman has an eye more than a man (женский глаз шире мужского) [Sayings Usual and Unusual 2007: 92];

the conversation of a woman is worth all the libraries of the world (женская речь стоит всех библиотек мира) [American Proverbs 1998: 88];

take the first advice of a woman and not the second (воспользуйся первым советом женщины, но не вторым) [Dent 1984: 748].

Последняя пословица имплицитно подразумевает некоторую ценность именно интуиции, конечно, и ущербность женского интеллекта, так как основанный на размышлениях совет не принесет ничего хорошего. Также и образование женщине не только не нужно, но может быть и вредно:

a wise woman is twice a fool (мудрая женщина глупа вдвойне) [American proverbs 1998: 85].

А «женский ум, даже если он есть, – явление нетипичное и, видимо, нежелательное» [Телия 1996: 118]: *слава Богу, что Он создал Еву не из мозговой косточки* (Г. Малкин) [Соловьева 2014: 352].

2.1.3. Ментальные признаки устойчивых выражений, обозначающих женский интеллект

Человек, его личность, внутренний мир и интеллектуальные свойства находятся в центре внимания всех гуманитарных наук, в том числе и лингвистики уже достаточно долгое время. Подробно освещаются концепты, представляющие интеллектуальную сферу человека («ум», «глупость», наиболее общее понятие, включающее различные признаки «интеллект»).

Вопрос об интеллекте и умственных способностях женщины на протяжении многих лет занимает представителей различных сфер: психологов, философов, лингвистов. Достаточно интересными темами для познания являются женская логика, соотношение красоты и ума, отличие мужского ума от женского и др.

В одной из своих последних работ А.М. Червонный выделяет некоторые семантические отношения, лежащие в основе внутренней формы фразеологизмов, среди которых нам интересно соотношение *«половая принадлежность – уровень интеллекта»* [Червонный 2014: 197]. Женщина как субъект мыслительной и интеллектуальной деятельности имеет как позитивную, так и негативную оценку.

О.Ю. Шишигина в своей работе «Объективация концепта «женщина» в английской фразеологии» заключает: *«Концепту «женщина», существующему в англоязычном сознании и культуре, присущи ментальные признаки, вербализируемые фразеологическими единицами, а именно: собственно ментальный признак «ум» и ментально отрицательный признак «глупость»* [Шишигина 2003: 73]. Мы же, исследуя устойчивые выражения английского и русского языков, демонстрирующие наличие либо отсутствие женского ума, можем взять за основу те же ментальные признаки с положительной и отрицательной коннотацией «ум / wit» и «глупость / stupidity».

Понятие «ментальный» представлено в словаре С.И. Ожегова как *«относящийся к уму, к умственной деятельности»* [Ожегов 2010: 568]. С точки зрения Л.Н. Пушкарева, «ментальность» можно

рассматривать как «*признак мыслящего человека, характерный для данного лица (коллектива)*» [Пушкарев 1995: 158]. Следовательно, под ментальным признаком мы понимаем признаки ума или глупости, вербализуемые устойчивыми выражениями. Подробнее ментальные признаки концептов внутреннего мира человека описывает М.В. Пименова. К ментальным признакам «внутреннего человека» автор относит «мышление», «мудрость», «просвещение» [Пименова 2001].

Собственно ментальный признак «ум / wit» крайне бедно представлен как в английской, так и в русской фразеологии и паремиологии. Примерами данного ментального признака в русском языке могут служить устойчивые выражения типа:

без мужа – как без рук, без жены – что без ума [Никитина];

женский ум стоит многих дум [там же];

женский ум – смел, остер, да на выдумку хитер [там же];

женский ум – многодум, за все возьмется, нигде не споткнется [там же];

женская мудрость – уму вершина [там же];

мужскому уму до женской мудрости не дотянуться: она всеохватна [там же];

женский совет на все ответ [там же];

женский ум ничего не упустит [там же];

женская мудрость всему опора [там же].

В английском же языке наблюдается значительно меньшее количество устойчивых выражений со значением «умная женщина / clever woman». Здесь можно выделить несколько примеров из пословичного и фразеологического фонда:

the conversation of a woman is worth all the libraries of the world (женский разговор стоит всех библиотек мира) [American Proverbs 1998: 88];

the level of the woman is the level of the world (уровень женщины – уровень мира) [American Proverbs 1998: 107];

a good wife makes a good husband (у хорошей жены и муж молодец) [Мититна 2003: 11];

behind every great man there's a great woman (за каждым великим мужчиной стоит великая женщина) [American Proverbs 1998: 83].

Однако они, скорее, показывают превосходство женского ума над мужским, подчинение мужчин женскому влиянию либо их альянс. А вот выражения *blue stocking* (синий чулок) и *woman of the world* (женщина мира) можно рассматривать именно в этом аспекте.

Во фразеологическом словаре Е.Ф. Арсентьевой (1999) «синий чулок» (пренебр., презр.) представлен как полный семантико-синтаксический эквивалент “*blue stocking*” [Арсентьева 1999: 308]. Выражение означает мужской склад ума, безразличие к тому, чем живут женщины.

Значение данного фразеологизма в разных словарях определяется по-разному. Например, Webster's Third New International Dictionary of the English Language Unabridged (1986) дает следующее определение *blue stocking* – это “*a woman having or pretending to have intellectual interests or literary tastes*” (женщина, имеющая литературные или интеллектуальные интересы либо кажущаяся такой) [WTNIDELU 1986: 242]. Схожее определение можно встретить в словаре The New Penguin English Dictionary (2000): “*a woman with intellectual or literary interests*” (женщина, имеющая интеллектуальные либо литературные интересы) [NPED 2000: 147]. В середине XVIII века некоторые женщины – члены лондонского литературного салона носили синие шерстяные чулки вместо черных шелковых. Так первоначально возник и вошел в употребление фразеологизм *bluestocking ladies* [NPED 2000: 147] «женщины – синий чулок». Считалось, что «всякая ученость противоречит женской природе и потому лишает женщину женственности» [Васюк 2002: 95], поэтому отношение к такой женщине в обществе было несерьезным, снисходительным, ироничным, а иногда даже отрицательным. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English (2004) так же отражает данный стереотип в определении *blue stocking* как “*a well-educated woman who is more interested in ideas and studying than in traditionally feminine things*” [OALDCE 2004: 123] (хорошо образованная женщина, более заинтересованная

в образовании, нежели в традиционно женских вещах). То есть это лишний раз подтверждает то, что образованность женщины издавна воспринималась неодобрительно. В разделе монографии В.Н. Телия (1996), посвященном отражению культурного концепта *женщина* в русской фразеологии, замечается «*женский ум, даже если он есть, – явление нетипичное и, видимо, нежелательное*» [Телия 1996: 118]. Примерами упомянутого стереотипа также могут служить следующие устойчивые выражения:

грамотницу взять – станет праздники разбирать, умную взять – не даст слова сказать [Даль 1996, Т. 1: 93];

a wise woman is twice a fool (умная женщина глупа вдвойне) [American Proverbs 1998: 85];

a morning sun, and a wine-bred child, and a Latin-bred woman, seldom end well (утреннее солнце, ребенок, воспитанный на вине, и образованная женщина редко хорошо заканчивают) [Dictionary of proverbs 2005: 558].

Определение «*синего чулка*» словаря Longman Dictionary of English Language and Culture (2003) тоже свидетельствует о «нетипичности» и «нежелательности» женского ума: “*a woman who is thought to be too highly educated*” (женщина, считающаяся слишком высоко образованной) [LDELС 2003: 128].

Интересно взглянуть и на восприятие женского ума самими женщинами. В работе А.В. Артемовой, например, замечено: «*Сами женщины ... стараются не показывать излишней учености, т.к. это неофициально считается дурным тоном, а типичным и предпочтительным для женщины считается чтение женских романов, просмотр женских фильмов (мелодрам) и другой низкопробной продукции*» [Артемова 2000: 136].

Следующее выражение *a woman of the world* (светская дама, женщина, знающая людей и жизнь) [Кунин 2005: 830] положительно характеризует женский интеллект, указывает на умственную состоятельность референта с позиции опыта, знаний, разумности. Longman Dictionary of English Language and Culture (2003) определяет *a woman*

of the world как “*an experienced woman who knows how people behave*” (опытная женщина, знающая людей) [LDELC 2003: 1535]. В словаре Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English (2004) *a woman of the world* значится как “*one with experience of society, not young and innocent*” (знающая людей, не молодая и не наивная) [OALDCE 2004: 486]. Это подтверждает тот факт, что для носителей английского менталитета *a woman of the world* – это женщина рациональная, знающая, опытная. Но стоит заметить, что рассматривается признак «ум» не как постоянное свойство, а как приобретенное с годами, опытом, возрастом. Это, скорее, более схоже с мудростью, нежели с умом. Этот факт находит подтверждение в определении, данном Cambridge International Dictionary of Idioms (2002) – “*someone who has a lot of experience of life, and is not usually shocked by the way people behave*” (имеющий большой жизненный опыт и не удивляющийся поведению людей) [CIDI 2002: 433].

Также рассмотрим ряд дополнительных семантических признаков (семантические группы описаны нами выше), вербализирующих признак «ум / wit» в составе устойчивых выражений, кодирующих женский интеллект:

интуиция: *девка ничего не знает, а все разумеет* [Никитина]; *что мужчина не разрубит, то женщина распутает* [там же]; *take the first advice of a woman and not the second* (следуй первому совету женщины, но не второму) [Dent 1984: 748].

догадливость: *женский ум догадлив и на всякие хитрости повадлив, в то же время он разумен и спокоен и всяческой похвалы достоин* [Никитина]; *женская догадка обладает большей точностью, чем мужская уверенность* [Ничипорович 1998: 727]; *women’s instinct is often truer than men’s reasoning* (женский инстинкт иногда правдивее мужской уверенности) [Fergusson 1995: 265].

цепкость: *женский ум ничего не упустит* [Никитина]; *женский ум – многодум, за всё возьмётся, нигде не споткнётся* [там же]; *women will have the last word* (за женщиной последнее слово) [Dictionary of proverbs 2005: 644].

разумливость: *русская жена – она разумливая, да на доброе дело сметливая* [Никитина]; *женская разумливость не горда, а тиха, но защитит от всякого лиха* [там же]; *a woman's wit is a help* (разум женщины – помощь) [Sayings usual and unusual 2007: 81].

прозорливость (присутствует только в русскоязычных примерах): *у хорошей (лихой) свекрови и сзади глаза* [Никитина].

невозможность существования мужского ума без женского: *как ни велик мужской ум, а без женского он останется половинчатым* [Никитина]; *the wife is the key to the house* (жена – ключ к дому) [Fergusson 1995: 157]; *a woman has an eye more than a man* (женский глаз шире мужского) [Sayings Usual and Unusual 2007: 92].

мудрость: *мужскому уму до женской мудрости не дотянуться: она всеохватна* [Никитина]; *кум говорит наобум, а кума – бери на ум* [там же]; *женский ум лучше всяких дум* [там же]; *утро вечера мудренее, жена мужа удалее* [там же]; *у парня догадка, у девки смысл* [там же]; *a wise woman is one who has a great deal to say and remains silent* (мудрая женщина предпочитает молчать, даже если ей есть, что сказать) [Dictionary of proverbs 2005: 117]; *an obedient wife commands her husband* (послушная жена мужем командует) [Christy 1998: 441].

Получается, что в само понятие «женский ум / woman's wit» не входит такой признак, как «интеллект / intelligence», а входит ряд сочетаемостных признаков, таких как мудрость / wisdom, интуиция / intuition, догадливость / shrewdness и др. Под «сочетаемостью» вслед за В.Г. Гаком мы понимаем «свойство языковых единиц сочетаться при образовании единиц более высокого уровня» [Гак 1990: 483]. Так, В.В. Морковкин определяет семантическую сочетаемость как «сочетаемость, задаваемую указанием на сему, которая должна присутствовать в значении всех слов, заполняющих соответствующую синтактико-семантическую позицию» [Морковкин 1990: 24].

Мудрость по С.И. Ожегову означает «глубокий ум, опирающийся на жизненный опыт» [Ожегов 2010: 369], что и подтверждает наше заключение о том, что признаки повышенного интеллекта появляются у женщины с возрастом. Мудрый – обладающий большим умом

либо основанный на больших знаниях, опыте [Ожегов 2010: 369].
Синонимы: (разг.); премудрость (разг. ирон.); умственность (прост. ирон.) [Александрова 1986: 232]. Хотя словарь синонимов и антонимов Д. Девлина в качестве синонимов к понятию “wise” предлагает *intelligent, rational, sensible* [Девлин 2002: 479].

Ментальный признак «глупость / stupidity» (определение дано выше) с отрицательной коннотацией встречается намного чаще в устойчивых выражениях и английского, и русского языков:

кругла лицом как глупая луна [Бирих 1999: 351];

глупая как Варламова ослица прост. [Бирих 2005: 502];

глупа как гусыня [Квеселевич 2000: 24; Шадрин 2003: 31];

six hour's sleep for a man, seven for a woman, and eight for a fool (шесть часов сна человеку, семь – женщине, и восемь – дураку) [Sayings usual and unusual 2007: 97];

a woman's thoughts are afterthoughts (мысли женщины – запоздалые мысли) [там же: 94].

Данный признак актуализируется в устойчивых выражениях прежде всего путем сочетания собственно половых признаков («лицо женского пола» или «женское имя собственное») и ментально отрицательных признаков («глупый – dumb, dizzy», «инфантильный – infantile», «легкомысленный – scatter-brained»): *бесплодная Арина* (*Арина бесплодная*), диал. [Бирих 1999: 32]; *dumb Dora*, амер. (немая Дора) [Кунин 1984: 223]; *giddy Gertie* (легкомысленная Герт) [там же: 314].

Также существует ряд дополнительных семантических признаков, вербализирующих признак «глупость / stupidity» в составе устойчивых выражений, кодирующих женский интеллект. К семантическим признакам, формирующим образ глупой женщины, можно отнести:

непостоянство, изменчивость: *женские умы – что татарские сумы* [Даль 2002, Т. 2: 843]; *перекати-поле – бабий ум* [Даль 2002, Т. 2: 49; Русский народ 2007: 73]; *у бабы семь пятниц на неделе* [Русский народ 2007: 73]; *пока баба с печи летит, семьдесят семь дум*

передумает [Даль 1996, Т. 1: 66; Русский народ 2007: 73]; *женщина – или греза, или кошмар: и в обоих случаях она изменчива* [Шевляков 1999: 346]; *women are as fickle as April weather* (женщины переменчивы, как апрельская погода) [American proverbs 1998: 95; DAP 1992: 912]; *women like winds are very mutable* (женщины, что ветер, переменчивы) [Browning 1952: 444]; *women, wind and fortune soon change* (женщины, ветер и удача скоро меняются) [Wisdom through the ages 2004: 42].

нелогичность размышлений: *стели бабе вдоль, она меряет поперек* [Даль 1996, Т. 1: 65]; *меж бабьим «да» и «нет» не проденешь иголки* [Даль 1996, Т. 1: 64]; *женщин трудно убедить в чем-нибудь: надобно их довести до того, чтобы они убедили себя сами* [Шевляков 1999: 202]; *a woman will refuse and then accept* (женщина откажет, и тут же согласится) [American proverbs 1998: 78]; *women forgive injuries but never forget slights* (женщины прощают сильные обиды, но никогда не забывают пренебрежение) [DAP 1992: 358]; *because is a woman's reason* (потому, что женская логика) [Fergusson 1995: 264].

излишняя эмоциональность: *женский обычай – слезами беде помогать* [БСРП Мокиенко 2010: 2001]; *женское сердце что котел кипит* [Даль 1996, Т. 1: 67]; *a woman laughs when she can and weeps when she pleases* (женщина смеется, когда может, и плачет, когда ей вздумается) [Browning 1952: 482].

неадекватность: *одна врала, другая не разобрала, третья по-своему переврала* [БСРП Мокиенко 2010: 162]; *ехала кума, да неведомо куда* [там же: 61]; *добрая кума живет и без ума* [там же: 61]; *tell a woman she is fair, and she will soon turn a fool* (скажите женщине, что она права, и вскоре она поглупеет) [УАРС: 2371251].

недоразвитость ума: *куриные мозги* [ФСРЛЯ 1995: 301]; *woman's mind is the infantile mind* (женский ум – ум инфантильный) [УАРС: 1370757].

слабоумие (тупоумие): *волос долог, да ум короток* [Даль 1996, Т. 1: 64]; *курица не птица, а баба не человек* [там же: 66]; *бабе хоть кол на голове теши* [БСРП Мокиенко 2010: 28; Русский народ

2007: 73]; *when an ass climbs a ladder, we may find wisdom in a woman* (когда осел поднимется вверх по лестнице, мы можем найти мудрость в женщине) [Christy 1998: 497]; *long of hair and short of brains* (волос долог, да ум короток) [БРАФС: 15454]; *the wit of a woman is a great matter* (остроумие женщины – большой вопрос) [Dictionary of proverbs 2005: 638].

упрямство: *мужик тянет в одну сторону, баба в другую* [Даль 1996, Т. 1: 65]; *forbid a thing and that women will do* (запрети что-либо, и женщины это сделают) [Dent 1984: 746]; *he that has a wife has a master* (тот, у кого есть жена, имеет наставника) [Christy 1998: 443].

несдержанность, неумение хранить тайны: *скажешь курице (бабе), а она всей улице* [БСРП Мокиенко 2010: 66]; *не ждет баба спроса, сама все скажет* [Даль 2002, Т. 1: 1276]; *что вода в решете* [Даль 2002, Т. 2: 524]; *базарная баба* [Арсентьева 1999: 13]; *бабий язык, куда ни завались, достанет* [Даль 1996, Т. 1: 65]; *women and sparrows twitter in company* (женщины и воробьи чирикают в компании) [Sayings Usual and Unusual 2007: 276]; *the trouble with her is that she lacks the power of speech but not the power of conversation* (проблема с ней состоит в том, что она испытывает недостаток в речи, но не в разговоре) [The Guinness Book of Poisonous Quotes 1993: 331].

бестолковость: *Маланьины (Афросиньины) сборы (или счеты, т. е. бестолковые), Маланьиная свадьба* [Надель-Червинская 2011: 68]; *generally speaking woman is generally speaking* (в общем говоря, женщины – в общем говоря) [American Proverbs, p.88].

Рассмотрим также сочетание ментально отрицательного признака «глупость / stupidity» и эстетического признака «красота / beauty», совместно вербализирующих понятие о женском интеллекте. Упомянутые признаки подробно рассматриваются в разделах 2.3.1 и 3.3.1 диссертационного исследования О.Ю. Шишигиной (на материале англ. языка) (Шишигина 2003).

Считается, что ум и красота в женщине несовместимы. Данное представление давно стало стереотипным и находит отражение в пословичном, фразеологическом, паремиологическом фондах различ-

ных языков: *красота без разума пуста* [Никитина]; *красна пава пером, а жена – умом* [там же]; *красота – до венца, а ум – до конца* [БСРП Мокиенко 2010: 50]; *собой-то краля, а умом-то фаля* [Даль 2002, Т. 2: 1099]; *beauty and folly are old companions* (красота и безумие – старые товарищи) [Sayings Usual and Unusual 2007: 49; Wisdom through the ages 2004: 32] (см. также: Кирилина 1999: 117; Телия 1996: 267). В таких качествах, как женский интеллект и красота, привычно видеть что-то взаимоисключающее, противоречащее друг другу. Недаром героиней бесчисленных анекдотов является «*блондинка*» – олицетворение женственности, красоты и при этом ужасной глупости. Обозначение «неумных женщин» «*блондинками*» [Арсентьева 1999: 16] характерно только для русского языка и несет в себе исторически заложенный код «недостатка ума», можно сказать, сложившийся стереотип.

Рассматриваемый нами признак «глупость / stupidity» также переносится и на женскую деятельность. Так, атрибуты женского труда получают отрицательную трактовку вследствие переноса на них характерологических свойств женского интеллекта: *бабьи хоромы недолго живут* [Даль 1996, Т. 1: 65]; *бабий ум – бабье коромысло: и криво, и зарубисто, и на оба конца* [там же]. По мнению А.В. Кирилиной, «*женщины и женская деятельность противопоставлены мужчинам и мужской деятельности как правильное и неправильное. Оппозиция “правое – левое” как “правильное и неправильное”, “норма и отклонение”, свойственная многим культурам, явственно прослеживается и в русской паремиологии. Основная сема здесь – нелепость, неправильность женского поведения: мужичий ум говорит: надо; бабий ум говорит: хочу*» [Кирилина 1999: 105–162]. А.В. Кирилина даже вычленила модель: «*мужчина / муж совершает действие А, баба / жена совершает действие Б, где А – важное или тяжелое дело, Б – действие или реакция, не соответствующая или прямо противоположная А: Флор плачет, а жена скачет, муж по дрова, а жена со двора*» [там же], хотя в большинстве случаев обозначение умственных свойств личности вовсе не является гендерно

маркированным и обозначает ум человека вообще, независимо от его пола: *дурья голова* [ФСРЛЯ 1995: 117]; *как пробка* [там же: 95]; *as stupid as a pig* (тупая, как свинья) [Квеселевич 2000: 50]; *as light as a butterfly* (легкомысленная, как бабочка) [Кунин 1984: 117].

Таким образом, можно говорить о достаточном разнообразии в выборе сочетаемых признаков при актуализации признака «глупость» в устойчивых выражениях, обозначающих женский интеллект.

Проанализировав устойчивые выражения, содержащие ментальные признаки «ум» и «глупость», можно заключить:

- женщинам имплицитно неспособность мыслить рационально, логически;
- признак «ум / wit» реализуется через сочетаемые признаки «интуиция / intuition», «инстинкт / instinct», «мудрость / wisdom», «догадливость / shrewdness», а не «интеллект / intellect»;
- наличие «женского ума» неженственно и нетипично;
- выражения, говорящие о наличии женского ума, не всегда несут в себе положительную оценку данного явления (*blue stocking*);
- рассматривается признак «ум / wit» не как постоянное свойство, а как приобретенное с годами, опытом, возрастом;
- выражения, непосредственно обозначающие интеллект женщины, отражают преимущественно отрицательные черты женского ума и те умственные качества, которые традиционно считаются типично женскими (легкомысленность, инфантильность, импульсивность): *глупа как гусыня* [Квеселевич 2000: 24; Шадрин 2003: 31]; *дура душой* [Бирих 1996: 62];
- выбор сочетаемых признаков при актуализации признака «глупость / stupidity» достаточно разнообразен.

2.2. Оценка как компонент семантики устойчивых выражений русского и английского языков, обозначающих женский интеллект

Оценка в языке является собой универсальную категорию, которая прослеживается абсолютно в любом языковом сообществе. Изучением оценочных явлений в языке занимались такие ученые, как Е. Вольф, А.В. Кунин, В.Н. Телия, Н.Д. Арутюнова, В.И. Шаховский, Е.Ф. Арсентьева, С.Г. Воркачев и др. Актуальность изучения категории оценки в языке диктуется стремительно развивающимися когнитивными исследованиями и их внедрением в лингвистическую теорию. С этой точки зрения значимым является выявление накопленных человеком знаний об окружающем мире, которые, несомненно, несут в себе оценочный компонент.

В языковой действительности зачастую отражено равнодушие говорящих к окружающему миру, различным явлениям, а также к самим себе. Это, скорее всего, объясняется соизмерением действительности с идеалом, стремление к нему всего человечества. Интеллектуальный образ женщины отражен в речевых произведениях – высказываниях, паремиях, фразеологизмах, среди которых преобладают оценочные. Это значит, что носители русской и английской ментальности рассматривают интеллект как важнейшую ценность, соизмеримую с целостным человеком.

Человек сам создает оценки, как бы накладывает какие-либо штампы на все то, что познает. На субъективно-ценностный характер оценочного компонента указывают такие ученые, как В.Н. Телия (1990), Н.Д. Арутюнова (1988), А.В. Кунин (1986) и др. Оценочный характер человеческого познания подчеркивается Е.М. Вольфом (2006), Т.В. Маркеловой (1994), М.В. Пименовой (1997) и др.

По мнению Л.Б. Никитиной, оценка человека вообще производится высказываниями различных речевых жанров, среди которых выделяются собственно оценочные: одобрение или порицание, и те,

которые сочетают оценку с другими целями говорящего, например, портретирование, сентенция [Никитина 2003: 43-50].

Оценка возникает при познании индивидом окружающего мира, явлений, самого себя. Все, что познается, получает какую-либо оценку. Человек создает подобным образом некие стереотипы, разделяя весь полученный им опыт на «плохое», «хорошее», зачастую «непонятное», и, следовательно, не получающее такой категорической рамки. На создаваемую оценку могут оказывать влияние различные факторы, начиная с физических и психических особенностей, жизненных условий и заканчивая различного рода воззрениями индивида.

В данной части работы мы попытаемся рассмотреть оценочно-семантические особенности устойчивых выражений английского и русского языков, репрезентирующих женский интеллект, а также определить степень представленности категории оценки в значении упомянутых устойчивых выражений.

Устойчивые выражения: фразеологизмы, паремии и афоризмы – являются частью сферы «человеческой семантики». Значения их связаны с человеком, его отношением к окружающему миру, восприятием действительности. При сопоставлении фразеологических и паремиологических концептов русского и английского языков выявляется множество схожих черт, что является отражением мыслительной и когнитивной деятельности человека, начиная со времен далекого прошлого. Устойчивые выражения, обозначающие интеллектуальные способности лиц женского пола, образно выказывают положительное либо отрицательное отношение говорящего к действительности и, так или иначе, содержат в себе компонент оценки. З.Д. Попова и И.А. Стернин подчеркивают: *«Оценка непосредственно отражает общую систему объективных и субъективных ценностей, закрепленных в картине мира человека»* [Попова, Стернин 2007: 78].

Язык является не только средством выражения действительности, но и носителем общественно-бытового сознания – своего рода аналога сознания, формализованного в знаковой системе [Телия 1981: 94]. Способность человека формировать свое отношение

к окружающей действительности прежде всего отражается в языке на его фразеологическом уровне. В отличие от слова, в значении которого первостепенную важность представляет функция наименования, для фразеологических единиц, прежде всего, характерно оценочное значение [Алехина 1979: 6]. Так, фразеологический корпус отличается от лексического большей степенью проявления эмоциональной окраски, оценочной характеристики, яркости и образности. Е.Ф. Арсентьева замечает: «*Во фразеологизмах объективная реальность раскрывается во взаимосвязи чувственного и рационального, логических форм мышления и эмоционального восприятия действительности*» [Арсентьева 1993: 49].

Семантика фразеологизмов, паремий и афоризмов, обозначающих интеллектуальные особенности лиц женского пола, весьма обширна и разнообразна. Анализируемые примеры характеризуют яркую палитру сложного внутреннего мира человека. К примеру, яркая образность наблюдается при выражении отрицательной либо положительной оценки женского интеллекта во фразеологизмах типа: *куриные мозги* [ФСРЛЯ 1995: 301]; *женская логика* [Телия 1996: 267]; *бабье сословие* [Лапшина 2008: 15]; *Арина бесплоденная* [Бирях 1999: 32]; *a woman's reason* (женская логика) [Fergusson 1995: 264; Sayings Usual and Unusual 2007: 17]; *Dumb Dora* (немая Дора) [Кунин 1984: 223].

Если попытаться воссоздать цепочку формирования оценки, то получится примерно так: человек (существо, обладающее какими-либо свойствами, пристрастиями, воззрениями) дает какую-либо характеристику познаваемому объекту (явлению, поступку и т. п.). Таким образом возникают оценки: «*положительные (мелиоративные), отрицательные (пейоративные) и нейтральные (ситуативные)*» [Алдаибани 2003: 20–21], «*в основе которых лежат осуждение, одобрение или отсутствие ярко выраженных одобрения или осуждения*» [Арсентьева 1998: 5]. Хотя, стоит заметить, что сложившиеся оценки могут изменяться под воздействием временных, социальных и других видов изменений.

Объектом эмоционально-оценочного отношения могут служить любые предметы, факты либо явления окружающей среды, все, что непосредственно связано с человеком и его жизнедеятельностью. В основном, оценку получает сам человек, его характер, внешность, поведение, образ жизни и интеллект. Ум – одно из главных внутренних качеств, по которым оценивается человек. Недаром мы говорим, что по одежке встречают, по уму провожают. В основу образности для отрицательной оценки скорее ложится негативный образ, например, образ животного, героя сказки и т. д. В нашем случае часто употребляемыми в русском языке являются лексемы *курица*, *баба*, что не свойственно английскому языку, где даже негативная оценка репрезентируется обычной лексемой *woman*.

При названии нового объекта или явления у человека, прежде всего, возникают ассоциации с тем, что ему хорошо знакомо либо находится в его окружении. Символический образ курицы ассоциируется попросту с отсутствием мозгов (*chicken's mind* – куриные мозги). В данном примере доминирующим является не образ мозга, а образ-зооним «*курица*». Ярко выраженная культурная маркированность прослеживается в русских народных сказках – *лиса Патрикеевна* (в значении хитрая женщина).

Уже при первичном анализе материала прослеживается наличие оценочного компонента в выбранных единицах. Представляется возможным выделить семы с отрицательной и положительной оценкой. Ф.И. Хохоева, исследуя фразеологический концепт женский интеллект на примере русских и осетинских пословиц и поговорок, отмечает «*явное преобладание в русском языке пословиц с отрицательной трактовкой*» [цит. по Хохоева 2008: 215]. То же просматривается и в сравнении с английским языком.

Наибольший процент неодобрения и критики присущ таким женским качествам, как глупость, инфантильность, недалекость. Неудивительно, что концепт «глупость» является одним из наиболее мощных концептов в русской культуре. Подобные русские выражения в количественном соотношении явно преобладают над англий-

скими. В целом, устойчивые выражения с оценкой женского интеллекта и умственных способностей (как положительной, так и отрицательной) довольно многочисленны в обоих языках. Далее постараемся описать семантическую структуру оценки.

Вопросы, связанные с критериями формирования оценочности, были рассмотрены Н.Н. Пряхиной (1990), И.Ф. Фадеевой (1988), Е.Ф. Арсентьевой (1998). В работе Алдаибани Ареф Али Салах (2003) приведены критерии формирования фразеологической оценочности, выдвинутые Е.Ф. Арсентьевой, что включает в себя критерий компонентного (лексемного) состава, семантический и экстралингвистический критерии [Алдаибани 2003: 25–27]. Так, компонентный или лексемный состав определяется наличием какого-либо слова-компонента в устойчивом выражении, обладающего положительной либо отрицательной оценкой. В нашем случае этими словами могут выступать *баба, дура, курица, глупая, инфантильная, умная, разумливая, изменчивая, fool, infantile, stupid, wise, changeable* и др. Семантический критерий подразумевает образность выражения, его смысловое содержание, что, несомненно, несет в себе какую-либо оценочность. Например, выражение *за бабой почитай последнее слово* [Русский народ 2007: 73], высмеивает женскую упертость, невозможность ее переспорить и говорит об отрицательной оценке. Что касается экстралингвистического критерия, где проявление оценочности обусловлено каким-либо экстралингвистическим явлением, то его роль в исследуемом материале незначительна.

2.2.1. ЛСГ с положительной оценкой ЖИ

Как уже было замечено, оценочный компонент выявляется, в первую очередь, через анализ словарных компонентов устойчивых выражений. Например, в качестве идентификаторов положительной оценочности можно использовать такие прилагательные, как:

«разумливый»: *русская жена – она разумливая, да на доброе дело сметливая* [Никитина];

«умный»: *умный мужчина перед женой отшутится, а умная женщина перед мужем всегда оправдается* [там же];

«всеохватный»: *мужскому уму до женской мудрости не дотянуться: она всеохватна* [там же];

«wise / мудрый»: *a wise woman is one who has a great deal to say and remains silent* (мудрая женщина та, что может многое сказать, но предпочитает промолчать) [УАРС: 358184] и др.

Однако не всегда можно выделить подобный идентификатор, тогда оценка познается через смысловое значение выражения, например:

женский ум днём в делах, а ночью в детях, а мужской и днём в чужих дворах и ночью в кабаках [Никитина].

Устойчивые выражения с положительной оценочностью в поле «женский интеллект» представляют незначительное количество (11,3 %). Это можно объяснить тем, что отрицательные моменты сопровождаются более четко выделенной эмоциональной реакцией индивида, нежели положительные. Характеризуется и получает оценку обычно то, что считается «ненормальным», то есть отклонением от нормы. Как пишет А.А. Мишин, «*в целом народные фразеологизмы указывают на смешные, отрицательные качества человека, выражая юмористичное отношение к ним, к положительным же явлениям жизни народная речь относится более спокойно: ведь это норма, обыденность*» [Мишин 2007: 59]. А один из ведущих исследователей в отечественной лингвистической гендерологии А.В. Кирилина полагает, что преобладание во фразеологии негативной оценочности связано с особенностью человеческой концептуализации действительности, когда «*хорошее*» является нормой, а «*плохое*» маркировано и отражается в языке как признак отклонения от идеального «*хорошего*» [Кирилина 1999: 105–162].

Так, положительная оценка может быть представлена семантическими группами: интуиция (*женская догадка обладает большей точностью, чем мужская уверенность; women's instinct is often truer than men's reasoning* [Grammar matters 1998: 184]); мудрость (*муж-*

скому уму до женской мудрости не дотянуться: она всеохватна [Никитина]; *man is the head, but woman turns it* (мужчина – голова, а вертит ей женщина) [Proverbs and quotes]); цепкость (*женский ум ничего не упустит* [Никитина]); догадливость (*женский ум догадлив и на всякие хитрости повадлив, в то же время он разумен и спокоен и всяческой похвалы достоин* [там же]); разумность (*русская жена – она разумливая, да на доброе дело сметливая* [там же], *женский ум днём в делах, а ночью в детях, а мужской и днём в чужих дворах и ночью в кабаках* [там же]).

Наличием положительной оценочной семы характеризуются следующие выражения:

умная беседа дороже обеда [БСРП Мокиенко 2010: 338];

женский ум стоит многих дум [Соловьева 2014: 351];

женский ум лучше всяких дум [Даль 2002, Т. 2: 1098; Никитина];

to be a woman of the world (быть женщиной мира) [Dent 1984: 746];

the conversation of a woman is worth all the libraries of the world (женская речь стоит всех библиотек мира) [American Proverbs: 88].

В упомянутых выражениях отдается дань женскому уму, мудрости, сообразительности. Женские интеллектуальные способности представляются в положительном свете.

Следующая группа выражений также обладает положительной оценкой, здесь женский ум противопоставляется мужскому и в сравнении с ним явно выигрывает:

утро вечера мудренее, жена мужа удалее [Даль 2001, Т. 4: 287];

у парня догадка, у девки смысл [БСРП Мокиенко 2010: 240; Даль 2002, Т. 1: 415];

кум говорит наобум, а кума – бери на ум [БСРП Мокиенко 2010: 60; Даль 2002, Т. 1: 794];

без мужа что без головы, без жены что без ума [Русский народ: 74];

a good wife makes a good husband (у хорошей жены и муж молодец) [И.Е. Митина с.11];

behind every great man there's a great woman (за каждым великим мужчиной стоит великая женщина) [American Proverbs 1998: 83];

a woman has an eye more than a man (женский глаз шире мужского) [Sayings Usual and Unusual 2007: 92].

Положительной оценкой обладают и некоторые высказывания известных людей о женском интеллекте: «серьезное преимущество женщины перед мужчиной – это инстинктивная способность ее часто быстро и бессознательно угадывать вещи, до которых мужчина доходит только после продолжительного глубокого размышления» (Г. Лебон) [Борисов 2009: 35].

Все же семантические группы с отрицательной оценкой (описаны ниже) превалируют.

2.2.2. ЛСГ с отрицательной оценкой ЖИ

В многочисленных научных изысканиях наших предшественников по вопросам фразеологии и паремиологии заключается наличие факта преобладания отрицательной оценочности. На это указывают Н.Д. Арутюнова, А.В. Кунин, А.Д. Райхштейн, Е.Ф. Арсентьева, В.И. Шаховский и др. В качестве идентификаторов отрицательной оценочности можно использовать наличие в выражениях таких прилагательных, как:

«тупой»: *тупая как овца*, диал. [Холманских 1999: 216];

«глупый»: *глупа как гусыня* [Квеселевич 2000: 24; Шадрин 2003: 31];

«инфантильный»: *женский ум – ум инфантильный* [Телия 1996: 268];

«stupid / тупой»: *as stupid as a pig* (тупая, как свинья) [Квеселевич 2000: 50];

«infantile / инфантильный»: *woman's mind is the infantile mind* (женский ум – ум инфантильный) [УАРС: 1370757];

«changeable / mutable / fickle / изменчивый / переменчивый / непостоянный»: *women are as fickle as April weather* (женщины измен-

чивы, как апрельская погода) [American proverbs 1998: 95; DAP 1992: 916]; *women like winds are very mutable* (женщины – что ветер, переменчивы) [Browning 1952: 444].

Паремии, фразеологизмы и афоризмы с оценкой женского ума зачастую выражают уже закрепившиеся этические оценки со стороны общества, причем через призму андроцентричного восприятия мужчин. Например, устойчивые выражения типа:

курица не птица, а баба не человек [БСРП Мокиенко 2010: 65];
женщина что курица: дай пинка – и образумится [Пословицы про женщин];

бабе хоть кол на голове теши [БСРП Мокиенко 2010: 28; Русский народ 2001: 73];

what a woman has to say above a whisper isn't worth listening to (то, что женщина говорит не шепотом, не стоит слушать) [Sayings usual and unusual 2007: 85];

the wit of a woman is a great matter (женский ум – большой вопрос) [Dictionary of proverbs 2005: 638];

a woman is a weathercock (женщина что флюгер) [Dent 1984: 747].

имеют отрицательную оценочность вследствие негативного, насмешливого, неуважительного отношения к женщинам, обладающим такими характеристиками, как неприспособленность к жизни, глупость, недалекость. При этом отрицательная оценка варьируется от резкой критики (*глупая как варламова ослица* [Бирих 2005: 502]; дура душой [Бирих 1996: 62]; дура набитая [Бирих 1996: 62]; *an odd fish* (странный особа) [Кунин 1984: 281]) до шуточного тона (*умница как пестрая курица* [Холманских 1999: 217]; *вумная как вутка* [Бирих 1996: 62]; *смыслит как Аксинья в апельсинах* [Бирих 2005: 20]; *in her (infinite) wisdom* (на своей волне) [CIDI 2002: 427]; *from a different world* (из другого мира, с другой планеты) [Пархамович 2000: 50]).

Неодобрительная оценка прослеживается и в связи красоты и ума в таких выражениях, как:

красота приглядится, а ум вперёд пригодится [БСРП Мокиенко 2010: 450];

красота – до венца, а ум – до конца [там же];

красота без разума пуста [там же];

собой красава, да не по красаве слава [там же: 449]

не красавицей дом держится, а умницей [там же]

the beauty of the man is in his intelligence and the intelligence of the woman is in her beauty (красота мужчины в его уме, ум женщины в ее красоте) [Sayings Usual and Unusual 2007: 17];

a poor beauty finds more lovers than husbands (пустая красота привлекает любовников, но не мужей) [Sayings Usual and Unusual 2007: 16].

Паремии типа:

собака умней бабы, на хозяина не лает [Русский народ 2007: 73];

бабий ум короче лягушачьего хвоста [Соловьева 2014: 351];

кудри не мудры, да виши хороши [Даль 2002, Т. 2: 1099];

я думал, идут двое, ан мужик с бабой [там же];

гусь да баба – торг, два гуся, две бабы – ярмарка [Русский народ 2007: 73];

women in the Senate House are like monkeys in a glass ship (женщины в Доме Сената походят на обезьян в стеклянном судне) [American Proverbs 1998: 86];

women in state affairs are like monkeys in glass-houses (женщины в государственных делах походят на обезьян в теплицах) [Sayings Usual and Unusual 2007: 276]

содержат порицание, презрение и пренебрежение, примитивность и незначительность женского положения. Обратим внимание на то, что оценивается в основном даже не только один человек (женщина), а сразу группа людей, объединенных неодобряемым признаком (*женские умы – что татарские сумы* [Даль 2002, Т.2: 843; БСРП Мокиенко 2010: 2191]; *women are as wavering as the wind* (женщины столь же переменчивы, как ветер) [Preaching proverbs 1996: 89]; *women are always ready* (женщины всегда готовы) [Dent 1984: 750]).

О.Ю. Суралева и Т.И. Скоробогатова приходят к выводу, что «невысокое количественное соотношение ФЕ, характеризующих вы-

сокий уровень человеческого интеллекта, объясняется тем, что традиционно все негативное в языке фиксируется всегда более подробно и более разнообразно, пускает глубокие корни и может существовать в анналах фразеологии языка веками» [Суралева, Скоробогатова 2010: 236].

Так, отрицательная оценка может быть представлена следующими семантическими группами: непостоянство, изменчивость, нелогичность, эмоциональность, неадекватность, инфантильность, несдержанность, изворотливость, бестолковость, лживость, упрямство и др.

В целом, такие качества ума человека, как глупость, инфантильность, недалекость, ограниченность и др. привлекают к себе внимание больше, чем какие-либо положительные качества. Намного интереснее высмеивать какие-то слабые стороны интеллекта, нежели констатировать сильные. А уж женский ум издавна пользовался повышенным к себе интересом. Именно поэтому большинство анализируемых выражений (89,7 %) несут в себе отрицательную оценочную сему.

2.2.3. ЛСГ с двоякой оценкой ЖИ

Среди анализируемых выражений присутствуют и семантические группы с двоякой либо спорной оценкой, но они немногочисленны. Среди них можно выделить:

– «загадочность»:

women are made to be loved, not understood (O. Wild) (женщин нужно любить, а не понимать) [The Guinness Book of Poisonous Quotes: 327];

из коннотации выражения следует, что женщины изменчивы, их трудно понять, но этого и не требуется.

a woman says no and means yes (женщина говорит нет, а подразумевает да) [Dent 1984: 748];

здесь имеется в виду противоречивость женского интеллекта.

– «альянс мужского и женского ума»:

как ни велик мужской ум, а без женского он останется половинчатым [Никитина];

рассыпался бы дедушка, кабы его не подпоясывала бабушка [БСРП Мокиенко 2010: 243];

the noblest sight on earth is a man talking reason and his wife listening to him (самый благородный вид на земле – мужчина, говорящий обоснованно и его жена, слушающая его) [Sayings usual and unusual 2007: 84].

– спорную оценку:

раз в сорок лет послушайся женщины [Гейвандов 1995: 131];

выражение говорит о незначительности женского совета, но в то же время не отрицает его некоторой ценности (раз в сорок лет).

women are necessary evils (женщины – необходимое зло) [Dent 1984: 751];

generally speaking woman is generally speaking (в общем говоря, женщины – в общем говоря) [American Proverbs, p. 88].

Двоякая оценка характерна для выражений, где сложно определить перевес в сторону одобрения или критики. Двоякий оценочный компонент приобретает скорее ситуативный тип оценки, который чаще просматривается в контексте.

Зачастую в некоторых выражениях бывает сложно определить тип оценочности ввиду расхожести компонентной и смысловой оценки. Так, выражение *умная жена, как нищему сума* [Даль 2001, Т. 2: 457; БСРП Мокиенко 2010: 338] демонстрирует, с одной стороны, положительную оценку женского интеллекта («умная»), с другой стороны, отрицательную смысловую направленность. Значит, что мужчине умная жена не нужна и даже вредна. То же самое наблюдается и в выражении *a woman's advice is no great thing, but he who won't take it is a fool* (женский совет – невеликая вещь, но тот, кто ему не следует – дурак) [Grammar matters 1998: 4; Sayings usual and unusual 2007: 3]. Из коннотации вышеизложенного следует, что женщины глупы, но иногда все же их следует слушать.

Различия или национальное своеобразие могут объясняться складом ума или национальной психологией, определяющими символизацию, ассоциативные связи и коннотативную (оценочную) окрашенность понятий и явлений, обозначенных языковыми единицами. Например, лексема «баба» свойственна только русскому языку в силу национального характера, хотя современные толковые словари выводят ее за пределы кодифицированного литературного языка:

не петь курице петухом, не быть бабе мужиком [БСРП Мокиенко 2010: 466];

бабе дорога – от печи до порога [БСРП Мокиенко 2010: 28; Русский народ 2007: 73];

бабьи немочи догадки лечат [Даль 2002, Т. 1: 75];

мужичий ум говорит: надо, бабий ум говорит: хочу [Даль 2002, Т. 2: 842]).

Таким образом, приводимые в данной части нашей работы примеры устойчивых выражений, содержащих компоненты оценки, могут представлять достаточно интересный материал для постижения национального характера различных народов. Данный анализ может послужить основой дальнейших лингвистических исследований сопоставительного плана в гендерологии, а также понимания и освоения языковой картины мира.

Кроме того, некоторые зарубежные лингвисты, например, Мидер (2006), утверждают, что пословицы и поговорки нельзя считать абсолютной правдой [Litovkina, Mieder 2006: 1]. Вопросы, связанные с пословичной мудростью, появились еще в 18-м веке, и данная проблема зависит в большей степени от контекста того текста, где выражение употребляется впервые [там же: 4–5], то есть в многообразных языковых ситуациях различные выражения могут выражать различные оценки.

Выводы по главе 2

Итак, устойчивые выражения, обозначающие женский интеллект, широко представлены в исследуемых языках, сложившиеся представления о женском уме интернациональны.

С точки зрения лексико-семантических особенностей предлагаемый материал представляет собой лексическое поле, где устойчивые выражения, обозначающие женский интеллект, могут быть выделены в отдельный класс единиц современного русского и английского языков благодаря наличию в них определенных для данного класса признаков и связей. Анализируемые устойчивые выражения подразделяются нами на лексико-семантические группы: «Женщина», «Имя собственное», «Метафорические наименования лиц женского пола». В свою очередь, ЛСГ «Женщина» подразделяется на лексико-семантические подгруппы: «Атрибуты лиц женского пола», «Характеристика лиц женского пола» и «Родственные отношения».

С точки зрения лексической составляющей, замечен широкий выбор наименований женщины в русском языке и довольно узкий круг лексем в английском. Нами были выявлены различные способы метафорической номинации женщины и женского ума, среди которых преобладают следующие метафорические образы: домашние животные; незнакомое и недостижимое; библейские или мифологические образы; неодушевленные образы; атрибуты женского труда; образы значимых и значительных людей и др.

Анализ показал, что лексемы «женщина», «баба», «жена» и «woman», «wife» схожи по значению в сопоставляемых языках, что можно объяснить единым происхождением и единым смыслом, заложенным в указанных лексемах. Также образность или метафоричность мышления обладают некой универсальностью. Однако выявляется и некое своеобразие или уникальность употребления отдельных слов-символов в устойчивых выражениях. Так, уникальной чертой русских пословиц и фразеологизмов является замена лексемы «жен-

щина» лексемами «баба», «дура», «кума» и др., при этом отмечается многочисленное образное уподобление («курица», «ослица» и т. п.).

Компонентно-компаративный анализ внутренней формы выражений позволил выявить семантические соотношения: интеллект женщины – ее красота, непостоянство, изменчивость, нелогичность, загадочность, эмоциональность, неадекватность, инфантильность, несдержанность, изворотливость, хитрость, расточительность, образованность, лживость, упрямство, самодовольство, род занятий, глупость, интуиция, догадливость, цепкость, разумность, мудрость, добродетель. Наиболее многочисленную группу образуют устойчивые выражения, относящиеся к типу соотношений «интеллект женщины – ее глупость», что составляет 178 единиц (29,7 %) в русском языке и 98 единиц (19,6 %) в английском; а также «интеллект женщины – ее несдержанность, болтливость», что составляет 67 единиц (11,2 %) в русском языке и 107 (21,4 %) – в английском. Отмечается отсутствие семантической группы «разумность» в английском языке.

Семантическое описание предполагает разделение материала на два полюса «ум» и «глупость», что мы именуем ментальными признаками выражений, обозначающих женский интеллект. Анализ данных ментальных признаков показал, что:

- в обоих сопоставляемых языках женщинам имплицитно неспособность мыслить рационально, а наличие «женского ума» неженственно и нетипично;

- в обоих языках признак «ум / wit» реализуется через сочетаемостные признаки «интуиция / intuition», «инстинкт / instinct», «мудрость / wisdom», «догадливость / shrewdness», а не «интеллект / intellect» в то время, как выбор сочетаемостных признаков при актуализации признака «глупость / stupidity» достаточно разнообразен. Здесь отметим, что сочетаемостный признак «прозорливость» выделен только в русском языке, в английском же не представлен;

- выражения обоих языков, говорящие о наличии женского ума, не всегда несут в себе положительную оценку данного явления (*blue stocking*), а также отражают преимущественно отрицательные черты

женского ума и те умственные качества, которые традиционно считаются типично женскими (легкомысленность, инфантильность, импульсивность).

Анализ материала с точки зрения оценочности показал преобладание отрицательной группы единиц в обоих языках, а также выявил группу с так называемой двоякой оценочностью.

ГЛАВА 3

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ЖЕНСКИЙ ИНТЕЛЛЕКТ, В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

3.1. Состояние и специфика гендерных исследований в лингвистике на современном этапе

Пол, гендер, гендерные стереотипы, гендерное поведение волнуют исследователей различных отраслей наук. В первую очередь, это исследования в области психологии (И.С. Кон, Е.П. Ильин, Е.П. Кораблина и др.). Но с недавних пор этим вопросом занялись и ученые-лингвисты. Стереотипы гендерности исследуются и выявляются в литературе, фразеологии, лексике, речевом поведении и т. д.

Устойчивые выражения, содержащие гендерный аспект, составляют очень интересный и важный пласт паремиологического и фразеологического фонда любого языка, хотя и незначительный. Этот фонд на сегодняшний день является актуальным предметом изучения в лингвистике и позволяет проследить степень мужского либо женского доминирования, выявить пережитки патриархальных стереотипов и др.

Устойчивые выражения, в целом, выявляют бытовую и языковую картину мира, в которой человек – центр осмысления и выражения оценки. Устойчивые выражения в обоих языках с обозначением интеллектуальных состояний лиц женского пола свидетельствуют о гендерном характере этих выражений, позволяют выявить отношение к умственным способностям женщин, проследить, что и как говорили и говорят о женщинах, какие оценки приписывают их интеллекту.

Вообще, образ женщины издавна пользуется повышенным интересом со стороны ученых-лингвистов. Однако интерпретацию данного образа языковыми средствами невозможно изучить в полной мере в отрыве от имеющихся на современном этапе гендерных данных.

Уже В.Н. Телия (1996) в своих исследованиях выявляет гендерно окрашенные единицы: *женская литература, дамский роман* [Телия 1996: 263–268].

М.А. Алексеенко замечает, что *«гендерная проблематика стала одной из доминант современной гуманитаристики, ...изучается специфика мужских и женских дискурсов, устанавливаются стереотипы феминности и маскулинности и т. д.»* [Алексеенко 2006: 28–30].

В отечественной лингвистике появляются многочисленные исследования по проблемам гендерной дифференциации (А.В. Кирилина (2000, 2001, 2002), Е.А. Горошко (1996, 1999), Е.М. Бакушева (1995), С.К. Табурова (1999), И.Г. Ольшанский (1997), В.В. Потапов (1997) и другие). Это вполне закономерно, ведь *«для всех здравомыслящих людей достаточно очевидным является различие между мужскими и женскими манерами, привычками, оценками, представлениями о должном, приемлемом и допустимом»* [Ильин 2010: 11]. Далее, используя и интерпретируя полученные данные, диссертанты активно используют их в различного рода исследованиях. Динамика гендерных стереотипов выявляется во фразеологии (Соловьева 2014), исследуется гендер в британской и американской лингвокультурах (Гриценко, Сергеева и др. 2011), с позиции гендерной референции рассматриваются фразеологические единицы, характеризующие лиц мужского пола (Коноплева 2009), интерпретируется гендерная составляющая концепта «женщина» (Васюк 2002) и т. п.

Исследования в области гендерной лингвистики, среди которых выделяются работы А.В. Кирилиной, выделяют «мужское» и «женское» мировидение, отражающееся в языковом ракурсе. Так называемое «мужское» мировидение или «мужская картина мира» отражаются в понятии «андроцентричность» [Кирилина 1999]. Данный термин рассмотрен также в диссертации В.В. Васюк (2002), носящей лингвокультурологический характер. Автор делает выводы о том, что изначально мужчина доминировал во всех сферах бытия, поэтому пословичный и фразеологический фонд большей частью ориентирован на «мужское» восприятие, отводящее женщине подчинительную позицию.

Отражение данного видения можно рассмотреть в афоризме: *так как писать умели главным образом мужчины, все несчастья на свете были приписаны женщинам* (С. Джонсон) [Душенко 2001: 254]. Именно по этой причине, на наш взгляд, устойчивых выражений, высмеивающих женскую глупость, недалекость, простоватость, намного больше, нежели единиц, относящихся к мужскому референту.

Существуют некоторые стереотипы, которые можно назвать «гендерными», они навязаны обществом на представителей мужского и женского пола и четко различимы в языке, который, как известно, отражает характер и культуру носителей любого языка. Гендерные стереотипы можно охарактеризовать как культурные и социальные взгляды на черты характера и нормы поведения, свойственные референтам-мужчинам и референтам-женщинам. Это определенные убеждения, мнения, суждения. Одним и тем же чертам могут приписываться разные оценки в зависимости от того, какому полу мы даем характеристику.

«Гендер» – “gender”, или «пол» – “sex”, являются понятиями, которые предполагают изучение особенностей женского и мужского мышления, склада ума, поведения. *«Гендер – социокультурный конструкт, аккумулирующий представления о мужественности и женственности, характерные для общества в определенный период его развития»* [Гриценко, Сергеева и др. 2011: 6].

Согласно определениям Г. Брандт, «пол» (sex) – набор биологических, физиологических, естественных признаков, данных от природы, а «гендер» (gender) – совокупность речевых, поведенческих, личностных особенностей, отличающих мужчин и женщин в духовном плане, подвергающихся влиянию культуры [Брандт 1998: 169].

По мнению А.Г. Фомина, гендер, как *«психолингвистическая категория представляет собой многокомпонентную структуру, модель социальных отношений, созданную основными институтами общества и построенную самими индивидами в соответствии с их гендерной идентификацией, которая находится в языке и речи»* [Фомин 2003: 84].

В недавней работе А.М. Червонный выделяет некоторые семантические отношения, лежащие в основе внутренней формы фразеологизмов, среди которых нам интересно *«половая принадлежность – уровень интеллекта»* [Червонный 2014: 197]. Женщина, как субъект мыслительной и интеллектуальной деятельности, имеет как позитивную, так и негативную оценку.

Как считает Д. Спендер, мужчины, являясь доминирующей группой, создали язык, мышление и действительность. Эти структуры, категории и значения, созданные мужчинами, впоследствии распространились на всё общество. Женщины играли в этом процессе незначительную роль или вообще в нём не участвовали. Таким образом, когда одна группа имеет монополию в словообразовании, её предубеждение может отразиться в семантике создаваемых имён, что, в свою очередь, помогает сохранить и закрепить первоначальное предубеждение [Spender 1980: 147].

При анализе понятий «мужской ум» и «женский ум» следует учитывать целый ряд признаков:

- представления о личностных и физических качествах мужчины и женщины в культуре и социуме;
- представления об их социальной значимости и роде занятий (в обществе и семье);
- соотнесение с мужским и женским началом явлений, свойств и отношений, не связанных напрямую с полом.

Мы в своей работе опирались на следующие критерии классификации гендерно-значимых фразеологических единиц, предложенные О.А. Васьковой:

1. Формально-структурный – в состав выражений входят лексемы, называющие лицо женского пола;
2. Семантический – единицы, «образная составляющая» которых отсылает к референту-женщине; и единицы, «референция» которых имеет гендерные ограничения (hen party) [Васькова 2006: 78].

Интеллект женщины часто противопоставляется красоте. В данной семантической группе четко определен референт – женщина:

у нас женщины тем и сохраняют свою красоту, что никогда ничего не думают (А.Н. Островский) [Шевляков 1999: 284];

красавица без ума – что кошелек без денег [БСРП Мокиенко 2010: 449];

личико беленько, да разуму маленько [БСРП Мокиенко 2010: 488];

личико беленько, да ума маленько [БСРП Мокиенко 2010: 488];

волосу многонько, а разуму маленько [Даль 2002, Т. 2: 1099];

собой-то краля, а умом-то фаля [Даль 2002, Т. 2: 1099];

собой красава, да не по красаве слава [БСРП Мокиенко 2010: 449];

women are vain: they 'd rather be pretty than have a good brain (женщины слабы, они лучше будут симпатичными, чем умными) [American Proverbs 1998: 183];

long of hair and short of brains (у бабы волос долог, да ум короток) [БРАФС: 15454];

a man possesses beauty in his quality and a woman possesses quality in her beauty (мужчина видит красоту своим плюсом, а женщина видит плюсы в своей красоте) [Sayings Usual and Unusual 2007: 16].

Красота для мужчин не имеет никакого значения, ценятся его умственные качества, интеллект. Для женщин внешняя привлекательность зачастую выдвигается на передний план. В таких качествах, как женский интеллект и красота, привычно видеть что-то взаимоисключающее, противоречащее друг другу. Недаром героиней бесчисленных анекдотов является «*блондинка*» – олицетворение женственности, красоты и при этом ужасной глупости.

Нам удалось выделить гендерно-маркированные единицы, относящиеся только к референту-женщине, и те единицы, обозначающие женский интеллект, которые могут быть отнесены к лицам обоих полов. Примечательно, что пословицы и поговорки четко определяют референта (женщина), а вот примеры из фразеологии и идиоматики, несмотря на то, что кодируют именно женский интеллект, могут быть отнесены и к референтам-мужчинам.

Приведем примеры из паремиологического фонда, относящиеся к референту-женщине:

пока баба с печи летит, семьдесят семь дум передумает [Даль 1996, Т. 1: 66; Русский народ 2007: 74];

собака умней бабы, на хозяина не лает [Русский народ 2007: 73];

пусти бабу в рай – она и корову за собой ведет [Даль 1996, Т. 1: 66; Русский народ 2007: 74];

у бабы семь пятниц на неделе [Русский народ 2007: 73];

бабьи умы разоряют дома [Русский народ 2007: 73];

женский ум ничего не упустит [Никитина];

discreet women have neither eyes nor ears (у разумной женщины нет ни ушей, ни глаз) [Соловьева 2014: 335];

women are ships and must be manned (женщины – корабли, которыми нужно управлять) [Соловьева 2014: 335];

Men have many faults, poor women have but two, There's nothing right they say and nothing right they do (у мужчин много недостатков, у бедных женщин – всего два: они ничего не говорят правильно, и они ничего не делают верно) [Соловьева 2014: 336];

it is a common proverb that women can keep no counsel (это известная пословица, о том, что женщины не могут держать секреты) [Соловьева 2014: 338].

Далее предлагаем примеры идиом и фразеологизмов, которые могут быть соотнесены с лицами обоих полов, несмотря на то, что кодируют именно женский интеллект:

куриные мозги [ФСРЛЯ 1995: 301];

ум короток [ССРЯ 2009: 459; Бирих 1996: 48];

базарная баба [Арсентьева 1999: 13];

кисейная барышня [Арсентьева 1999: 13];

глуп как бабий пуп [Бирих 2005: 580];

как овца круговая [Холманских 1999: 217];

смыслит как Аксинья в апельсинах [Бирих 2005: 20];

a woman's reason (женская логика) [Fergusson 1995: 264; Sayings Usual and Unusual 2007: 17];

as light as a butterfly (легкомысленная, как бабочка) [Кунин 1984: 117];

weak in the head (слаба на голову) [Hornby 1982: 396];

from a different world (из другого мира) [Пархамович 2000: 50];

in the world of her own (на своей волне) [Пархамович 2000: 50];

have one's head in the clouds (летать в облаках) [LongDicId: 208];

blue stocking (синий чулок) [Арсентьева 1999: 308].

Тем не менее большинство лингвистов склоняются к выводу, что основная часть устойчивых выражений нейтральна. Так, О.Ю. Суралева и Т.И. Скоробогатова в исследовании французских ФЕ, характеризующих интеллектуальную состоятельность, не обнаружили явной гендерной асимметрии и пришли к выводу, что «*подавляющее большинство рассмотренных фразеологизмов не демонстрирует четкого различия по полу, иллюстрируя метафорически переосмысленные характеристики интеллекта человека в целом, т. е. внутренняя форма большинства ФЕ может быть соотнесена одинаково с лицами обоих полов*» [Суралева, Скоробогатова 2010: 230–239].

Гендерность играет важную роль при переводе многих текстов с одного языка на другой, в правильном использовании идиом, паремий, устойчивых выражений, относящихся к тому или иному языку. Вопрос по данной тематике все еще остается открытым и актуальным. Рассматривая гендерный аспект в изучении языка и культуры, необходимо учитывать, что такие понятия, как «мужское» и «женское», – понятия весьма неоднозначные. Они имеют не только существенные различия в тех или иных культурах, но и эволюционируют и видоизменяются в соответствии с ходом истории, изменениями в социуме. При их рассмотрении необходимо иметь в виду, что гендерные различия не даны и не установлены природой. Они определяются человеком и являются частью культуры, изменяясь вместе с ней по мере развития социума.

3.2. Гендерно-маркированные фразеологизмы

Как известно, фразеологизмы и идиомы любого языка несут в себе всю широту народной мысли, накапливаемый веками опыт поколений. Данный материал, как ничто другое, ярко репрезентирует стереотипы гендерности, заложенные во внутренней форме фразеологических единиц. Ведь гендерный аспект в выражении фразеологизмами (в данном случае эквивалентными слову или словосочетанию) интеллектуальных качеств лиц женского пола является весьма распространенным речемыслительным явлением. Тема женского ума, глупости, женской логики, хитрости на протяжении веков остается предметом досужих разговоров. Так, гендерный аспект интеллектуальной деятельности находит отражение в пласте английских и русских фразеологических единиц, где женщина, как субъект мыслительной деятельности, как носитель знаний, получает некоторую оценку.

Итак, в английских и русских фразеологизмах анализируемого поля нами были выявлены следующие соотношения:

- фразеологизмы с явным гендерным потенциалом (один референт – женщина), ввиду номинации лиц женского пола;
- фразеологизмы с женской семантикой, использующие фемининную лексику;
- фразеологизмы без ярко выраженной гендерной окраски, применяемые к лицам обоих полов.

Это можно проиллюстрировать анализом фразеологизмов. Как было упомянуто нами выше, широко распространенной лексемой русского языка выступает лексема «баба», которая используется в отношении лиц женского пола, соответственно, гендерно маркирована. Фразеологическое сочетание *базарная баба* [Соловьева 2014: 342; Арсентьева 1999: 13], например, негативно характеризует женские интеллектуальные свойства, так как указывает на неумение женщин достойно себя вести в обществе, высмеивает женскую простоватость, недалекость. В английском языке нами не было выявлено эквива-

лентного выражения, да и схожего по значению фразеологизма не обнаружено. Это можно объяснить уникальностью происхождения фразеологических единиц в каждой отдельной ментальности.

Упомянутая выше лексема «баба» представлена также на уровне фразеологических сочетаний *бабье царство* [Арсентьева 1999: 308] и *бабье сословие* [Лапшина 2008: 15]. Первое выражение означает группу либо скопление женщин, объединенных, например, общим занятием, следовательно, является гендерно маркированным. Второе выражение, по мнению О.Г. Лапшиной, является многозначным: «в первом значении (устар.) «женщины» образует синонимический ряд с фразеологизмами *слабый пол*, *нежный пол*, *прекрасный пол*, *Евино племя* и др. с общим значением «женщины»; во втором значении фразеологизм *бабье сословие* – устар. «женщины низкого, непризнанного сословия» образует внешние синонимы со словами *бабы*, *простолюдинки*, *крестьянки*» [Лапшина 2008: 17]. Оба выражения, впрочем, имплицитно женщинам слабый интеллект за счет использования лексемы «баба», что само по себе уже создает образ грубой и необразованной женщины. В противоположность упомянутому фразеологизму представлено выражение «*дамское сословие* – Устар. «женщины, относящиеся к элитным, аристократичным слоям общества» [Лапшина 2008: 21]. В английском фразеологическом пространстве нами было выявлено выражение *petticoat government* [Арсентьева 1999: 304] (досл. господство юбки), эквивалентное выражению *бабье царство*, что, несомненно, указывает на гендерный потенциал фразеологизма.

То же самое касается и выражения *слабый пол*, по Е.Ф. Арсентьевой *the fair/weaker/gentle sex* [Арсентьева 1999: 204]. Английским эквивалентом выступает фразеологизм *the weaker vessel* [Арсентьева 1999: 204]. На наш взгляд, свойство «слабый» приписывается не только по физическим характеристикам, но и интеллектуальным.

Следующая группа фразеологизмов русского языка объединена использованием в своем составе лексемы «дура». Это выражения ти-

па дура дурой [Арсентьева 1999: 89; Бирих 1996: 62]; *дура набитая* [Бирих 1996: 62]; *петая (отпетая) дура* [Бирих 1996: 62; Квеселевич 2000: 195]. Из коннотации всех упомянутых выражений следует, что интеллект у лиц женского пола отсутствует напрочь, имплицитруется открытая глупость, тупоумие. Здесь наблюдается явный гендерный признак, ведь «дура» – лицо женского пола. Для сравнения возможно взять выражение *дурья голова* [ФСРЛЯ 1995: 117], которое по нашему мнению, не несет гендерной окраски, так как может быть использовано по отношению к лицам обоих полов. В английском фразеологическом фонде можно констатировать лакуну данного типа выражений, так как само слово «fool / дурак (дура)» не различается по полу.

Рассматривая русскоязычные фразеологические единицы на предмет гендерности, невозможно упустить из виду и выражения с лексемой «курица». Например, *умница как пестрая курица* [Холманских 1999: 217] либо *умница как попова курица* [там же]. Оба выражения гендерно маркированы, так как используют лексемы «умница» и «курица» женского рода. Сочетание упомянутых лексем, на наш взгляд, придает фразеологизму некий оттенок ироничности. Обычно используются данные выражения в отношении лиц женского пола с низким уровнем интеллекта, которые совершают какой-либо глупый поступок, при этом считая свои действия правильными. А вот русский фразеологизм *слепая курица* [Арсентьева 1999: 136], несмотря на наличие той же лексемы женского рода, не является, на наш взгляд, гендерно маркированным. Так называют человека, который плохо видит либо что-то не разглядел, хотя чаще употребляется в отношении женщин и связан с простоватостью и недалекостью. В английском языке подобных выражений не выявлено. Хотя, по нашему мнению, фразеологизм *куриные мозги* [ФСРЛЯ 1995: 301], что является полным семантико-синтаксическим эквивалентом *chicken's mind*, обладает женской семантикой, широко используется в обозначении женской глупости, недалекости, инфантильности. По мнению В.Н. Телия, данный фразеологизм «*приложим не к любому «недому», а обычно к уму незрелому, неглубокому, каковым и считается*

женский ум» [Телия 1996: 267] Однако о его гендерной маркированности утверждать не приходится, так как выражение может быть применимо к лицам обоих полов. То же самое, на наш взгляд, просматривается и в выражении *курья голова* [ФСРЛЯ 1995: 118].

Следующий фразеологизм *кисейная барышня* [Арсентьева 1999: 13] встречается в русском фразеологическом пространстве и не имеет эквивалента в английском языке вследствие использования национальной лексики. Кисея – тонкий, дорогой, непрочный материал, а барышней в русском языке принято считать тонкую, изнеженную женскую натуру. Следовательно, можно говорить о гендерном потенциале выражения. Применяется по отношению к неопытной, не приспособленной к жизни, ничего не умеющей девушке.

Выражение *синий чулок* [Арсентьева 1999: 308], полным английским эквивалентом которого в семантико-синтаксическом плане является *a blue stocking* [там же], хотя и не содержит в себе фемининной лексики, все же обладает явным гендерным потенциалом. Применяется в отношении женщины-педантки, погруженной в науку, не интересующейся традиционно женскими вещами, семьей, детьми и т. п. Выражение обозначает некую презрительность к референту женского пола.

Похожее значение просматривается и во фразеологизме *генерал в юбке*, по Е.Ф Арсентьевой, *a woman who is engaged in some men's business* (женщина, занимающаяся мужскими делами) [Арсентьева 1999: 311]. Обычно применяется в ироническом обозначении женщины, имеющей властный характер, считающей себя умнее мужчин, пытающейся ими командовать.

Зачастую гендерно окрашенные фразеологизмы содержат в себе женские имена собственные, что прослеживается в обоих языках. Например, русское выражение *бесплодная Арина* (*Арина бесплодная*) [Бирих 1999: 32] означает бестолковую женщину. Английские выражения типа *dumb Dora* [Кунин 2000: 223] (досл. немая Дора – глупая девушка), *giddy Gertie* [Кунин 2000: 314] (легкомысленная Герти) также используются в отношении недалекой, глупой, бестол-

ковой женщины. Многим подобным выражениям свойственна ирония по отношению к женскому интеллекту: *как умная Маша*, ирон. [Бирих 1996: 63; Бирих 2005: 424].

Фразеологизм *женская логика* [Телия 1996: 267], эквивалентом которого можно назвать английское выражение *woman's reason* [Shakespeare 1869: 192], по праву считается «*эталонем нелогичности мышления*» [Телия 1996: 267]. Сюда же можно отнести и выражение *девичья память* [Даль 2002, Т. 1: 391], указывающее на женскую забывчивость. На наш взгляд, данные фразеологизмы обладают ярко выраженной гендерной окраской, хотя, по мнению В.Н. Телия, «*эти сочетания употребляются для обозначения «неполноценности» как женского, так и мужского интеллекта*» [Телия 1996: 267].

Кроме того, гендерный аспект прослеживается и в устаревших наименованиях интеллектуальных свойств женского пола: *ворохóба* «бестолковая женщина» [СРНГ, вып. 5: 126], разг. *умница*, диал. *баловни́ца* «умница» [СРНГ, вып. 2: 85].

Некоторые фразеологизмы являют собой часть паремиологических единиц. Например, выражение *ум короток* (Бир. 1996: 48), на первый взгляд, гендерно нейтрально, но в составе поговорки *волос долог, да ум короток* [Даль 1996, Т. 1: 64] является гендерно маркированным, поскольку содержит лексический компонент *волос*, что в переносном плане означает женское начало.

Следующим выражениям свойственно использование в своем составе фемининной лексики, хотя они не всегда могут обладать гендерным потенциалом: *под каблучком* /be/ under smb's thumb [Арсентьева 1999: 120]; *глуп как бабий пуп*, нар. [Бирих 2005: 580]. Первому выражению все же свойственна женская направленность, так как каблук ассоциируется с женщиной, означает господство, власть женщины над мужчиной, его некое подавление. Второе выражение гендерно нейтрально, может использоваться по отношению к лицам обоих полов с изменением синтаксической формы лица.

Русские выражения *глупа как гусыня* [Квеселевич 2000: 24; Шадрин 2003: 31]; *вумная как вутка* [Бирих 1996: 62]; *тупая как ов-*

ца, диал. [Холманских 1999: 216]; *умна как попова свинья* [Холманских 1999: 217] безоговорочно относятся к гендерно окрашенным единицам вследствие использования соответствующих окончаний прилагательных. Но существуют и подобные выражения, не обладающие явным гендерным потенциалом, все же стоит отметить, что они чаще используются по отношению к лицам женского пола: *как овца круговая* [Холманских 1999: 217]; *как пробка* [ФСРЛЯ 1995: 95]; *балда осиновая* [Федоров 1983: 9; Бирих 1999: 40; Бирих 2005: 42]; *одна голова – два языка*, диал. [Федоров 1983: 45]; *доходит как до утки – на пятые сутки* [Бирих 1996: 162].

Английское устойчивое выражение *a woman of the world* (женщина мира) [CIDI 2002: 433; LDELС 2003: 1535] не подозревает мужского референта, так как использует лексему «woman», маскулинной направленностью обладает выражение *a man of the world* (мужчина мира) [Кунин 2005: 483] со сходным значением человека, умудренного жизненным опытом. То же касается и *a woman's reason* (женская логика) [Fergusson 1995: 264] – фразеологизма с неоспоримой женской семантикой, в составе которого используется та же лексема «woman».

Проанализированные нами фразеологизмы и идиомы английского языка, как выяснилось, не обладают ярко выраженным гендерным потенциалом, большинство выражений подобного типа гендерно нейтральны, хотя чаще используются в отношении лиц женского пола. Например, выражение *as stupid as a pig* (тупая как свинья) [Квеселевич 2000: 50] можно сравнить с выражением *умна как попова свинья* [Холманских 1999: 217]; *as light as a butterfly* (легкомысленная как бабочка) [Кунин 1984: 117] использует лексему «бабочка», что более свойственно женскому началу; *weak in the head* (слабая на голову) [Hornby 1982: 512], или *be (up) in the clouds* (летать в облаках) [Кунин 1984: 155], или *have one's head in the clouds* (летать в облаках) [LongDicId 1998: 208], или *from a different world* (не от мира сего) [Пархамович 2000: 50] или *living in a different world* (из другого мира) [Пархамович 2000: 50] также чаще встречается в описании женщин.

Хотя подобные выражения часто представлены в справочной литературе в конкретных ипостасях: *in a world of her own* (в ее собственном мире) [Пархамович 2000: 50], *in her (infinite) wisdom* (сама в себе) [CIDI 2002: 427], что говорит об их гендерном потенциале. Явно нейтральными в гендерном аспекте выражениями можно считать: *crazy as a fox* (сумасшедший(ая) как лисица) [Кунин 1984: 129], *a queer bird* (чудная птица) [Кунин 1984: 84, 281], *a queer duck* (чудная утка) [Кунин 1984: 614], *a queer fish* (чудная рыба) [Кунин 1984: 84, 281], *a strange bird* (странная птица) [Кунин 1984: 84, 281], *a strange fish* (странная рыба) [Кунин 1984: 84, 281], *an odd bird* (странная птица) [Кунин 1984: 84, 281], *an odd fish* (странная рыба) [Кунин 1984: 84, 281] и т. п.

Таким образом, анализ русских и английских фразеологических единиц, обозначающих женский интеллект, на предмет гендерности показал:

- гендерный аспект языка находит свое вербальное выражение во фразеологизмах русского и английского языка;
- фразеологические единицы с явной гендерной окраской преобладают в русском языке ввиду наличия широкого спектра номинаций глупой женщины (баба, дура, курица, блондинка и т. п.);
- большая часть фразеологических единиц английского языка обозначает глупого человека вообще, то есть не несет явной гендерной асимметрии.

3.3. Гендерно-маркированные паремии

Антропоцентрическая направленность современных лингвистических исследований диктует рассмотрение пола в качестве индивидуальной характеристики индивида в языке. Мужчины и женщины по своей природе одинаковые люди, но в то же время они могут различаться по неким определенным признакам, называемым «гендерными особенностями». Вопросами пола занимается достаточно новая отрасль науки, которую можно назвать «гендерными исследованиями».

Гендерные стереотипы просматриваются практически на всех уровнях речемыслительной деятельности, в лексике, фразеологии, литературе. Языковая среда, как ничто другое, ярко репрезентирует стереотипы гендерности отдельно взятых языковых пространств и культур.

Паремиология достаточно информативна с точки зрения выявления гендерных отношений, заложенных в ее богатом фонде. Пословицы и поговорки, как ничто, ярко репрезентируют мужской взгляд на женский интеллект.

Исследуя русские и английские паремии на предмет гендерности, можно прийти к выводу, что в обоих языках есть свое отношение к мужчине и женщине. В языке прослеживаются определенные стереотипы, согласно которым определенные черты относятся только к референту-мужчине и другие – только к референту-женщине.

Женский ум представлен в паремиях обоих языков как ум неполноценный, нерациональный, нелогичный, основанный на интуиции, а не на использовании интеллектуальных способностей: *take the first advice of a woman and not the second* (следуй первому совету женщины, но не второму) [Dent 1984: 748] – то есть первый совет, основанный на интуиции, более надежен, чем второй, основанный на неполноценном рассуждении. Женская интуиция, мудрость (качество, приобретенное с годами) являются единственными социально одобряемыми атрибутами женщины в когнитивной сфере, они противопоставляются мужскому разуму, несколько ограниченному рациональностью: *woman's instinct is often truer than a man's reasoning* (женская догадка зачастую точнее мужской уверенности) [Grammar matters 1998: 184].

Как русскоязычные, так и англоязычные примеры говорят о том, что внешние данные женщин не являют собой особенной ценности. Более того, зачастую привлекательность женского пола противопоставляется умственным способностям. То есть важна не красота, а умственные характеристики:

собой красава, да не по красаве слава [БСРП Мокиенко 2010: 449];

не красавицей дом держится, а умницей [БСРП Мокиенко 2010: 449];

красивые глаза, да пустая голова [Даль 2001, Т. 4: 551];

modesty is the beauty of woman (красота женщины – в ее сдержанности) [Соловьева 2014: 335];

beauty is but skin-deep (не с лица воду пить) [Митина 2003: 28].

В поддержку мужского доминирования зачастую приводятся паремии, пропагандирующие жестокое обращение с женщинами вообще и с женами, в частности:

женщина что курица: дай пинка – и образумится [Пословицы про женщин];

жена без грозы – хуже козы [Даль 1996, Т. 1: 113];

чем больше жену бьешь, тем щи вкуснее [там же: 113];

women, like gongs, should be beaten regularly (женщин, как гонги, нужно регулярно бить) [American Proverbs 1998: 86];

a woman, a dog and a walnut tree, the more you beat them the better they be (женщина, собака и грецкий орех, чем больше их бьешь, тем они лучше) [Fergusson 1995: 265];

the calmest husbands make the stormiest wives (у самых спокойных мужей самые бурные жены) [Christy 1998: 448].

Высмеивается женская болтливость, неумение держать язык за зубами:

пропало бабье трепало [Даль 2002, Т. 2: 407];

не ждет баба спроса, сама все скажет [Даль 2002, Т. 1: 1276];

a woman's tongue wags like a lamb's tail (язык женщины болтается, как хвост ягненка) [American Proverbs 1998: 108];

a woman's strength is her tongue (сила женщины – в ее языке) [American Proverbs 1998: 108];

a woman's hair is long, her tongue is longer (волос женщины долг, да язык длинней) [American Proverbs 1998: 108];

Итак, подавляющее большинство паремий атрибутируют женщине негативные качества характера и низкий интеллект. Влияние

гендерных стереотипов особенно очевидно в примерах, противопоставляющих мужчин и женщин:

ум женщины – в её красоте, красота мужчины – в его уме [Векшин 2001: 92];

курице не быть петухом, а бабе – мужиком [БСРП Мокиенко 2010: 466; Русский народ 2007: 74];

the beauty of the man is in his intelligence and the intelligence of the woman is in her beauty (красота мужчины в его уме, ум женщины в ее красоте) [Sayings Usual and Unusual 2007: 17];

a man doesn't want a woman smarter than he is (мужчине не нужна женщина, умнее его самого) [Sayings Usual and Unusual 2007: 84].

По мнению А.В. Кирилиной, в паремиях, где мужская деятельность противопоставляется женской, мужская представлена как важная, трудная, ответственная, а женская – как бесполезная, бестолковая, ненужная [Кирилина 1999: 105–162].

Проанализировав паремии, обозначающие женский интеллект, можно заключить:

– женщинам имплицитно неспособность мыслить рационально, логически;

– паремии, непосредственно обозначающие интеллект женщины, отражают преимущественно отрицательные черты женского ума и те умственные качества, которые традиционно считаются типично женскими (легкомысленность, инфантильность, импульсивность);

– пословицы и поговорки в обоих языках с обозначением интеллектуальных состояний лиц женского пола свидетельствует об их гендерном характере.

Приведем данные результатов анализа паремий, обозначающих женский интеллект на предмет гендерности. В нашей работе «Гендерный аспект устойчивых выражений, кодирующих женский интеллект», нам удалось выделить гендерно-маркированные единицы, относящиеся только к референту-женщине, и те единицы, обозначающие женский интеллект, которые могут быть отнесены к лицам обоих полов. Анализ показал, что пословицы и поговорки четко определяют

референта (женщина), а вот примеры из фразеологии и идиоматики, несмотря на то, что кодируют именно женский интеллект, могут быть отнесены и к референтам-мужчинам [Кормильцева 2014: 71].

В данной части работы мы взяли за основу гендерную классификацию, предложенную А.В. Кирилиной, и несколько дополнили ее в ракурсе нашего исследования. Проанализированный нами паремиологический материал показал следующее:

1) большая часть паремий различается по полу и отражает номинацию лиц, то есть, их внутренняя форма приложима к лицам женского пола (в нашем случае используются лексемы «woman», «wife», «женщина», «баба», «кума» и т. д.):

курица не птица, а баба не человек [Даль 1996, Т. 1: 66];

бабе хоть кол на голове теши [БСРП Мокиенко 2010: 28; Русский народ 2007: 74];

бабу сам черт обманет [БСРП Мокиенко 2010: 28];

бабе там место, где месят тесто [БСРП Мокиенко 2010: 28];

бабе волю дай, не унять [БСРП Мокиенко 2010: 28];

добрая кума живет и без ума [Даль 202, Т. 1: 794];

a woman is never without an excuse (у женщины всегда отговорки) [Dent 1984: 747];

many women many words (много женщин, много слов) [Соловьева 2014: 338];

the cleverest woman finds a need for foolish admirers (самая умная женщина нуждается в глупых поклонниках) [Соловьева 2014: 343];

women will have the last word (последнее слово всегда за женщинами) [Dictionary of proverbs 2005: 644].

2) паремии, имеющие только референта-женщину в силу внутренней формы, отсылающей к особенностям жизни женщин. Здесь представляется возможным выделить семь:

– ум и красота: *у нас женщины тем и сохраняют свою красоту, что никогда ничего не думают* (А.Н. Островский) [Шевляков 1999: 284]; *women are vain: they 'd rather be pretty than have a good brain*

(женщины слабы, они лучше будут симпатичными, чем умными) [American Proverbs 1998: 183];

– женский труд: *бабы хоромы недолго живут* [Даль 1996, Т. 1: 65]; *бабий ум – бабье коромысло: и криво, и зарубисто, и на оба конца* [Русский народ 2007: 73]; *знай, баба, свое кривое веретено, свое дело* [Даль 2001, Т. 1: 197]; *a woman's work is never done* (женской работе нет конца) [American Proverbs 1998: 84];

– особенности характера: *женское сердце что котел кипит* [Даль 1996, Т. 1: 67]; *a woman's mind and wind change oft* (ум женщины и ветер часто меняются) [Browning 1952: 444]; *a woman laughs when she can and weeps when she pleases* (женщина смеется, когда может, и плачет, когда ей вздумается) [Browning 1952: 482] и др.

3) группа, которая по внутренней форме может быть соотнесена с женщинами, но не исключает и мужского референта:

хоть на голове-то густо, да в голове-то пусто [БСРП Мокиенко 2010: 189; Даль 2002, Т. 1: 344];

личико беленько, да разуму маленько [БСРП Мокиенко 2010: 488];

long hair and short wit (волос долог, ум короток) [УАРС: 1520131].

4) группа, где есть парные противопоставления:

мужичий ум говорит: надо, бабий ум говорит: хочу [Даль 2002, Т. 2: 842];

мужик тянет в одну сторону, баба в другую [Даль 1996, Т. 1: 65]; *велика Федора, да дура, а Иван мал, да удал* [БСРП Мокиенко 2010: 2203];

men have many faults, poor women have but two, there's nothing right they say and nothing right they do (у мужчин много недостатков, у бедных женщин всего два: они ничего не говорят правильно и ничего не делают верно) [Соловьева 2014: 336];

women's instinct is often truer than men's reasoning (женская догадка часто более верна, чем мужская уверенность) [Grammar matters 1998: 184].

5) группа, где паремии содержат в себе рекомендации мужскому полу при выборе спутницы жизни:

хороша та жена, что и мужнины разумеет дела [Никитина];

жена не умна – дому проруха [Никитина];

behind every great man there's a great woman (за каждым великим мужчиной стоит великая женщина) [American Proverbs 1998: 83];

a good wife makes a good husband (у хорошей жены и муж молодец) [Dictionary of proverbs 2005: 242].

Проанализировав паремии, обозначающие женский интеллект, можно заключить, что пословицы и поговорки в обоих языках с обозначением интеллектуальных состояний лиц женского пола свидетельствует об их гендерном характере. В обоих языках есть свое отношение к мужчине и женщине. В языке прослеживаются определенные стереотипы, согласно которым определенные черты относятся только к референту-мужчине и другие – только к референту-женщине. Также следует сказать, что выявление гендерного потенциала, заложенного в паремиях определенного языка, имеет существенное влияние на понимание и интерпретацию (перевод) данных паремий носителями других языков, так как способствует их правильному восприятию.

3.4. Гендерно-маркированные афоризмы

Гендерный потенциал, заложенный в языке, позволяет существенным образом расширить уже имеющиеся знания, интерпретировать многие языковые модели конструирования знаний о мире.

В качестве материала для выявления гендерных стереотипов в данном параграфе нами использованы афористические единицы, ведь именно здесь заложены особенно информативные элементы суждений, возможно проследить, как и что говорят о женщинах.

Гендерные предубеждения в языке и речи зависят не только от биологического пола личности, но и от ее гендерного типа. Появление и существование гендерных стереотипов связано, прежде всего,

с понятиями «маскулинности» и «фемининности», заложенных в номинативной системе языка.

Афоризмы, в отличие от паремий (пословиц, поговорок) и фразеологизмов, имеют известное происхождение, могут быть ассоциированы с личностью автора. Афоризмами чаще всего выражается личный взгляд автора на какую-либо проблему, явление жизни и т. п. Заметим, что сложилось так, что большая часть афористов были мужчинами, поэтому, скорее всего, в них и присутствует андроцентрическая направленность. Интеллект женщины описывается с позиции мужского дискурса. Объяснение такому положению вещей можно встретить в афоризме *так как писать умели главным образом мужчины, все несчастья на свете были приписаны женщинам* (С. Джонсон) [Душенко 2001: 254]. Хотя, по мнению М.А. Алексеенко, «целесообразнее говорить не о дискриминации в языке, а о степени мужского или женского доминирования» [Алексеенко, Горизонты современной лингвистики 2009: 845].

Далее мы постараемся на примерах проследить степень представленности стереотипов гендерности в афоризмах, описывающих женский интеллект, определить наиболее информативные стороны данного явления, а также обратим внимание на высказывания самих женщин по этому поводу.

Анализируемый материал показал, что афористы чаще описывают негативные качества женского интеллекта, нежели положительные, а иногда вообще признают отсутствие последних. Этот факт находит свое подтверждение во множестве примеров: *у нас женщины тем и сохраняют свою красоту, что никогда ничего не думают* (А.Н. Островский) [Шевляков 1999: 284]; *женщина – милая нелепость* (Ф.М. Достоевский) [Борисов 2009: 13]; *некоторые женщины умнее других дур только тем, что осознают свою глупость. Разница между теми и другими только в том, что одни считают себя умными, оставаясь глупыми; другие признают себя глупыми, не становясь оттого умными* (В.О. Ключевский) [Борисов 2009: 32]; *у обыкновенной женщины ума столько, сколько у курицы, а у необыкновен-*

ной – сколько у двух (Конфуций) [Борисов 2009: 32]; *a woman's preaching is like a dog's walking on his hinder legs. It is not done well; but you are surprised to find it done at all* (S. Johnson) – читающая нравочения женщина сродни стоящей на задних лапах собаке: удивительно не то, что она этого не умеет, а то, что за это берется (С. Джонсон) [ЗСА 2000: 82].

Мужское мировидение выражается и в отношении к женской красоте, что явно не говорит о наличии ума: *никакой красотой женщина не сможет заплатить мужу за свою пустоту* (А.П. Чехов) [Шевляков 1999: 288]; удивительное дело, какая полная бывает иллюзия того, что красота есть добро. Красивая женщина говорит глупости, ты слушаешь, а не слышишь глупости, а слышишь умное. Она говорит, делает гадости, а ты видишь что-то милое (Л.Н. Толстой) [Борисов 2009: 17]; *глупая красота – не красота. Вглядишься в тупую красавицу, всмотришься глубоко в каждую черту лица, в улыбку ее, взгляд – красота ее превратится мало-помалу в поразительное безобразие* (И.А. Гончаров) [Борисов 2009: 18]; *если все будут жениться на умных, то что же делать с красивыми?* (Д. Рудый) [Соловьева 2014: 351]. Женский взгляд на это явление можем рассмотреть на примере высказывания *I hope people realize that there is a brain underneath the hair and a heart underneath the boobs* (я надеюсь, люди понимают, что под волосами есть мозги, а под одеждой сердце) (Dolly Parton) [Weekes 2007: 36]. Как видим, сами женщины уже свыклись с мыслью о том, что мужчины считают их глупыми.

Яркое выражение в афористическом фонде находит отношение мужчин к такому свойству женского интеллекта, как хитрость и лживость. Подтверждением тому могут служить афоризмы: *женщина обманет самое всевидящее око* (Ф.М. Достоевский) [Шевляков 1999: 334]; *Destructive, damnable, deceitful woman!* (Т. Отвай) (Разрушительная, омерзительная, обманчивая женщина!) [Соловьева 2014: 336].

Изворотливость женского ума также не остается без внимания: *если вы хотите узнать, что на самом деле думает женщина, смотрите на нее, но не слушайте* (О. Уайлд) [Душенко 2001: 253].

Многими афористами мнение о женском интеллекте выражается в сопоставлении, сравнении его с мужским, где достоинства женского ума умаляются, а мужского, наоборот, провозглашаются. Например:

женщины мыслят сердцем, а мужчины головой (В.Г. Белинский) [Борисов 2009: 48];

A man is a person who will pay two dollars for a one-dollar item he wants. A woman will pay one dollar for a two-dollar item she doesn't want (W. Binger) (мужчина заплатит два доллара за нужную ему вещь ценой в один доллар, женщина же заплатит один доллар за вещь, которая ей не нужна, ценой в два доллара) [Соловьева 2014: 340].

Если даже в афоризме признается, что женщины могут быть умными, то там же и подчеркивается значительная редкость данного явления:

совершенная женщина есть более высокий тип человека, чем совершенный мужчина, но и нечто гораздо более редкое (Ф. Ницше) [Борисов 2009: 11].

Хотя присутствует и положительная тенденция, некоторыми афористами признается, что женщина не уступает мужчине в интеллектуальном плане, а иногда и превосходит его:

женщина, в сущности, ближе к идеалу человека, чем мужчина (В. Гумбольдт) [Борисов 2009: 10].

Из достоинств женского интеллекта признается интуиция, или инстинкт. Мужчины со своей позиции не могут найти этому рациональное объяснение, поэтому предпочитают ироничные высказывания по этому поводу. Хотя некоторыми высказываниями все же подтверждается наличие женского ума, и интуиция рассматривается лишь как его полезное свойство:

предвидения и предчувствия будущих шагов жизни даются острым и наблюдательным умам вообще, женским в особенности, часто даже без опыта, заменой которому у тонких натур служит инстинкт (И.А. Гончаров) [Шевляков 1999: 207];

серьезное преимущество женщины перед мужчиной – это инстинктивная способность ее часто быстро и бессознательно угады-

вать вещи, до которых мужчина доходит только после продолжительного глубокого размышления (Г. Лебон) [Борисов 2009: 35];

женский инстинкт стоит прозорливости великих людей (О. де Бальзак) [Борисов 2009: 66];

a woman's guess is much more accurate than a man's certainty (R. Kipling) (женская догадка иногда более точна, чем мужская уверенность) [Соловьева 2014: 348].

Загадочность женской натуры также издавна волновала носителей «маскулинных» стереотипов:

женщина – или греза, или кошмар: и в обоих случаях она изменчива (И.И. Ясинский) [Шевляков 1999: 346];

women are like elephants to me: they're nice to look at, but I wouldn't want to own one (W.C. Fields) (женщина для меня что слоны: на них приятно смотреть, но не хотелось бы ими владеть) [The Guinness Book of Poisonous Quotes 1993: 326];

women are made to be loved, not understood (O. Wild) (женщин нужно любить, а не понимать) [The Guinness Book of Poisonous Quotes 1993: 327].

Женская болтливость, по мнению мужчин, также является следствием невысокого уровня интеллекта:

I haven't spoken to my wife in years, I didn't want to interrupt her (R. Dangerfield) (я не разговаривал со своей женой годами, я не хотел ее перебивать) [Соловьева 2014: 338];

чтобы найти с женщиной общий язык, нужно проглотить свой (В. Георгиев) [Соловьева 2014: 339];

the trouble with her is that she lacks the power of speech but not the power of conversation (G.B. Shaw) (ее проблема состоит в том, что она испытывает недостатки в речи, но не в разговоре) [The Guinness Book of Poisonous Quotes 1993: 331].

Интерес женщин к сплетням отражен в высказываниях афористов:

conversation is three women stand on the corner talking. Gossip is when one of them leaves (H. Shriner) (разговор бывает между тремя

женщинами, стоящими на углу; сплетни начинаются, когда одна из них уходит) [Соловьева 2014: 338].

Немало примеров открытого негативного отношения к женщинам:

хвали день, когда он прошел, женщину – когда она умерла (Ф.И. Буслаев) [Шевляков 1999: 337].

Осмелимся предположить, что мнение некоторых авторов насчет интеллекта лиц женского пола складывалось по индивидуальному опыту общения с конкретными женщинами, а нашло отражение в афоризмах, имплицитно негативные качества всем представительницам фемининности:

a woman never sees what we do for her; she only sees what we don't do (G. Courteline) (женщина никогда не видит того, что мы делаем для нее, она видит только то, что мы не делаем) [The Guinness Book of Poisonous Quotes 1993: 326];

modern women understand everything except their husbands (современные женщины понимают всё и всех, кроме своих мужей) (O. Wild) [The Guinness Book of Poisonous Quotes 1993: 247].

Вышесказанное можно подтвердить словами В.И. Курбатова: «Что женщина существо неординарное – об этом не догадывается только совершенно погрязший в самолюбовании идиот. Но при этом практически для всех мужчин (и самых обычных, и самых прозорливых) при проникновении в загадку женщины свойственно до предела упрощать проблему. Точнее сказать, упрощать проблему до уровня собственного понимания (или непонимания)» [Курбатов 1993: 10].

Гендерные стереотипы формировались веками, складывались определенные взгляды общества на то, каковы атрибуты женщины, какими свойствами они должны обладать в обществе, каковы ее обязательства перед мужчинами. Один из взглядов на то, какой должна быть женщина, не предполагает в ней наличие учености:

a man is in general better pleased when he has a good dinner upon his table, than when his wife talks Greek (S. Johnson) [Соловьева 2014: 348] – как правило, мужчине приятнее видеть накрытый

к обеду стол, чем слышать, как его жена говорит по-гречески (С. Джонсон) [ЗСА 2000: 81];

Do you think it pleases a man when he looks into a woman's eyes and sees a reflection of a British Museum Reading Room? (М. Spark) (Вы думаете, что, когда мужчина смотрит женщине в глаза, ему нравится видеть там отражение читального зала Британского музея?) [Соловьева 2014: 349].

В некоторых высказываниях говорится о том, что этого даже стоит опасаться:

легкомысленная женщина обманет вас легкомысленно, а серьезная обманет серьезно (А. Рошфор) [Борисов 2009: 61].

Стоит отметить, что афористами признается существование проблемы социального принижения женщины. Так, общей особенностью афоризмов, в отличие от пословиц, можно назвать тенденцию к здоровому равенству мужчины и женщины:

оскорблять женщину, ее человеческую натуру, творчество бога значит прямо и грубо отказать ей в правах на равенство с мужчиной, на что женщины справедливо жалуются (И.А. Гончаров) [Шевляков 1999: 155];

женщина – царица общества; общество без женщины – книга с белыми листами (Д. Минаев) [Шевляков 1999: 152].

Так, по мнению Е.П. Ильина, «женщины ... служат главным объектом оттачивания мужчинами своего остроумия и злословия. Таким образом, женщины занимают в общественном сознании особое место, выделяющее их, в противоположность мужчинам, из «вообще» людей» [Ильин 2010: 11].

Еще одной чертой афоризмов, посвященных описанию женского интеллекта, является то, что зачастую признается тот факт, что самой женщине выгоднее выглядеть перед мужчиной глупо:

как может женщина быть счастлива с мужчиной, считающим ее совершенно разумным существом? (О. Уайльд) [Борисов 2009: 39];

приятно, когда она слегка глупее, чем в действительности (Г. Малкин) [Соловьева 2014: 352];

слава Богу, что Он создал Еву не из мозговой косточки (Г. Малкин) [Соловьева 2014: 352].

Этот факт подтверждается и самими женщинами:

I put on my silly face and do what they expect me to do (Cass Elliot) (я натягиваю на себя глупую маску и делаю то, что они от меня ожидают) [Weekes 2007: 35];

any girl can be glamorous. All you have to do is stand still and look stupid (Hedy Lamarr) (любая девушка может быть модной. Все, что нужно, это стоять тихо и выглядеть глупо) [Weekes 2007: 36].

Как пишет И.С. Кон, «традиционно мужские свойства и образцы поведения невольно принимаются и выдаются за универсальные» [Кон 1980: 47]. Мужская картина мира, выраженная в афористическом фонде русского и английского языков, служит тому подтверждением.

Итак, анализ показал, что:

- в афоризмах русского и английского языков находит свое преломление гендерный аспект;
- афоризмы обоих языков выражают преимущественно мужской взгляд на проблему женского интеллекта;
- некоторые гендерные стереотипы, по данным афористики, признаются и принимаются самими женщинами;
- наибольшее количество афоризмов описывают негативные стороны женского интеллекта, хотя просматривается и положительная тенденция.

Выводы по Главе 3

В данной главе был представлен комплексный анализ русских и английских паремий, фразеологизмов и афоризмов на предмет гендерности. Современным русскому и английскому языку свойственно преобладание в фонде устойчивых выражений единиц фемининной направленности, что говорит о значимости женщины в различных сферах жизнедеятельности, интересе к женскому образу со стороны

общества. В нашем материале в большей степени фиксируются негативные интеллектуальные характеристики. Анализ устойчивых выражений свидетельствует о высокой доле ментально отрицательных признаков женского интеллекта в сознании носителей двух разноструктурных языков.

В ходе анализа русских и английских фразеологизмов выявлены фразеологизмы с явным гендерным потенциалом, ввиду номинации лиц женского пола; фразеологизмы с женской семантикой, использующие фемининную лексику; фразеологизмы без ярко выраженной гендерной окраски, применяемые к лицам обоих полов. Анализ показал, что гендерный аспект языка находит свое вербальное выражение во фразеологизмах сравниваемых языков; фразеологические единицы с явной гендерной окраской преобладают в русском языке ввиду наличия широкого спектра номинаций глупой женщины (баба, дура, курица, блондинка и т. п.); большая часть фразеологических единиц английского языка обозначает глупого человека вообще, то есть не несет явной гендерной асимметрии.

Паремии обоих языков, обозначающие женский интеллект (половицы и поговорки), имплицитно женщинам неспособность мыслить рационально, логически. Они отражают преимущественно отрицательные черты женского ума (легкомысленность, инфантильность, импульсивность), но обладают гендерным потенциалом. Большая часть паремий различается по полу и отражает номинацию лиц (используются лексемы «женщина», «баба», «кума», «woman», «wife» и т. д.). Некоторые паремии имеют только референта-женщину в силу внутренней формы, отсылающей к особенностям жизни женщин (ум и красота, женский труд, особенности характера и др.). Нами выделена группа, которая по внутренней форме может быть соотнесена с женщинами, но не исключает и мужского референта; группа, где есть парные противопоставления (мужчина – женщина); группа, где паремии содержат в себе рекомендации мужскому полу при выборе спутницы жизни.

Анализ афористических высказываний показал, что в афоризмах русского и английского языков также находит свое преломление гендерный аспект. Афоризмы обоих языков выражают преимущественно мужской взгляд на проблему женского интеллекта, а некоторые гендерные стереотипы, по данным афористики, признаются и принимаются самими женщинами, что подтверждается высказываниями авторов женского пола. Большая часть афоризмов описывает негативные черты женского интеллекта, хотя просматривается и положительная тенденция.

Также можем сделать вывод о том, что гендерные предпосылки, определяющие в языковом материале стереотипы «мужского» и «женского», обладают как общечеловеческой универсальностью, так и определенной национально-культурной спецификой, что проявляется в использовании определенных лексем, зачастую территориально и культурно маркированных.

На основании анализа устойчивых выражений, обозначающих женский интеллект в русском и английском языках, можно заключить, что в гендерной картине мира обоих языков образ женщины формируется за счет таких понятий, как «глупая», «недалекая», «инфантильная», «неадекватная», «хитрая», «поверхностная»; реже «мудрая», «догадливая», «разумная». Женскому интеллектуальному образу предписываются в большей степени негативные качества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В монографии представлена комплексная характеристика русских и английских фразеологических единиц, паремий и афоризмов, вербализующих понятие о женском интеллекте в сопоставляемых языках.

В работе были привлечены теоретические и практические труды сразу нескольких научных направлений: фразеологии (А.В. Кунин, Н.М. Шанский, В.П. Жуков и др.), в том числе сопоставительной фразеологии в трудах ученых Казанской лингвистической школы (Л.К. Байрамова, Е.Ф. Арсентьева и др.); паремиологии (Г.Л. Пермяков, З.К. Тарланов и др.); исследований в области лингвострановедения (Ф.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, В.Г. Томахин и др.); афористики (А.В. Бондарко, Е.Н. Гаврилова, Л.В. Успенский и др.).

Вслед за Н.Н. Семененко мы предложили широкое понимание устойчивых выражений, то есть тот языковой материал, который фиксируется в словаре, а не создается каждый раз заново по грамматическим правилам, любые устойчивые и воспроизводимые в языке и речи как единое целое лексические сочетания, обладающие формой словосочетания либо предложения. Объединяющий признак для всех перечисленных единиц – устойчивость.

Исследование проводилось по двум направлениям. В рамках первого направления осуществлялось лексико-семантическое описание и интерпретация способов выражения представлений о женском уме и глупости в русской и английской ментальности, которое заключалось в анализе лексико-семантической структуры устойчивых выражений, выделении ядерных лексем, семантических соотношений, ментальных признаков и категории оценки.

Анализ показал, что носители определенной ментальности (в данном случае русские и англичане) связывают интеллектуальные характеристики лиц женского пола, их умственные и мыслительные способности с другими различными качествами, присущими человеку. Например: «красивая женщина – глупая женщина», «глупая жен-

щина – непостоянная женщина», «глупая женщина – эмоциональная женщина», «глупая женщина – хитрая женщина», «умная женщина – разумная женщина», «умная женщина – мудрая женщина» и др. Нам удалось выделить следующие семантические соотношения в устойчивых выражениях русского и английского языков, указывающие на наличие либо отсутствие интеллекта у лиц женского пола: интеллект женщины – ее красота; интеллект женщины – ее непостоянство; интеллект женщины – нелогичность ее размышлений; интеллект женщины – ее загадочность; интеллект женщины – ее эмоциональность; интеллект женщины – ее неадекватное поведение; интеллект женщины – ее инфантильность; интеллект женщины – ее несдержанность; интеллект женщины – ее изворотливость; интеллект женщины – ее хитрость; интеллект женщины – ее расточительность; интеллект женщины – ее образованность; интеллект женщины – ее лживость; интеллект женщины – ее упрямство; интеллект женщины – ее самодовольство; интеллект женщины – ее род занятий; интеллект женщины – ее глупость; интеллект женщины – ее интуиция; интеллект женщины – ее догадливость; интеллект женщины – ее цепкость; интеллект женщины – ее разумность; интеллект женщины – ее мудрость; интеллект женщины – ее добродетель.

Анализ лексической составляющей устойчивых выражений показал уникальность понятийного содержания данной сферы окружающей действительности в русском и английском менталитете. Фразеологические образы, используемые в русском и английском языках для характеристики интеллектуальных состояний женщины, имеют как межнациональный (общечеловеческий), так и этнокультурный характер. Был выявлен широкий выбор наименований женщины в русском языке и довольно узкий круг лексем в английском. Проанализированы различные способы метафорической номинации женщины и женского ума, среди которых выделяются: домашние животные; незнакомое и недостижимое; библейские или мифологические образы; неодушевленные образы; атрибуты женского труда; имена собственные и др.

Также мы пришли к выводу, что в обозначении интеллектуальных способностей женщины средствами фразеологии, паремиологии и афористики между сопоставляемыми языками имеются определенные сходства, заключающиеся в употреблении в составе устойчивых выражений слов тех или иных лексико-семантических групп: зоонимов, названий конкретных предметов, имен собственных, различных прилагательных и т. д. Анализ показал, что лексемы «женщина», «баба», «жена» и “woman”, “wife” схожи по значению в сопоставляемых языках, что можно объяснить единым происхождением и единым смыслом, заложенным в указанных лексемах. Также образность или метафоричность мышления обладают некой универсальностью. Однако выявляется и своеобразие или уникальность употребления отдельных слов-символов в устойчивых выражениях. Так, уникальной чертой русских пословиц и фразеологизмов является замена лексемы «женщина» лексемами «баба», «дура», «кума» и др., при этом отмечается многочисленное образное уподобление («курица», «ослица» и т. п.).

Исследовав семантику устойчивых выражений, обозначающих женский интеллект, мы пришли к выводу, что доказано существование лексического поля, где устойчивые выражения, обозначающие женский интеллект, могут быть выделены в отдельный класс единиц русского и английского языков благодаря наличию в них определенных для данного класса системных признаков и связей. Данные устойчивые выражения подразделяются нами на следующие лексико-семантические группы и подгруппы: «Женщина», включающая в себя подгруппы «Атрибуты лиц женского пола», «Характеристика лиц женского пола», «Родственные отношения»; а также «Имя собственное» и «Метафорические наименования лиц женского пола».

Семантические соотношения, демонстрирующие низкий уровень интеллекта у лиц женского пола, представлены в обоих из сопоставляемых языков. Все же стоит отметить количественное преобладание единиц английского языка в семантической группе «несдержанность». Что касается семантических групп, указывающих на

наличие женского ума, то здесь мы можем наблюдать некие различия: семантическая группа «разумность» представлена только русскоязычными примерами, ввиду наличия в них лексического компонента «разумный», эквивалента которого в англоязычных примерах выявлено не было.

Семантическое описание предполагает разделение материала на два полюса: «ум» и «глупость», что мы именуем ментальными признаками выражений, обозначающих женский интеллект. Они включают в себя дополнительные признаки «инфантильность», «изворотливость», «бестолковость», «упрямство», «мудрость», «разумность» и др. Анализ данных ментальных признаков показал, что: 1) женщинам имплицитно неспособность мыслить рационально, а наличие «женского ума» неженственно и нетипично; 2) признак «ум / wit» реализуется через сочетаемостные признаки «интуиция / intuition», «инстинкт / instinct», «мудрость / wisdom», «догадливость / shrewdness», а не «интеллект / intellect», в то время как выбор сочетаемостных признаков при актуализации признака «глупость / stupidity» достаточно разнообразен; 3) выражения, говорящие о наличии женского ума, не всегда несут в себе положительную оценку данного явления (*blue stocking*), а также отражают преимущественно отрицательные черты женского ума и те умственные качества, которые традиционно считаются типично женскими (легкомысленность, инфантильность, импульсивность).

Среди указанных семантических групп прослеживается явная оценка того, что излагается в устойчивом выражении. В русском языке таких единиц представлено гораздо больше, чем в английском, что, вероятно, говорит о более ярко выраженной оценочной направленности русского менталитета.

Анализ материала с точки зрения оценочности показал преобладание отрицательной группы единиц в обоих языках, а также выявил группу с так называемой двойкой оценочностью. Результаты анализа определили схожесть в компоненте оценки в сравниваемых языках, но в тоже время выявлена и некая асимметрия. Это проявляется

в том, что в качестве идентификаторов положительной оценочности в русском языке можно использовать наличие в выражениях таких прилагательных, как «умный», «мудрый», «догадливый», в то время как положительная коннотация английских выражений чаще просматривается через смысловое значение выражения, то есть часто невозможно выделить подобный идентификатор. Также следует отметить, что стилистические показатели оценочного отношения могут не совпадать в словарях различных авторов. Одни и те же выражения, например, могут рассматриваться как имеющие отрицательное или нейтральное значение.

Итак, проведенный лексико-семантический анализ показывает, что лексическое поле «женский интеллект» системно организовано, его структура схожа в русской и английской культуре, что объясняется антропоцентризмом семантики, общечеловеческим взглядом на окружающий мир и самого человека, общностью мифологических представлений и интернациональных источников заимствования.

Второе направление исследования было направлено на выявление гендерного потенциала выражений, попадающих в поле анализа. Паремии, фразеологизмы и афоризмы в обоих языках с обозначением интеллектуальных состояний лиц женского пола свидетельствует о гендерном характере этих выражений. Представленный материал подразделяется на те выражения, которые могут быть применены только к лицам определенного пола (женщина), в зависимости от их внутренней формы, и выражения, применимые к лицам обоих полов, несмотря на то что их внутренняя форма отсылает к женскому референту.

Анализ гендерной окрашенности исследуемого материала показал, что современным русскому и английскому языкам свойственно преобладание в фонде устойчивых выражений единиц фемининной направленности, что говорит о значимости женщины в различных сферах жизнедеятельности, интересе к женскому образу со стороны общества. В нашем материале в большей степени фиксируются негативные интеллектуальные характеристики женщины, но в то же вре-

мя наблюдается признание значимости женской интуиции, наличие женской мудрости, разумности. Анализ устойчивых выражений свидетельствует о высокой доле ментально отрицательных признаков женского интеллекта в сознании носителей двух разноструктурных языков. Это объясняется андроцентричностью, ведь большинство из них возникло в далеком прошлом, когда мужчина доминировал практически во всех сферах жизнедеятельности, а женщине отводилась второстепенная роль.

При анализе русских и английских фразеологизмов нами были выявлены фразеологизмы с явным гендерным потенциалом ввиду номинации лиц женского пола; фразеологизмы с женской семантикой, использующие фемининную лексику; фразеологизмы без ярко выраженной гендерной окраски, применяемые к лицам обоих полов. Фразеологические единицы с явной гендерной окраской преобладают в русском языке ввиду наличия широкого спектра номинаций глупой женщины (баба, дура, курица, блондинка и т. п.). Что касается фразеологизмов английского языка, то их большая часть обозначает глупого человека вообще, то есть не несет явной гендерной асимметрии.

Паремии анализируемого поля отражают преимущественно отрицательные черты женского ума (легкомысленность, инфантильность, импульсивность), но обладают гендерным потенциалом. Большая часть паремий различается по полу и отражает номинацию лиц (используются лексемы «женщина», «баба», «кума», «woman», «wife» и т. д. Гендерные предпосылки, определяющие в языковом материале стереотипы «мужского» и «женского», обладают как общечеловеческой универсальностью, так и определенной национально-культурной спецификой, что проявляется в использовании определенных лексем, зачастую территориально и культурно маркированных. Некоторые паремии имеют только референта-женщину в силу внутренней формы, отсылающей к особенностям жизни женщин (ум и красота, женский труд, особенности характера и др.). Выделяется группа, которая по внутренней форме может быть соотнесена с женщинами, но не исключает и мужского референта; группа, где есть

парные противопоставления (мужчина – женщина); группа, где паремии содержат в себе рекомендации мужскому полу при выборе спутницы жизни.

В афоризмах русского и английского языков выражается преимущественно мужской взгляд на проблему женского интеллекта, а некоторые гендерные стереотипы, по данным афористики, признаются и принимаются самими женщинами, что подтверждается высказываниями авторов женского пола. Большая часть афоризмов описывает негативные черты женского интеллекта, хотя просматривается и положительная тенденция.

Список сокращений и условных обозначений

ЖИ – женский интеллект

ЛСГ – лексико-семантическая группа

ЛСП – лексико-семантическая подгруппа

см. – смотрите

ФЕ – фразеологическая единица

ЯКМ – языковая картина мира

ЛИТЕРАТУРА

Научная литература

1. *Абаева М.К.* Фразеологизмы со значением интеллектуальной деятельности с позиции когнитивной теории: автореф. ... дисс. канд. филол. наук. – Алматы, 2008. – 28 с.

2. *Адолина Л.В.* Специфика концепта «женщина» в русском языковом сознании: гендерный аспект // Ментальность и изменяющийся мир: коллективная монография: к 75-тилетию проф. В.В. Колесова / отв. ред. М.В. Пименова. – Севастополь: Рибэст. – 2009. – 504 с.

3. *Акопян К.В.* Прилагательные со значением ментальности в системе английского и русского языков: дисс. ... канд. филол. наук. – Москва, 2005. – 195 с.

4. *Алдаибани Ареф Али Салах.* Фразеологические единицы, выражающие интеллектуальные способности человека в английском и русском языках: дисс. ... канд. филол. наук. – Казань, 2003. – 199 с.

5. *Алексеев М.А.* Негативен ли образ женщины в языке // Слово в словаре и дискурсе: Сборник научных статей к 50-летию Харри Вальтера. – М.: ООО "Издательство "Элпис", 2006. – С. 22–30.

6. *Алексеев М.А.* Феминизмы в лексико- и фразеографическом отражении // Славянские языки в свете культуры: Сборник научных статей. – М.: ООО "А Темп", 2006. – С. 146–159.

7. *Алексеев М.А.* Концепт «женщина» в русской диалектной речи // Субстандартные варианты славянских языков. Избранные статьи / ред. А. Бирих. Heidelberg Publikationen zur Slavistik. Linguistische Reihe. Band 17. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009. – С. 59–75.

8. *Алексеев М.А.* Кто же кого «дискриминирует» в языке? Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е.С. Кубряковой. М.: Языки славянских культур, 2009. – 856 с. – С. 835–846.

9. *Алефиренко Н.Ф.* Современные проблемы науки о языке: учебное пособие / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 416 с.
10. *Алефиренко Н.Ф.* Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: монография. – М.: Изд-во «Эллипс», 2008. – 271 с.
11. *Алефиренко Н.Ф., Семененко Н.Н.* Фразеология и паремиология: Учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
12. *Алехина А.И.* Фразеологическая единица и слово: К исследованию фразеологической системы. – Мн.: Изд-во БГУ, 1979. – 152 с.
13. *Алпатов В.М.* Предварительные итоги лингвистики XX века // Лингвистика на исходе XX: итоги и перспективы. Тезисы междунар. конф. Т. 1. – М.: МГУ, 1995. – С. 16–18.
14. *Аминова А.А.* Аксиологические особенности концепта «женщина» в русском, английском и татарском языках / А.А. Аминова, А.Н. Махмутова // Сопоставительная филология и полилингвизм: сб. науч. тр.; Казан. гос. ун-т. – Казань, 2003. – С. 19–26.
15. *Апресян Ю.Д.* Избранные труды, том I. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. – М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 472 с.
16. *Апресян Ю.Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного анализа // Вопросы языкознания. 1995. № 1. – С. 37–67.
17. *Арсентьева Е.Ф.* Сопоставительный анализ фразеологических единиц, выражающих характер человека, в английском и русском языках: дисс. ... канд. филол. наук. – Казань, 1983. – 213 с.
18. *Арсентьева Е.Ф.* Сопоставительный анализ фразеологических единиц: (На материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека в английском и русском языке). – Казань, 1989. – 123 с.
19. *Арсентьева Е.Ф.* Сопоставительный анализ фразеологических единиц, ориентированных на человека в русском и английском языках, и вопрос создания русско-английского фразеологического словаря: дисс. ... д-ра филол. наук. – Казань, 1993. – 329 с.

20. *Арсентьева Е.Ф.* Когнитивная лингвистика и категория оценки во фразеологии // Материалы 1 Межд. школы-семинара по когнитивной лингвистике, 26–30 мая 1998г. в 2 ч. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1998. – С. 4–5.

21. *Артемова А.В.* Эмотивно-оценочная объективация концепта «женщина» в семантике фразеологических единиц (на материале английской и русской фразеологии): дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2000. – 177 с.

22. *Артемова А.Г.* Сборник афоризмов жителей Урала. – Екатеринбург, 2001. – 317 с.

23. *Арутюнова Н.Д.* Аксиология в механизмах жизни и языка / Арутюнова Н.Д. // Проблемы структурной лингвистики 1982. – М.: Наука, 1984. – С. 5–23.

24. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

25. *Бабкин А.М.* Идиоматика и грамматика в словаре // Современная русская лексикография. 1980. – Л., 1981. – С. 5–43.

26. *Байрамова Л.К.* Введение в контрастивную лингвистику: Учебное пособие. / Л.К. Байрамова. – Издание второе, дополненное и переработанное. – Казань: Изд-во КГУ, 2004. – 216 с.

27. *Байрамова Л.К.* Лингвистические лакунарные единицы и лакуны // Вестник Челябинского гос.ун-та. – 2011. – № 25 (240). – Филология и искусствоведение. Вып. 58. – С. 22–27.

28. *Бакушева Е.М.* Социолингвистический анализ речевого поведения мужчин и женщин (На материале французского языка): дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1995. – 197 с.

29. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.

30. *Балли Ш.* Французская стилистика. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. – 364 с.

31. *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Аспекты теории фразеологии. – М.: Знак, 2008. – 656 с.

32. *Барашкина Е.А.* Метафоризация как способ языковой номинации компонентов ментальной сферы: дисс. ... канд. филол. наук. – Самара, 2008. – 190 с.
33. *Барсукова О.В.* Изучение особенностей и причин подростковой лжи / О.В. Барсукова // Молодой ученый. – 2012. – № 2. – С. 216–219.
34. *Бартминьский Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / Пер. с польского. – М.: Индрик, 2005. – 528 с.
35. *Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социоллингвистика. Учебник для вузов. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 315 с.
36. *Белозерова Ф.М.* Фразеологические единицы с компонентами-наименованиями лица по социально-профессиональному признаку в современном английском языке (в сопоставлении с русским): дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1981. – 237 с.
37. *Богуславский И.М.* Словарная статья *понимать* // Толково-комбинаторный словарь русского языка. Опыт семантико-синтаксического описания лексики. – Вена, 1984. – С. 623–633.
38. *Бодуэн де Куртэне И.А.* Количественность в языковом мышлении // Избранные труды по общему языкознанию / И.А. Бодуэн де Куртэне. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 2. – С. 311–324.
39. *Бондарко А.В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии: монография. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 208 с.
40. *Брандт Г.А.* Природа женщин как проблема: Концепция феминизма // Общественные науки и современность. 1998. № 2. – С. 167–189.
41. *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Высшая школа, 1997. – 574 с.
42. *Бусурина Е.В.* Лингвокультурема «дурак» в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2004. – 209 с.

43. *Васильева Е.В.* Концептуальная оппозиция «индивидуальная группа» в языковой картине мира: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2001. – 164 с.
44. *Васькова О.А.* Гендер как предмет лексикографического описания: На материале фразеологии: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 177 с.
45. *Васюк В.В.* Концепт «женщина» в статике и динамике фразеологии английского языка: дисс. ... канд. филол. наук / МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2002. – 145 с.
46. *Верещагин Е.М.* Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров – М.: Книга по Требованию, 2012. 320 с.
47. *Виноградов В.В.* Избранные труды: лексикология и лексикография / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1977. – 312 с.
48. *Волобуева О.Н.* Концептуальное поле «человек и его интеллект» в русской и английской фразеологии: дисс. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2011. – 268 с.
49. *Володина Н.В.* Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.ru/books?id=2bqjAAAAQBAJ&pg=PT31&dq> (дата обращения 4.01.2015).
50. *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. – М., 2008. – 280 с.
51. *Воркачев С.Г.* Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Изв. РАН. Сер. лит. и яз., 2001. Т. 60. № 6. – С. 47–58.
52. *Гаврилова Е.Н.* Универсальные высказывания и другие обобщающие суждения // Филол. науки. 1986, № 3. – С. 56–62.
53. *Гак В.Г.* К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1972. – С. 367–395.
54. *Гак В.Г.* Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 11–26.
55. *Гак В.Г.* Валентность // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

56. *Гак В.Г.* Понятие «голова» и его отражение в русском языке // Русский язык в СНГ, 1992. – № 10–12. – С. 27–33.

57. *Гак В.Г.* Пространство мысли (опыт систематизации слов ментального поля) // Логический анализ языка: Ментальные действия / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева. – М.: Наука, 1993. – С. 22–40.

58. Гендер в британской и американской лингвокультурах: монография / Е.С. Гриценко, М.В. Сергеева, А.О. Лалетина, А.А. Бодрова, Л.Г. Дуняшева: под. бщ. ред. Е.С. Гриценко. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 224 с. – [Гриценко, Сергеева и др. 2011].

59. Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е.С. Кубряковой. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 856 с.

60. *Городецкая И.Е.* Фразеологизмы-соматизмы в русском и французском языках: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2007. – 28 с.

61. *Горошко Е.И.* Особенности мужского и женского вербального поведения (психолингвистический анализ): автореф. дисс. ... канд. фил. наук. – М., 1996. – 24 с.

62. *Горошко Е.И.* Пол, гендер, язык. Женщина, гендер, культура. – М.: МЦГИ, 1999. – 368 с.

63. *Горошко Е. И.* Языковое сознание: гендерная парадигма: Монография – М. – Харьков: Издательский дом "ИНЖЕК", 2003. – 440 с.

64. *Гришанович А.* Эмоциональный интеллект [Электронный ресурс]. URL: <http://homeclass.ru/navyki/emocionalnyy-intellekt-i-kompetentnost-v-upravlenii-svoimi-i-chuzhimi-emociyami.html> (дата обращения 7.10.2014).

65. *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.

66. *Гумбольдт В.* Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. – М., 1985. – 451 с.

67. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17.

68. Дубровская О.Г. Лингвокультурологический аспект сопоставительного исследования русских и английских пословиц об уме и глупости: дисс. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2000. – 259 с.

69. Ефремов В.А. Динамика русской языковой картины мира: вербализация концептуального пространства «мужчина-женщина»: дисс. ... д. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2010. – 407 с.

70. Жевайкина Ю.В. Когнитивные аспекты идиоматики (На материале семантического поля «безумие» в современном русском языке): дисс. ... канд. филол. наук. – Ульяновск, 2004. – 215 с.

71. Жуков В.П. Русская фразеология: учебное пособие для филологических специальностей вузов. – М.: Высш. школа, 1986. – 105с.

72. Залялеева А.Р. Сопоставительный анализ английских и русских пословиц и поговорок с компонентами мужчина и женщина / А.Р. Залялеева // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Междунар. науч. конф. (Казань, 11–13 дек. 2001 г.): Труды и материалы: в 2 т. / под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – Т. 2. – С. 105–107.

73. Заморева А.В. Репрезентация концепта «общая оценка» в современном русском языке (системно-структурный, когнитивный и функционально-прагматический аспекты анализа): автореф. дисс. ... канд. фил. наук. – Уфа, 2007. – 25 с.

74. Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. Под ред. Е.А. Земской и Д.Н. Шмелева. – М.: Наука, 1993. – С. 90–136.

75. Зиновьева Е.С. Языковые механизмы конструирования маскулинности и феминности в дискурсе глянцевого журналов: дис. ... канд. филол. наук. – Ярославль, 2018. – 235 с.

76. *Ибрагимова В.Л.* К вопросу о строении лексико-семантических групп: на материале глаголов перемещения и пространственного положения // Исследования по семантике. – Уфа: Изд-во Башкир. ун-та, 1988. – 318 с.

77. *Ильин Г.Л.* Гендерная педагогика: понятие «гендер» и его влияние на воспитание детей: учебное пособие // Министерство образования и науки Российской Федерации, Московский педагогический государственный университет. – М.: МПГУ, 2016. – 44 с.

78. *Ильин Е.П.* Пол и гендер. – СПб.: Питер, 2016. – 688 с.: ил. (Серия «Мастера психологии»)

79. *Иомдин Б.Л.* Механизмы понимания в русской и английской картинах мира // Труды международного семинара Диалог'2000 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. – Протвино, 2000. – Том 1. – С. 114–120.

80. *Иомдин Б.Л.* Лексика иррационального понимания: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2002. – 24 с.

81. *Калашник В.С.* Афористическое высказывание как семантический и стилистический компонент речи // Материалы Республиканской научной конференции «Германистика. Риторика. Стилистика». – МГЛУ, 1994. – С. 64–72.

82. *Картушина Е.А.* Гендерные аспекты фразеологии в массовой коммуникации: дисс. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2003. – 175 с.

83. *Кирилина А.В.* Гендерные стереотипы по данным языка // Гендер: лингвистические аспекты. – М.: Институт социологии РАН, 1999. – 180 с. – С. 105–162.

84. *Кирилина А.В.* Гендерные аспекты, языка и коммуникации: дисс. ... док. филол. наук / А.В. Кирилина; МГЛУ. – М., 2000. – 330 с.

85. *Кирилина А.В.* О применении понятия «гендер» в русскоязычном лингвистическом описании // Филологические науки, 2000. № 3. – С. 18–27.

86. *Кириллова И.В.* Языковая репрезентация концепта «глупость» в русской паремиологической картине мира / И.В. Кириллова // Актуальные проблемы лингвистического образования: Сб. матер.

V-й Международной науч. конф. / отв. ред. А.В. Карышева. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2009. – С. 179–182.

87. *Кириллова И.В.* Выражение когнитивной оппозиции концептов «ум», и «глупость» в русских и чешских пословицах / И.В. Кириллова/ Вестник МГОУ – Русская филология №4, 2010. – С. 64–67.

88. *Кобозева И.М.* Мысль и идея на фоне категоризации ментальных имен // Логический анализ языка: Ментальные действия. – М.:, 1993. – С. 95–104.

89. *Ковальчук Л.В.* Лингвокультурные особенности концепта «женщина» – «frau» в русских и немецких фразеологизмах // Вестник Челябинского государственного университета. № 39 (177). Филология. Искусствоведение. Вып. 38. – Челябинск, 2009. – С. 93–96.

90. *Колишанский Г.В.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. – М.: Наука, 1975. – 231 с.

91. *Кон И.С.* Психология старшеклассника. – М.: Просвещение, 1980. – 192 с.

92. *Кондратьева О.Н.* Концепты внутреннего мира человека в русских летописях (на примере концептов душа, сердце, ум): дисс. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2004. – 205 с.

93. *Коноплева Н.В.* Фразеологические единицы, характеризующие лиц мужского пола, в английском и русском языках: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Казань, 2009. – 23 с.

94. *Кормильцева А. Л.* Семантические особенности репрезентации концепта «женский интеллект» в устойчивых выражениях английского и русского языков // Сборник научных трудов SWorld. Материалы международной научно-практической конференции «Современные направления теоретических и прикладных исследований'2013», Выпуск 1. Том 23. – Одесса: КУПРИЕНКО, 2013. 102 с. – С. 56–61.

95. *Кормильцева А. Л.* Оценочный компонент в устойчивых выражениях английского и русского языков с концептом «женский интеллект» // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики: Материалы международ-

ной заочной научно-практической конференции (22 ноября 2013г.): сборник научных трудов. – Елабуга: Изд-во ЕИ КФУ, 2013. 308 с. – С. 101–102.

96. *Кормильцева А.Л.* Гендерный аспект устойчивых выражений, кодирующих женский интеллект, в английском и русском языках // Сборник научных трудов SWorld. – Выпуск 1. Том 21. – Одесса: КУПРИЕНКО СВ, 2014. – 96 с. – С. 69–73.

97. *Кормильцева А.Л.* Выражение интеллектуального уровня лиц женского пола в пословицах русского и английского языков // Филология и культура. – № 4(38) (Лингвистика). – Казань, 2014. – С. 125–128.

98. *Кормильцева А. Л., Тарасова Ф. Х.* Гендерно-маркированные паремии, кодирующие женский интеллект // В мире научных открытий. – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2014. № 5(53) (Проблемы науки и образования). – С. 107–113.

99. *Коротун О.В.* Образ-концепт внешний человек в русской языковой картине мира: дисс. ... канд. филол. наук. – Омск, 2002. – 193 с.

100. *Кравцова Н.М.* Оценочная категоризация интеллектуальных способностей человека в современном английском языке: дисс. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2008. – 197 с.

101. Красивая женщина и интеллект [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nomad.su/?a=8-201004130002> (дата обращения 7.07.2014).

102. *Краснова Т. И.* Субъективность – Модальность (материалы активной грамматики). – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2002. – 189 с.

103. *Кремер Л.А.* О проблеме взаимодействия языка и гендера // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – Том 27, № 2, 2017. – С. 280–286.

104. *Кругликова Л.Е.* Структура лексического и фразеологического значения. – М.: Наука, 1988. – 83 с.

105. *Кругликова Л.Е.* Синонимический ряд «глупый человек» в истории русского языка // Слово во времени и пространстве: К 60-летию проф. В.М. Мокиенко. – СПб., 2000. – С. 96–113.
106. *Крюков А.В.* Концептуализация интеллектуальных характеристик человека (на материале русского и английского языков): дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2005. – 176 с.
107. *Кубрякова Е.С.* и др. Краткий словарь лингвистических терминов. – М.: МГУ, 1996. – 245 с.
108. *Кунин А.В.* Английская фразеология: теоретический курс. – М.: Высшая школа, 1970. – 344 с.
109. *Кунин А.В.* Фразеология современного английского языка. – М.: Международные отношения, 1996. – 183 с.
110. *Кунин А. В.* Курс фразеологии современного английского языка: учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. 3-е изд. стереотип. – Дубна: Феникс+, 2005. – 488 с.
111. *Курбатов В. И.* Женская логика. – Ростов-на-Дону: РГУ, 1993. – 224 с.
112. *Лазарев А.В.* Когнитивно-фреймовые особенности глагольных и субстантивных средств выражения понимания (на материале английского и русского языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 30 с.
113. *Лайонз Дж.* Лингвистическая семантика: Введение / пер. с англ. В.В. Морозова и И.Б. Шатуновского. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 400 с. – (Язык. Семиотика. Культура.)
114. *Лапина О.Г.* Социальная составляющая языкового образа человека (на материале предметных фразеологизмов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2008. – 24 с.
115. *Ларионова Ю.А.* Фразеологический словарь современного русского языка. – М.: «Аделант», 2014. – 512 с.
116. *Леонтьева Т.В.* Интеллект человека в зеркале русского языка: дисс. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2003. – 296 с.

117. *Литвиненко Ю.Ю.* Концепт возраст в семантическом пространстве образа человека в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2006. – 22 с.
118. *Лихачев Д.С.* Заметки о русском. – М.: Сов. Россия, 1981. – 72 с.
119. *Ломов Б.Ф.* когнитивные процессы как процессы психического отражения / Б.Ф. Ломов, Т.Н. Ушакова, В.А. Барабанщиков. – М.: Наука, 1986. – С. 16.
120. *Манякина Т.Н.* Языково-стилистическая характеристика жанра афоризмов (на материале нем. яз.): дисс. ... канд. филол. н. – Днепропетровск, 1980. – 230 с.
121. *Маркелова Т.В.* Функционально-семантическое поле оценки в русском языке // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1994. – № 4. – С. 12–19.
122. *Маслова В.А.* Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
123. *Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 296 с.
124. *Маслова Ж.Н.* Когнитивная концепция поэтической картины мира: монография / Ж.Н. Маслова. – М.: ФЛИНТА, 2012. – 420 с.
125. *Мечковская Н.Б.* Социальная лингвистика. – М., 2000. – 208 с.
126. *Мирсаетова Л.А.* Образ человека во фразеологической картине мира в татарском языке (сопоставительно с русским): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2004. – 20 с.
127. *Мишин А.А.* Концепты ум и глупость в немецкой и английской языковых картинах мира: дис. ... канд. филол. наук / А.А. Мишин. – Владимир, 2007. – 150с.
128. *Мокиенко В.М.* Славянская фразеология. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1989. – 286 с.
129. *Мокиенко В.М.* Загадки русской фразеологии. – М.: Высшая школа, 1990. – 160 с.

130. *Мокиенко В.М.* Принципы этимологического анализа фразеологии // *Philologia Slavica*. К 70-летию акад. Н.И. Толстого. – М., 1993. – С. 346–353.

131. *Мокиенко В.М.* Образы русской речи: Историко-этимологические очерки фразеологии. – СПб.: Фолио-Пресс, 1999. – 464 с.

132. *Мокиенко В.М., Сидоренко К.П.* Школьный словарь крылатых выражений Пушкина. – СПб.: Издательский Дом «Нева», 2005. – 800 с.

133. *Морковкин В.В.* Основы теории учебной лексикографии: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 1990. – 71 с.

134. Национально-культурные концепты / сост.: Р.Р. Замалетдинов, Ф.Р. Сибгаева. – Казань: Изд-во КФУ, 2013. – 47 с.

135. *Никитина Л.Б.* Семантика и прагматика оценочных высказываний об интеллекте (К проблеме образа человека в соврем. рус. яз.): автореф. дисс... канд. филол. н. / Алт. гос. ун-т. – Барнаул, 1996. – 21 с.

136. *Никитина Л.Б.* Образ homo sapiens в русской языковой картине мира: монография. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2003. – 187 с.

137. *Никитина Л.Б.* Категориальные семантические черты образа homo sapiens в русской языковой картине мира: монография / Л.Б. Никитина. – М.: Флинта, 2011. – 148 с.

138. *Одинцова М.П.* Вместо введения: к теории образа человека в языковой картине мира // *Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки (на материале русского языка)*. Ч. 1 / Под ред. М.П. Одинцовой. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2000. – С. 8–11.

139. *Ольшанский И.Г.* Гендерные исследования как одно из направлений социолингвистики / И.Г. Ольшанский // *Проблемы социолингвистики и многоязычия*. Вып. 1 / под ред. А.-К С. Баламамедова и В.А. Татаринова. – М., 1997. – С. 22–34.

140. *Падучева Е.В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке: Семантика нарратива. 2-е изд., испр.

и доп. – М.: Языки славянской культуры, 2011. – 480 с. (Язык. Семиотика. Культура.).

141. *Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремологии. – М.: Наука, 1988. – 236 с.

142. *Пименова М.В.* Эволюция функциональной системы лексических средств выражения эстетической оценки // Человек и его язык: антропологический аспект исследований. – Н. Новгород, 1997. – С. 58–63.

143. *Пименова М.В.* Эстетическая оценка в древнерусском тексте: автореф. дисс. ... д-ра наук; С.-Петербур. гос. ун-т. – СПб., 2000. – 38 с.

144. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.

145. *Потапов В.В.* Язык женщин и мужчин: фонетическая дифференциация // Известия АН Сер. литературы и языка, 1997. – Т. 56. – № 3. – С. 52–62.

146. *Потебня А.А.* Мысль и язык. – Киев: СИНТО, 1993. – 192 с.

147. Психологическая диагностика: учебное пособие / под ред. К.М. Гуревича и Е.М. Борисовой. – М.: Изд-во УРАО, 1997. – 304 с.

148. *Пушкарев Л.Н.* Что такое менталитет (Историографические заметки) / Л.Н. Пушкарев // Отечественная история. – 1995. – № 1. – С. 158–166.

149. *Рябова А.Л.* Фразеосемантическое поле способностей личности (на материале английского языка): дисс. ... канд. филол. наук. – Москва, 2007. – 200 с.

150. *Садыкова А.Г., Закирова Л.Р., Акимова О.В.* Comparative typology: Theory and Practice = Сравнительная типология: теория и практика: учебное пособие / А.Г. Садыкова, Л.Р. Закирова, О.В. Акимова. – Казань: КФУ, 2012. – 158 с.

151. *Самедов М.Д.* Фразеологические единицы, обозначающие эмоциональные и интеллектуальные состояния человека, в английском и арчинском языках: дисс. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2006. – 162 с.

152. *Сергеева Н.М.* Концепты «ум», «разум» в русской языковой картине мира: дисс. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2004. – 192 с.
153. *Смагулова Г.Н.* Концепт «женщина» в казахских фразеологизмах // Вестник Новгородского государственного университета. № 49. – Новгород, 2008. – С. 84–87.
154. *Соколова Г.Г.* Составляющие коннотативного значения фразеологических единиц // Лингвистические проблемы перевода. – М., 1981. – С. 54–62.
155. *Солнышкина М.И.* Введение в сравнительное языкознание: учеб. пособие для студентов факультетов иностр. языков педагогических ун-тов и ин-тов/ М.И. Солнышкина. – Казань: КГПУ, 2004. – 191 с.
156. *Соловьева Н.С.* Динамика гендерных стереотипов в английской и русской языковых картинах мира (на материале фразеологии): монография / Н.С. Соловьева. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2014. – 466 с.
157. *Суралева О.Ю., Скоробогатова Т.И.* О гендерной сбалансированности фразеологических единиц, характеризующих интеллектуальную состоятельность (на материале французского языка) // Гуманитарные и социальные науки 2010. – № 3 230. – С. 230–239.
158. *Табурова С.К.* Эмоциональный уровень мужской и женской языковой личности и средства его выражения (на материале пленарных дебатов бундестага): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. МГЛУ. – М., 1999. – 24 с.
159. *Тарасова Ф.Х.* Паремии с компонентом «пища» в татарском, русском и английском языках: лингвокультурологический и когнитивно-прагматический аспекты: монография. – Казань: РИЦ, 2012. – 304 с.
160. *Тарасова Ф.Х., Кормильцева А.Л.* Категория оценки в устойчивых выражениях английского и русского языков с концептом «женский интеллект» // В мире научных открытий. – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2013. № 11.11(47) (Проблемы науки и образования). 332 с. – С. 240–250.

161. *Тарасова Ф. Х., Кормильцева А. Л.* «Ментальные признаки устойчивых выражений, кодирующих женский интеллект в английском и русском языках» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 8 (38): в 2-х ч. Ч. II. – С. 154–157.
162. *Тарланов З.К.* Русские пословицы: Синтаксис и поэтика: монография. – Петрозаводск, 1999. – 448 с.
163. *Телия В.Н.* Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке. – М.: Наука, 1981. – 270 с.
164. *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 143 с.
165. *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
166. *Тривати С.Н.* Вербализация основных концептов, представляющих интеллектуально-эмоциональную деятельность человека: дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2007. – 186 с.
167. *Турилова М.В.* Генетическая и мотивационная характеристика лексико-семантического поля «безумие» в русском языке: дисс. ... канд. филол. наук. – Москва, 2010. – 309 с.
168. *Урысон Е.В.* Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогии в семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 224с.
169. *Успенский Л.В.* Коротко об афоризмах // Афоризмы. – Л.: Наука, 1964. – С. 23–24.
170. *Фаттахова Н.Н.* Народные приметы в разноструктурных языках: монография / Н.Н. Фаттахова, М.А. Кулькова. – М: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 248 с.
171. *Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И.* Афористика. – М.: Наука, 1990. – 419 с.
172. *Фомин А.Г.* Психолингвистическая концепция моделирования гендерной языковой личности. – Кемерово: Кузбасс вузиздат, 2003. – 236 с.

173. *Холодная М.А.* Психология интеллекта: парадоксы исследования. Изд-е 2-е, перераб. и доп. – СПб.: Питер, 2002. – 272 с.
174. *Хохоева Ф.И.* Фразеологический концепт «женский интеллект» в русской и осетинской лингвокультуре / Ф.И. Хохоева // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. – №77. – С. 212–216.
175. *Хэар Р.М.* Дескрипция и оценка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. – М., 1985. – С. 183-195.
176. *Червоный А.М.* Выражение интеллектуального уровня субъекта французскими и английскими фразеологизмами // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 2 (32) 2014, часть 1. – С. 197–201.
177. *Чернышева И.И.* Фразеология современного немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1970. – 199 с.
178. *Чехоева Т.С.* Репрезентация концептов «мужчина» и «женщина» в русской лингвокультуре: на материале афористики: дисс. ... канд. филол. наук. – Владикавказ, 2009. – 229 с.
179. *Чибышева О.А.* Концепт «женщина» в русской и английской фразеологии: на материале предметных фразеологизмов, именующих женщину: дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2005. – 250 с.
180. *Шанский Н.М.* Лексикология современного русского языка: учебное пособие для студентов педагогических институтов по специальности «Русский язык и литература» Издание 2-ое, исправленное. – М.: Просвещение, 1972. – 368 с.
181. *Шанский Н. М.* Фразеология современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1996. – 218 с.
182. *Шишигина О.Ю.* Объективация концепта «женщина» в английской фразеологии: дисс. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2003. – 190 с.
183. *Шмелев Д.Н.* Современный русский язык. Лексика. – М.: Просвещение, 1977. – 335 с.

184. *Ясюкова Л.А.* Чем выше интеллект, тем меньше конфликтов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.center-psychology.ru/literature/konfl/> (дата обращения 7.10.2014).
185. *Abrahams R. D.* Proverbs and Proverbial Expressions, in Dorson, R. M. (ed.). *Folklore and Folklife: An Introduction*. Chicago: University of Chicago Press, 1982. – P. 117–128.
186. *Clifford R.* Proverbs: a commentary. – Louisville, Kentucky: Westminster John Knox Press, 1999.
187. *Bailey James L.* Literary Forms in the New Testament: a handbook / James L. Bailey and Lyle de Vander Broek. 1st ed. – Westminster: John Knox Press, 1992. – 222 p.
188. *Cowie A. P.* Phraseology. Theory, Analysis, and Applications. – Oxford: Clarendon press, 1998. – 258 p.
189. *Cram D.* The linguistic status of the proverb // Wise words. Essays on the proverb / Ed. by W. Mieder. – N.Y., 1994. – P. 73–97.
190. *Cruse D.A.* Prototype theory and lexical semantics / Cruse D.A. // Meaning and Prototypes. Studies in Linguistic Categorization / Ed. by Tsohatzitis S.L. – L., N.Y., 1990. – P. 382–402.
191. *Dell K. J.* The Books of Proverbs in Social and Theological Context. – Cambridge: Cambridge University press, 2006. – 236 p.
192. *Dundes A.* On the structure of the Proverb, in Mieder, W. & A. Dundes (eds). *The Wisdom of many: Essays of the Proverb*. – Madison, Wisconsin: University of Wisconsin Press, 1994. – P. 43–64.
193. *Fillmore C.J.* Construction Grammar. Course reader for linguistics. – Berkeley: University of California, 1990.
194. *Gardner H.* Frames of mind: The theory of multiple intelligences / H. Gardner. – New York: Basic Books, 1983. – 224 p.
195. Gender across languages: the linguistic representation of women and men. Volume 4 / ed. by Marlis Hellinger and Heiko Motschenbacher. USA: John Benjamins Publishing, 2015. – 405 p.
196. *Honeck R.P.* A Proverb in Mind: the Cognitive Science of Proverbial Wit and Wisdom. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., 1997.

197. *Jackendoff R.* Languages of the Mind. Essays on Mental Representation / Jackendoff R. // *Cognitive Linguistics*. 1996. – P. 93–129.
198. *Kormiltseva A., Tarasova F.* Lexical features of set expressions coding female intelligence in the Russian and English languages // *Proceedings of the 2nd European Conference on Education and Applied Psychology* (May 14, 2014). «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. – Vienna, 2014. – 298 P. – P. 99–104.
199. *Langacker R.W.* Concept, Image and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar / Langacker R.W. // *Cognitive Linguistics Research*. – Berlin / New York: Mouton de Gruyter, 2000. – 427 p.
200. *Mieder, W. & A. Dundes* Preface to the Paperback Edition, in *Mieder, W. & A. Dundes* (eds). *The Wisdom of many: Essays of the Proverb*. – Madison, Wisconsin: University of Wisconsin Press, 1994. – P. 7–13.
201. *Mieder W.* Popular Views of the Proverb / W. Mieder // *Proverbium*. – Ohio State University, 1985. – № 2. – P. 109–143.
202. *Mieder W.* Proverbs are never out of fashion. Popular wisdom in the modern age. – N.Y.: Oxford, 1993.
203. *Mieder W.* Paremiological minimum and cultural literacy / W. Mieder // *Wise words. Essays on the proverb* / Ed. by W. Mieder. – N.Y., 1994. – P. 297–316.
204. *Mieder W.* Proverbs: A Handbook. – Westport, Connecticut: Greenwood Press, 2004.
205. *Milner G.B.* Quadripartite structures // *Proverbium* 14, 1969. – P. 379–383.
206. *Motschenbacher Heiko.* Language, gender and sexual identity: poststructuralist perspectives. USA: John Benjamins Publishing, 2010. – 212 p.
207. *Norrick N. R.* How Proverbs Mean: Semantic Studies in English Proverbs. – Amsterdam: Mouton, 1985.
208. *Norrick N.R.* Proverbial pel-locutions. How to do things with proverbs // *Wise words. Essays on the proverb* / Ed. by W. Mieder. – N.Y., 1994. – P. 143–157.

209. *Palmer F.R.* Semantics: A New Outline. – Cambridge: Cambridge University Press, 1976. – 164 p.

210. *Phraseology: An Interdisciplinary Perspective.* Edited by Sylviane Granger and Fanny Meunier. – John Benjamins Publishing company. 2008. – 423 p.

211. *Taylor A.* The Proverb. – Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1931.

212. *Taylor A.* Selected writings on proverbs / A. Taylor/ – Helsinki, 1975. – 203 p.

213. *Taylor A.* The Wisdom of Many and the Wit of One, in Mieder, W. & A. Dundes (eds). The Wisdom of many: Essays of the Proverb. – Madison, Wisconsin: University of Wisconsin Press, 1994. – P. 3–9.

214. *Vrbinc A.* A Cross-linguistic and Cross-cultural Analysis of English and Slovene Onomastic Phraseological Units. – Cambridge Scholars Publishing, 2019. – 320 p.

215. *Weisgerber L.* Zum Sinnbezirk des Geschehens im heutigen Deutsch // Festschrift für J. Trier: Zum 70. Geburtstag. – Köln, 1964. – P. 23–46.

216. *Wierzbicka. A.* Semantics, Culture and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. – New York, 1992.

217. *Wierzbicka. A.* Soul, Mind, and Heart // Semantics, Culture and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. – New York, 1992.

218. *Yankah K.* Do proverbs contradict? // Wise words. Essays on the proverb / Ed. by W. Mieder. – N.Y., 1994. – P. 127–142.

Словарные источники

219. *Александрова З.Е.* Словарь синонимов русского языка: Ок. 9000 синонимических рядов / под ред. Л.А. Чешко. – 5-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1986. – 600 с.

220. *Арсентьева Е.Ф.* Русско-английский фразеологический словарь / Е.Ф. Арсентьева: под ред. Ч. Карлсона. – Казань: Хэтэр, 1999. – 318 с.
221. Афоризмы /сост. Ничипорович Т.Г. – Мн: Литература, 1998. – 832 с.
222. *Белянин В.П., Бутенко И.А.* Живая речь. Словарь разговорных выражений. – М., 1994. – 192 с.
223. *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Словарь фразеологических синонимов русского языка / Под ред. В.М. Мокиенко. Ростов-н/Д: Феникс, 1996. 352 с. – [Бирих 1996].
224. *Бирих А.К. и др.* Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. – СПб., 1999. – [Бирих 1999].
225. *Бирих А.К.* Словарь фразеологических синонимов русского языка: Ок. 7000 фразеологизмов, свыше 900 синонимич. рядов / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова; Под ред. В.М. Мокиенко. – М.: ООО Изд-во «Астрель», Изд-во «Астрель», 2001. – 496 с. – [Бирих 2001].
226. *Бирих А.К.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь/А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова: под ред. В.М. Мокиенко. – М.: Астрель, АСТ, Люкс, 2005. – 926с. – [Бирих 2005].
227. Большой русско-английский словарь. Сост. А.И. Смирницким / О.С. Ахманова, З.С. Выгодская, Т.П. Горбунова и др.; под общ. рук. А.И. Смирницкого. 24-е изд., стереотип. / Под ред. О.С. Ахмановой. – М.: Рус. яз., 2001. – 768 с. – [БРАС].
228. Большой русско-английский фразеологический словарь [Электронный ресурс]. URL: http://phraseology_ru_en.academic.ru (дата обращения 11.09.2014). – [БРАФС].
229. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с. – [БТСРЯ].
230. *Векишин Н.Л.* Русский язык в афоризмах. – М.: МГУ, 2001. – 192 с.

231. *Гейвандов Э.А.* Женщина в пословицах и поговорках мира. – М.: Галиоцентр, 1995. – 303 с.
232. Грамотей. Электронная библиотека [Электронный ресурс]. URL: http://www.gramotey.com/?page=32&open_file=1195197795.36 (дата обращения 10.06.2014).
233. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. В 3т. – М: Русская книга, 1996. – 2080 с.
234. *Даль В.И.* Пословицы русского народа [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/dahl_proverbs/ (дата обращения: 8.04.2014).
235. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://v-dal.ru/> (дата обращения 26.04.2014).
236. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Рус. яз., 1998. Т. 1: А – З. 1998. – 699 с., 1 портр.
237. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Рус. яз., 1998. Т. 2: И – О. 1998. – 779 с., 1 портр.
238. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Рус. яз., 1998. Т. 3: П. 998. – 555 с., 1 портр.
239. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Рус. яз., 1998. Т. 4: Р – У. 1998. – 699 с., 1 портр.
240. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 тт. Т. 2: И – О. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 672 с.
241. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 2 тт. Т. 1: А – О. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 1280 с.
242. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 2 тт. Т. 2: П – V. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 1088 с.
243. *Девлин Д.* Словарь синонимов и антонимов английского языка. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2002. – 559 с.
244. *Душенко К.В.* Большая книга афоризмов. – М: ЗАО Издательство ЭКСМО-Пресс, 2001. – 1056 с.

245. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.efremova.info/> (дата обращения: 20.06.2014).

246. Женщина, жизнь, любовь. Pro и Contra: Афоризмы, мысли, софизмы, цитаты и изречения великих и невеликих людей /сост. Шевляков М. – М: Терра – Книжный клуб, 1999. – 528 с. – [Шевляков 1999].

247. Женщины – пословицы, поговорки [Электронный ресурс]. URL: <http://mudreishy.ru/poslovitsy-i-pogovorki/tag/zhenschiny> (дата обращения 11.09.2014).

248. Золотой словарь афоризмов. – Мн: Харвест, М: АСТ, 2000. – 416 с. – [ЗСА].

249. Золотые афоризмы о женщинах, любви и браке / сост. В. Борисов. – М.: РИПОЛ классик. 2009. – 576 с. – [Борисов 2009].

250. *Квеселевич Д.И.* Русско-английский фразеологический словарь. – М.: Рус. яз., 2000. – 705 с.

251. *Котий Г.А.* Русско-английский словарь крылатых слов и выражений / Г.А. Котий; под ред. А.С. Дробашенко. – 4-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 40 с.

252. *Кунин А.В.* Англо-русский фразеологический словарь / Лит. ред. М.Д. Литвинова. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1984. – 944 с. – [Кунин 1984].

253. *Кунин А.В.* Англо-русский фразеологический словарь. – М.: Рус. яз., 2000. – 512 с. – [Кунин 2000].

254. *Кунин А.В.* Большой англо-русский фразеологический словарь. Изд-е 6-е исправл. – М.: Живой язык, 2005. – 944с. – [Кунин 2005].

255. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой; Ин-т языкознания АН СССР. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 682 с. – [ЛЭС].

256. Литературный энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 752 с.

257. *Лубенская С.И.* Русско-английский фразеологический словарь. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 1052 с.
258. *Митина И.Е.* Английские пословицы и их русские аналоги. – СПб.: КАРО, 2003. – 336 с.
259. *Мокиенко В.М., Ниткина Т.Г., Николаева Е.К.* Большой словарь русских пословиц. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с. – [БСРП Мокиенко 2010].
260. Муж и жена – пословицы и поговорки [Электронный ресурс]. URL: <http://arina-nikitina.ru/article/muzh-i-zhena-poslovitsi-i-pogovorki> (дата обращения 17.03.2014). – [Никитина].
261. Мужчина-женщина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.donrazvitie.ru/index.php/2010-09-12-15-34-43/369> (дата обращения 17.03.2014).
262. *Надель-Червинская М.* Личные имена русской паремиологии. Лингвокультурологический словарь. – Тернополь: Крок, 2011. – 258 с.
263. Новый Большой англо-русский словарь: в 3 т. / Ю.Д. Апресян, Э.М. Медникова, А.В. Петрова и др. – 3-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1998. – 2496 с.
264. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. Изд. 12-е. – М: Русский язык, 1978. – 846 с.
265. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «А ТЕМП», 2010. – 874 с.
266. *Пархамович Т.В.* 1000 русских и 1000 английских идиом: Словарь с пояснениями и примерами использования. 3-е изд. – Минск, 2000. – 128 с.
267. Пословицы и поговорки о женском нраве [Электронный ресурс]. URL: <http://tvojadysha.ru/?p=2644> (дата обращения 17.03.2014).

268. Пословицы и поговорки со словом [КУРИЦЕ] [Электронный ресурс]. URL: http://www.x-vim.info/s_45deaa08a.html (дата обращения 17.03.2014).

269. Пословицы про женщин [Электронный ресурс]. URL: <http://millionstatusov.ru/poslovitsi/zhenshiny.html> (дата обращения 11.09.2014).

270. Предки [Электронный ресурс]. URL: <http://www.donrazvitie.ru/index.php/2010-09-12-15-34-43/257> (дата обращения 17.03.2014).

271. *Раковский М.* Пословицы, поговорки, мудрые мысли. – Душанбе: Ирфон, 1969. – 355 с.

272. Российский энциклопедический словарь: в 2 кн. / Гл. ред.: А. М. Прохоров. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2001. Кн. 1: А-Н., Кн. 2: Н-Я. – 2015 с.

273. Русский народ: пословицы, загадки, сказки / В.И. Даль, Д.Н. Садовников, А.Н. Афанасьев. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 384 с.

274. Словарь русских народных говоров. Вып. 5. – Ленинград: Наука, 1970. – 344 с. – [СРНГ].

275. Словарь русских народных говоров. Вып. 2. – Москва-Ленинград: Наука, 1966. – 317 с. – [СРНГ].

276. Словарь синонимов русского языка / сост. А.Ю. Мудрова. – М.: Центрполиграф, 2009. – 507, [5] с. – [ССРЯ 2009].

277. Сущность-наружность [Электронный ресурс]. URL: <http://www.donrazvitie.ru/index.php/2010-09-12-15-34-43/358#m12> (дата обращения 17.03.2014).

278. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. URL: <http://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 10.07.2014). – [ТСО].

279. *Уваров Н.В.* Энциклопедия народной мудрости [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.ru/books?id=WJniBAAAQBAJ&pg=PT1693&dq> (дата обращения 10.06.2014). – [Уваров].

280. Универсальный англо-русский словарь [Электронный ресурс]. URL: http://universal_en_ru.academic.ru (дата обращения 10.06.2014). – [УАРС].

281. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dict.t-mm.ru/ushakov/> (дата обращения 11.09.2014). – [Ушаков].

282. *Федоров А.И.* Фразеологический словарь русских говоров Сибири/ Сост. Л.Г. Панин, Л.В. Петропавловская, А.И. Постнова, А.И. Федоров; под ред. А.И. Федорова. – Новосибирск, 1983. – 232 с.

283. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX вв. / под ред. А.И. Федорова. – М., 1995. – 606 с. – [ФСРЛЯ].

284. *Холманских И.В.* Компаративные фразеологические единицы с компонентом-зоонимом (на материале русского и болгарского языков): дисс. (Приложение). – Тюмень, 1999.

285. *Шадрин Н.Л.* Русско-английский словарь устойчивых сравнений. – СПб.: ООО Изд-во «Золотой век», 2003. – 528 с.

286. *Шитова Л.Ф.* Proper Name Idioms and Their Origins = Словарь именных идиом. – СПб.: Антология, 2013. – 192 с.

287. *Шитова Л.Ф., Брусникина Т.Л.* English Idioms and Phrasal Verbs/ Англо-русский словарь идиом и фразовых глаголов. – СПб.: Антология, 2003. – 256 с.

288. Шотландские пословицы [Электронный ресурс]. URL: http://puzzles.amparlius.ru/new/pas_scotish.asp?id=50 (дата обращения: 14.05.2014).

289. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 т. / А.Н. Тихонов, Р.И. Хашимов, Г.С. Журавлева и др.; под общ. ред. А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова. – Т. 1. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2014. – 840 с.

290. American proverbs about women: a reference guide / Lois Kerschen. – USA: Greenwood Press, 1998. – 206p. – [American proverbs 1998].

291. *Brenner G.* Webster's New World American Idioms Handbook. – Indianapolis. Indiana: Wiley Publishing Inc. – 2003. – 480 p.
292. *Browning D.C.* Everyman's Dictionary of Quotations and Proverbs. – Lnd: Dent, NY: Dutton, 1952. – 526 p.
293. Cambridge International Dictionary of Idioms. – Cambridge University Press, 2002. – 587 p. – [CIDI].
294. Cambridge English Free Dictionary and Thesaurus [Электронный ресурс]. URL: <http://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 20.06.2014). – [Cambridge].
295. *Christy R.* Proverbs, Maxims and Phrases of All Ages. 2 vol. (vol. 2) – Lnd-NY: 1998. – 602 p.
296. *Dent R.W.* Proverbial language in English drama exclusive of Shakespeare, 1495-1616. – London: University of California Press, 1984. – 797 p.
297. Dictionary of Proverbs, George Latimer Apperson. – Wordsworth Editions Ltd, 2005. – 656 p. – [Dictionary of Proverbs].
298. *Fergusson R.* The Penguin Dictionary of Proverbs. – Middlesex, England: Penguin Books, 1995. – 331 p.
299. Grammar matters: Proverbs. – New Delhi: Sterling Publishers Pvt. Ltd., 2006. – 191 p. – [Grammar matters].
300. *Holder R.W.* A Dictionary of Euphemisms. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – 470 p.
301. *Hornby A.S.* Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. – Oxford, 1982.
302. *Hornby A.S.* Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. – Oxford, 2004. – 1539p. – [OALDCE].
303. *Karen Weekes.* Women Know Everything!: 3,241 Quips, Quotes, & Brilliant Remarks. – Quirk Books, 2007. – 480 p. – [Weekes 2007].
304. Longman Dictionary of English Idioms. – Addison Wesley Longman Limited, 1998. – 398 p. – [LongDicId].
305. Longman Dictionary of English Language and culture. – Longman, 2003. – 1568 p. – [LDELIC 2003].

306. Longman English Dictionary Online [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ldoceonline.com/> (дата обращения: 20.06.2014). – [Longman].
307. *Mieder W.* A Dictionary of American Proverbs. – Oxford University Press, 1992. – 972 p. – [DAP].
308. Онлайн-словарь ABBYY Lingvo-Online [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lingvo-online.ru/ru> (дата обращения: 20.06.2014). – [ABBYY Lingvo].
309. Oxford Dictionary of English Idioms. – Oxford University Press, 2002. – 378 p. – [ODEI].
310. Preaching proverbs: wisdom for the pulpit / Alyce M. McKenzie. 1st ed. – USA: Westminster John Knox Press, 1996. – 170 p. – [Preaching proverbs].
311. Proverbs and quotes about women [Электронный ресурс]. URL: <http://allabout-quotes.blogspot.ru/2012/04/proverbs-and-quotes-about-women.html> (дата обращения: 12.06.2014).
312. Sayings Usual and Unusual. – London: Worldsworth Editions Limited, 2007. – 295 p.
313. The Guinness Book of Poisonous Quotes. – Chicago, IL, USA: Contemporary Books, 1993. – 348 p.
314. The New Penguin English Dictionary. – Penguin Books, 2000. – 1642 p. – [NPED].
315. The Penguin Russian Dictionary. – Penguin Books, 1996. – 1120 p. – [PRD].
316. Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. – New York: Gramercy Books, 1996. – 1693 p. – [WED].
317. Webster's Third New International Dictionary of the English Language Unabridged. – Merriam-Webster Inc., USA, 1986. – 2666 p. – [WTNIDELU].
318. Wisdom through the ages: Italian and English proverbs and quotations / Pasquale Varano/ LEGAS. – Mineola, New York, 2004. – 176 p.
319. Women as wives [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sacred-texts.com/wmn/fow/fow19.html>. (дата обращения: 10.05.2014).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Глава 1. Теоретические основы изучения устойчивых выражений русского и английского языков.....	6
1.1. Устойчивые выражения как часть языковой картины мира.....	6
1.1.1. Паремии и паремиологическая картина мира.....	11
1.1.2. Фразеологизмы (идиомы).....	16
1.1.3. Афоризмы.....	20
1.2. Аспекты изучения устойчивых выражений в двух разноструктурных языках.....	24
1.3. Интеллектуально-ориентированные устойчивые выражения как объект лингвистического исследования.....	32
1.4. Степень изученности лексического поля «женщина» в русском и английском языках.....	38
Выводы по главе 1.....	43
Глава 2. Лексико-семантическое описание устойчивых выражений, обозначающих женский интеллект, в русском и английском языках.....	45
2.1. Лексико-семантические группы на современном этапе изучения. Понятие лексического поля.....	45
2.1.1. Лексические особенности устойчивых выражений, обозначающих женский интеллект, и средства создания образности.....	48
2.1.2. Семантические особенности устойчивых выражений, обозначающих женский интеллект.....	63
2.1.3. Ментальные признаки устойчивых выражений, обозначающих женский интеллект.....	91
2.2. Оценка как компонент семантики устойчивых выражений русского и английского языков, обозначающих женский интеллект.....	102

2.2.1. ЛСГ с положительной оценкой ЖИ.....	106
2.2.2. ЛСГ с отрицательной оценкой ЖИ.....	109
2.2.3. ЛСГ с двоякой оценкой ЖИ.....	112
Выводы по главе 2.....	115
Глава 3. Гендерный аспект устойчивых выражений, обозначающих женский интеллект, в русском и английском языках.....	118
3.1. Состояние и специфика гендерных исследований в лингвистике на современном этапе.....	118
3.2. Гендерно-маркированные фразеологизмы.....	125
3.3. Гендерно-маркированные паремии.....	131
3.4. Гендерно-маркированные афоризмы.....	137
Выводы по главе 3.....	144
Заключение.....	147
Список сокращений и условных обозначений.....	154
Литература.....	155
Научная литература.....	155
Словарные источники.....	174

Научное издание

Кормильцева Алевтина Леонидовна
Тарасова Фануза Харисовна

**ЛЕКСИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ЖЕНСКИЙ ИНТЕЛЛЕКТ»
В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ
(НА ПРИМЕРЕ УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ)**

Корректоры
А.Л. Кормильцева
Ф.Х. Тарасова

Подписано в печать 24.12.2019.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Формат 60х84 1/16. Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 10,8

Уч.-изд. л. 8,02. Тираж 100 экз. Заказ 118/12

Отпечатано в типографии Издательства Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37
тел. (843) 233-73-59, 233-73-28